СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ). [1]).

Первый печатный трудъ А. А. Потебни — магистерская диссертація „*О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи*“ 1860 г. (въ 154 стр.)—давно уже вышелъ изъ продажи и въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость. Въ ряду другихъ трудовъ А. А. Потебни это сочиненіе слабое. Здѣсь Потебня пошелъ по пути, проложенному Н. И. Костомаровымъ въ 1843 г. въ сочиненіи „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“. Костомаровъ отыскивалъ символы въ пѣсняхъ; Потебня останавливается на символикѣ въ языкѣ, причемъ располагаетъ символы по единству предполагаемаго въ нихъ основнаго представленія. По опредѣленію Потебни, символика въ языкѣ возникла изъ потребности возстановить забываемое собственное значеніе словъ, вмѣстѣ съ лексическимъ ростомъ языка. Авторъ вкратцѣ отмѣчаетъ три главныя отношенія символа къ опредѣленному имъ предмету: сравненіе, противоположеніе и отношеніе причинное. Болѣе всего символизма обнаруживается въ женскихъ пѣсняхъ, въ зависимости отъ консерватизма женщины. Символизмъ находится въ обратномъ отношеніи къ силѣ посторонннихъ вліяній, а потому онъ обнаруживается яснѣе у русскихъ и сербовъ, чѣмъ въ пѣсняхъ чеховъ, поляковъ, лужичанъ и хорватовъ.

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1892 г., № 1.

Сочиненіе Костомарова объ историческомъ значеніи русской поэзіи, повидимому, было неизвѣстно Потебнѣ, когда онъ писалъ свою магистерскую диссертацію. На Костомарова нѣтъ ссылокъ. Книга Костомарова богаче содержаніемъ и оригинальнѣе по методу и группировкѣ фактовъ. Сравненіе этого перваго труда Потебни съ послѣдующими его сочиненіями, свидѣтельствуетъ о быстротѣ и силѣ его научнаго развитія. Уже сочиненіе „*Мысль и языкъ*“, написанное черезъ два года, составляетъ большой шагъ впередъ, а въ сочиненіяхъ Потебни 70 и 80 годовъ трудно узнать автора книги „О символахъ въ славянской народной поэзіи“.

Въ книгѣ разсмотрѣны символическія значенія словъ: *пить, питье* (желать, стремиться, любить, цѣловать, блудъ, свадебный пиръ; женитьба, какъ символъ битвы и смерти; питье воды—слезы), *пда* (хлѣбы—символы мужчинъ и женщинъ), *горечь* (горе, печаль; символика горькихъ растеній, полыни и пр.), *соль* (печаль, непріятность); *сладость* (любовь, счастье, милый), *таяніе* (голодъ, жажда, печаль), *кованье, огонь* (любовь, гнѣвъ), *дымъ* и *пыль* (печаль); краткая замѣтка о заговорахъ на 31 — 33 стр.; *морозъ* (сближается съ огнемъ, означаетъ жажду, печаль, заботу); неудачное объясненіе слова химорода (отъ зима, хима) на стр. 36; *свѣтъ* (солнце-дѣвица, мѣсяцъ-мужчина, князь; смѣшеніе пола; красота, любовь, веселье); *бѣлый* (названія цвѣтовъ; бѣлый въ значеніи свѣтлый, красный, зеленый, красивый, милый), *зеленый* (малорус. гряный, свѣтлый, молодой, красивый, веселый), *красный, калина* (символъ дѣвства, красоты, любви), *золото* (свѣтъ, красота), *черный, черная туча, темная ночь* (печаль, вражда, смерть и пр.), *быстрота* (красота, любовь, умъ, свѣтъ, сила), *найти* (узнать, развѣдать), *поймать* (сосватать), *вода холодная* (здоровье, сила, молодость), *копать криницу* (любить, сватать), *вода въ криницѣ* (дѣвство), *вѣтеръ* (быстрота, приноситъ человѣка, гостей, уноситъ человѣка —„завіявсь“, „повіявсь“, приноситъ вѣсть, моръ—повѣтріе), *слюна* (слово, порча); гаданія вѣтромъ и водою на 84 стр.; *утопить* (погубить), *разливъ* (горе, недруги), *слезы* (роса, дождь), *литъ, обливанье* и *обсыпанье* (обливанье дѣвицъ у колодца на 97;

рождественскіе обряды съ кашей на 100—102); *облако* (ткань, дымъ, символъ покрыванія, изобилія и красоты); *листья* (одежда; зеленые листья—символъ брака; опаданіе листьевъ—разлука); *рой* (густота, изобиліе, красота; символъ молодаго и полѣзжанъ); *вить, вязать, нить, путо, узда* (сватанье, дѣвица, женщина, любовь и бракъ, завиваніе кудрей—любовь и счастье; счастливыя примѣты о паукѣ и паутинѣ; обрученіе; заручины; кромѣ любви, узда, возжи, ярмо означаютъ еще неволю, нужду; рыночные обряды въ зависимости отъ символа вязанія на 132); *ключъ* и *замокъ* (символы власти, дѣвицы, росы, силы слова); *рвать* (переходъ въ ткать, плесть, чесать, рѣзать, бить); *платье* (рубаха—дѣвица, рвать ткань—любить); *дорога* (ходить по дорогѣ—любить); *орать* (любить, жениться), *равнина, поле* (воля, приволье) и *горы* (горе, неволя).

Фактическій матеріалъ почерпнутъ большею частью изъ сборниковъ Метлинскаго и Терещенка, затѣмъ изъ Гаупта, Кульды, Сахарова, Кулиша, Жеготы Паули, Караджича, Войцицкаго и статей Буслаева.

Въ диссертаціи Потебни о символахъ уже ясно и отчетливо обнаружились этнографическіе интересы автора. Потебня вкратцѣ останавливается на обрядахъ, сказкахъ, заговорахъ, примѣтахъ. Нѣкоторыя этнографическія детали, еле отмѣченныя въ диссертаціи 1860 г., впослѣдствіи были подробно разобраны Потебней. Такъ, въ томъ же направленіи символическаго толкованія языка и поэзіи написаны статьи „*О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ*“ (1864 г.), и „*Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака*“ (1867 г.). Это символическое направленіе проходитъ во всѣхъ послѣдующихъ трудахъ Потебни, въ томъ числѣ въ лучшихъ позднѣйшихъ, напр., въ рецензіи на сборникъ пѣсенъ Головацкаго и въ сочиненіи о малорусскихъ и сродныхъ пѣсняхъ, но уже въ сопровожденіи многихъ примѣровъ и съ надлежащей научной аргументаціей.

Въ 1865 г. А. А. Потебня въ „Чтеніяхъ въ общ. ист. и древн. рос.“ помѣстилъ обширное (310 стр.) изслѣдованіе „*О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій*“. Символическое толкованіе словъ обнаруживается во многихъ под-

строчныхъ примѣчаніяхъ, изрѣдка въ текстѣ. На первомъ мѣстѣ стоитъ миѳологія. Это было время господства въ Россіи миѳологической теоріи. Въ Германіи увлеченіе миѳологіей начинало уже ослабѣвать. Въ 1859 г. вышло знаменитое предисловіе Бенфея къ Панчатантрѣ, положившее начало новому направленію — ученію о литературномъ и бытовомъ заимствованіи, которое повело къ ограниченію миѳологической теоріи. Но въ Россіи въ 60-хъ годахъ ученіе это не успѣло окрѣпнуть. На поприщѣ миѳологическаго изслѣдованія повѣрій и обрядовъ Потебня имѣлъ уже талантливыхъ предшественниковъ, Срезневскаго, Буслаева, Аѳанасьева, отчасти Бодянскаго и Шеппинга, но Потебня не послѣдовалъ за ними въ выборѣ темъ, въ распредѣленіи матеріала и въ выводахъ. Его учителями и руководителями оказались выдающіеся представители нѣмецкой миѳологіи, Я. Гриммъ, Мангардтъ и Вольфъ. Потебня выбиралъ темы и распредѣлялъ матеріалъ самостоятельно; но въ выводахъ, въ освѣщеніи и толкованіи обрядовъ и повѣрій—обнаруживается вліяніе нѣмецкихъ образцовъ.

Сочиненіе распадается на три большія главы. Первая посвящена рождественскимъ обрядамъ (1—80); вторая трактуетъ о бабѣ-Ягѣ (81—232) и третья о змѣѣ, волкѣ и вѣдьмѣ (233—310). Каждая глава представляетъ самостоятельное цѣлое.

Изслѣдованіе *о рождественскихъ обрядахъ* оказалось наиболѣе продуктивнымъ въ научномъ отношеніи, по обилію фактическихъ данныхъ и тѣсной связи ихъ съ жизнью народа. Начинается это изслѣдованіе съ описанія сербскаго *бадняка* (сожиганіе въ печи бревна), посыпанія хлѣбныхъ зеренъ, возжиганія свѣчей и чествованія плуга. Далѣе говорится о посвященіи солнцу и жертвоприношеніи свиньи, быка и оленя, отчего пошли и обрядныя кушанья: свинина, колбасы. Въ концѣ изслѣдованія собрано много матеріала объ обрядовомъ употребленіи хлѣба и каши. Съ 1865 г. русская наука не стояла на мѣстѣ, и въ то время, какъ Потебня оставилъ шаткую почву миѳологіи и предался спеціально филологическимъ занятіямъ, всѣ части его труда о рождественскихъ обрядахъ были другими учеными исправлены, развиты, переработаны, и наконецъ въ

новое время появились самостоятельные научные труды по тѣмъ же отдѣламъ фольклора, и въ этихъ трудахъ выдвинуты новые матеріалы и новыя точки зрѣнія. Прежде всего крупныя исправленія внесены П. А. Лавровскимъ въ рецензіи 1866 г. Эти исправленія касаются преимущественно предложенныхъ Потебней толкованій отдѣльныхъ словъ (баднякъ, млинъ, ядро и др.). Толкованія обрядовъ и повѣрій, предложенныя Лавровскимъ, сравнительно съ его филологическими поправками, имѣютъ мало значенія. Обрядовое употребленіе свинины и родственные обряды подробно обслѣдованы А. Н. Веселовскимъ въ „Розысканіяхъ“ (1880 г.); обрядовое употребленіе хлѣба разработано мной въ 1885 г. въ спеціальной монографіи „Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ“, причемъ трудъ А. А. Потебни былъ для меня драгоцѣннымъ пособіемъ. Позднѣе въ 1887 г. вышло сочиненіе Гуссона „Histoire du pain à toutes les epoques et chez tous les peuples“, содержаніе котораго, довольно жидкое, не отвѣчаетъ громкому заглавію, интересное сочиненіе чешскаго ученаго Коштяла „Chléb v pověrach a zvycich lidu českeho“ (1886), небольшая моя статейка „Starodawne sposoby przyrządzania chleba“ въ „Вислѣ“ 1890 г. Сюда же относится небольшое сочиненіе Штауба „Das Brod im Spiegel schweizer-deutscher Volkssprache und Sitte“ (1868 г.).

Изслѣдованіе *о бабѣ-Ягѣ* до настоящаго времени сохранило большую научную цѣнность, по обилію разнороднаго этнографическаго матеріала. Въ началѣ изслѣдованія Потебня говоритъ о Гольдѣ и Бертѣ, затѣмъ сближаетъ съ этими миѳическими лицами бабу Ягу, на основаніи нѣкоторыхъ общихъ повѣрій о мыши и воронѣ. Далѣе идетъ сближеніе съ бабой Ягой Гвоздензуба, бабы Руги, бабы Коризмы, Покладней бабы и Марены. Большія сомнѣнія вызываютъ дальнѣйшія миѳическія толкованія сказокъ о лисѣ и сближеніе ихъ съ сказками о бабѣ Ягѣ. Значительный интересъ представляетъ разборъ сказки объ Ивасѣ и вѣдьмѣ, въ связи съ мнѣніями Ѳ. И. Буслаева объ этой сказкѣ. Большой научный интересъ имѣетъ разборъ основныхъ мотивовъ сказокъ о злой мачихѣ. Изъ частныхъ сказочныхъ мотивовъ весьма подробно разсмотрѣны: кобылья голова,

сказочныя жабы, чудесныя по быстротѣ кони, женщины-лебеди, южнославянскія вилы, связь вилы со звѣздою, мотивы о бабиныхъ дочкахъ, о черепахѣ, ракѣ, пчелѣ и щукѣ въ народной словесности, въ частности по связи ихъ съ бабой Ягой. Статья оканчивается сближеніями Яги съ Пятницей и Недѣлей, не выдерживающими научной критики. Погрѣшности въ миѳическомъ толкованіи обрядовъ и повѣрій не роняютъ статью въ научномъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что подстановки неба, тучи, зимы, висящія въ воздухѣ, легко отдѣлимы отъ богатаго пущеннаго въ ходъ этнографическаго матеріала, и всякій безпристрастный и добросовѣстный этнографъ найдетъ въ статьѣ Потебни о Ягѣ цѣнное и полезное пособіе по многимъ отдѣламъ фольклора. Основныя положенія о миѳическомъ значеніи Яги вѣрны, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени ни мало не поколеблены. Г. Ганушъ-Махалъ, авторъ новѣйшаго изслѣдованія о славянской миѳологіи (Nákres slovanskeho bajeslovi, 1891 г.), вполнѣ раздѣляетъ основное положеніе Потебни о миѳическомъ значеніи Яги, какъ образѣ зимнихъ бурь и тучъ; съ славянскими повѣрьями о Ягѣ онъ сравниваетъ древне-греческія о горгонахъ (66 — 68). Статьѣ Потебни о Ягѣ вредитъ обиліе частныхъ мотивовъ, такія сближенія (сказки о лисѣ и др.), которыя не имѣютъ связи съ сказками о Ягѣ и привлечены гадательно. Эти детали имѣютъ самостоятельную цѣнность; но въ экономіи статьи онѣ представляются часто лишними и нарушаютъ цѣльность содержанія и послѣдовательность въ изложеніи основныхъ мотивовъ сказокъ и повѣрій о Ягѣ.

Третья глава, посвященная *сближенію змѣя, волка и вѣдьмы*, представляетъ также цѣнное научное изслѣдованіе, не въ силу самаго сближенія, искусственнаго и натянутаго, а по подбору и обработкѣ сыраго этнографическаго матеріала. Строгій критикъ сочиненія „О миѳич. знач. нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“ П. А. Лавровскій отдаетъ справедливость автору, что „концемъ своего изслѣдованія онъ заготовилъ подробный матеріалъ для критической его разработки“. Потебня начинаетъ третью статью съ опроверженія мнѣнія Аѳанасьева о змѣѣ, какъ громовомъ божествѣ, и говоритъ о связи змѣя съ водой, съ тучами, причемъ подро-

бно останавливается на сказкахъ о борьбѣ богатырей со змѣемъ изъ-за похищенныхъ послѣднимъ царевенъ, сказкахъ о трехъ царствахъ, сказкахъ о Кощеѣ Безсмертномъ, гдѣ Кощей замѣняетъ змѣя, сказкахъ о змѣиныхъ дочкахъ и женѣ змѣя (=туча) и сказкахъ о сватаньѣ на дочери змѣя (сказки объ Иванѣ Голикѣ и др.). Далѣе слѣдуютъ замѣчанія о волколакахъ, упыряхъ и вѣдьмахъ, предположенія о миѳическомъ значеніи ихъ, приложимыя вполнѣ къ вѣдьмамъ, но большею частью ошибочныя относительно волколаковъ и упырей. Статья оканчивается интереснымъ обзоромъ растительныхъ обереговъ отъ вѣдьмъ, чеснока, крапивы, терновника и осины.

Сочиненіе Потебни „О миѳическомъ значеніи обрядовъ“ вызвало обширную (въ 102 стр.) и суровую критику П. А. Лавровскаго во 2 кн. „Чтеній московск. общ. истор. и древ.“ 1866. Рецензія Лавровскаго сильна по отрицанію, но слаба и безцвѣтна въ смыслѣ положительномъ. Рецензентъ удачно и мѣтко вскрываетъ слабыя стороны въ выводахъ Потебни, не давая своихъ собственныхъ и не восполняя этнографическаго матеріала. Слабостью положительныхъ данныхъ объясняется, что рецензія Лавровскаго не оставила въ наукѣ замѣтнаго слѣда. Лавровскій признаетъ въ сочиненіи Потебни „усидчивую продолжительность и добросовѣстность труда, не отрицаетъ пользы его для науки, по крайней мѣрѣ, со стороны подбора фактовъ славянскаго матеріала и сближенія ихъ съ фактами другихъ родственныхъ народовъ“ (102); но въ то же время Лавровскій обстоятельно обвиняетъ Потебню въ томъ, что онъ „придалъ слишкомъ много значенія случайному сходству и слишкомъ мало обратилъ вниманія на спеціальныя условія народа, неизбѣжно вліявшія какъ на физическую его сторону, такъ и на нравственную“, не обратилъ вниманія на христіанскія элементы и подгонялъ факты подъ предвзятую идею. Послѣдній упрекъ, подкрѣпленный многочисленными ссылками и выписками, для Потебни былъ полезенъ. Десять лѣтъ спустя Срезневскій писалъ: „Читая произведенія (Потебни 60-хъ годовъ), нельзя не удивляться начитанности изслѣдователя и умѣнью пользоваться знаніемъ многихъ языковъ и про-

изведеній народной поэзіи и миѳологіи многихъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его широкой сообразительности въ пріисканіи соотношеній между представленіями и въ сравненіи годныхъ для него данныхъ, замѣченныхъ имъ въ самыхъ разнообразныхъ источникахъ. Немудрено, что самое обиліе запасовъ его памяти и легкость ими пользоваться давали ему силу увлекаться, и что эта сила увлеченія должна была нерѣдко побѣждать въ немъ сдержанность его ума, готоваго столько же подчиняться несомнѣннымъ доказательствомъ, сколько и сомнѣваться во всемъ, что не объясняется такими доказательствами. Увлеченіе заставляло приходить къ выводамъ, показавшимся другимъ слишкомъ смѣлыми или и невѣрными, хотя и къ такимъ же, какіе были защищаемы изслѣдователями, достойными полнаго уваженія, и между прочимъ такими даровитыми, какъ Яковъ Гриммъ и Буслаевъ. Самыя увлеченія такихъ людей важны для успѣховъ науки, для выработки пріемовъ работы и пріемовъ критики, для оцѣнки важности данныхъ, нужныхъ для выводовъ и выводовъ изъ нихъ. Разсматривая съ этой стороны труды Потебни, нельзя не быть признательнымъ ему за нихъ, такъ же, какъ, напр., и Лавровскому за строгій разборъ части ихъ. Только время и послѣдующія изслѣдованія многихъ дѣятелей могутъ показать, что именно изъ соображеній Потебни должно считать достояніемъ науки“ (*Срезневскій*, Отчетъ, 17—18). Можетъ быть, не безъ вліянія критики Лавровскаго развелась въ Потебнѣ съ теченіемъ времени большая осторожность въ выводахъ. Въ послѣднихъ, самыхъ крупныхъ по величинѣ и достоинству, этнографическихъ трудахъ Потебни эта осторожность уже такъ велика, что встрѣтила осужденіе со стороны А. Н. Пыпина: „Новые труды ученаго автора, говоритъ г. Пыпинъ, въ высокой степени цѣнны для спеціалистовъ громадной массой наблюденій надъ стилемъ народной пѣсни, ея метафорическими и символическими образами, миѳологическими намеками, психологической подкладкой; жаль, однако, что авторъ все время остается только изслѣдователемъ комментаторомъ, собираетъ богатый матеріалъ любопытныхъ сопоставленій и уклоняется отъ общаго вывода о стилѣ и миѳологи-

ческомъ содержаніи изслѣдованныхъ имъ областей народной поэзіи,—вывода, который въ рукахъ многоопытнаго изыскателя могъ бы быть особливо поучителенъ, между прочимъ какъ руководство для послѣдующихъ работниковъ на этомъ поприщѣ" (Ист. русск. этногр., II, 153).

Сочиненіе Потебни „О миѳическомъ значеніи обрядовъ" къ малорусской этнографіи относится косвенно, по обилію вошедшихъ въ него (преимущественно въ первую главу) малорусскихъ повѣрій и сказокъ.

Не имѣетъ прямого отношенія къ малорусской этнографіи и другое ближайшее по времени (1866 г.) сочиненіе Потебни *О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій* (въ Филол. Запискахъ и отдѣльно). Отзывъ объ этомъ сочиненіи—Срезневскаго въ его Отчетѣ, стр. 19 — 20. Основное положеніе Потебни, принятое Срезневскимъ, состоитъ въ томъ, что раздробленіе древне-русскаго языка, отличнаго уже отъ другихъ славянскихъ, на нарѣчія началось многимъ раньше XII вѣка, потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія великорусскаго нарѣчія на сѣверное и южное, а такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти другъ отъ друга.

Въ 1867 году Потебня напечаталъ двѣ большихъ статьи этнографическаго содержанія: „*О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ*" (во II т. „Древностей" Моск. арх. общ.) въ 44 стр. и „О купальскихъ огняхъ" (въ „Археол. Вѣстникѣ" Москов. археол. общ.) въ 19 стр. Обѣ эти статьи, въ особенности вторая (о купальскихъ огняхъ), сохранили до настоящаго времени научную цѣнность по обилію матеріала, подбору его и выводамъ.

Въ настоящее время народныя представленія о Долѣ имѣютъ обширную научную литературу. Въ 60 годахъ матеріала было еще мало, и матеріалъ былъ очень разбросанъ. Можетъ быть, широкая научная разработка Доли обязана именно тому, что Потебней былъ заложенъ прочный фундаментъ. Въ началѣ статьи Потебня говоритъ о названіяхъ Доли и Недоли (счастье, доля,

среча, намјера, случай, притча, пригода, рокъ, лихо, бѣда, горе, журба) и объ отношеніи Доли и Недоли къ человѣку (приходятъ къ человѣку, помогаютъ или мучатъ и пр.). Далѣе слѣдуетъ утвержденіе, что Доля и Недоля—не олицетворенія, какъ думалъ Ѳ. И. Буслаевъ, а миѳическія существа съ объективнымъ бытіемъ. Въ доказательство этого положенія слѣдуютъ обстоятельныя указанія на связь Доли и т. п. съ несомнѣнно миѳическимъ лицомъ—домовымъ, на связь Доли и души, Доли и болѣзней, Доли и Усуда сербскихъ сказокъ. При этихъ параллеляхъ и сопоставленіяхъ собрано много матеріала о домовомъ, скандинавской фильгіи и дѣтской сорочкѣ, о народныхъ представленіяхъ о болѣзняхъ вообще, въ частности о лихорадкахъ. Въ концѣ статьи находится подробный обзоръ сербскихъ сказокъ объ Усудѣ, въ которомъ Потебня усматривалъ верховное миѳическое существо—подателя доли. Къ этой статьѣ Потебни можно примѣнить тотъ упрекъ, который Лавровскій сдѣлалъ Потебнѣ по поводу сочиненія о миѳическомъ значеніи повѣрій: полное невниманіе къ повѣрьямъ, сложившимся на христіанской апокрифической почвѣ, что въ особенности приложимо къ той части, гдѣ рѣчь идетъ о лихорадкахъ.

Съ легкой руки Потебни научная литература обогатилась цѣлымъ рядомъ крупныхъ изслѣдованій о народныхъ представленіяхъ о долѣ: Боровиковскаго (1867 г.), г. Крауса (1889), г. Александра Веселовскаго (1883 и 1891), г. Васильева (1890), г. Довнаръ-Запольскаго (1891) и П. В. Иванова (1892 г.). Въ ряду этихъ изслѣдованій труды Боровиковскаго (въ IV кн. „Чтеній“ москов. общ. истор. и древн. рос. 1867 г.), г. Васильева (въ Этногр. Обозр. 1890, № 1) и г. Иванова (въ IV т. Трудовъ харьк. истор.-филол. общества) построены всецѣло на украинскомъ матеріалѣ. Въ научномъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ обширный трудъ г. Веселовскаго.

Статья „*О купальскихъ огняхъ* и сродныхъ съ ними представленіяхъ“ и въ настоящее время представляется наиболѣе крупной и цѣнной въ научной литературѣ о купалѣ. Съ 1867 года появилось довольно много новаго матеріала; но матеріалъ этотъ не подвергался подробному научному обслѣдованію. Моя

краткая статья въ „Культурныхъ переживаніяхъ“ (§ 57) и также краткія статьи г. Соболевскаго (въ Рус. Филол. Вѣстн.) и г. Ґануша-Махала (въ Nakres slov. bajeslovi) не могутъ въ совокупности замѣнить статью Потебни. Правда, въ этой статьѣ нѣтъ многихъ купальскихъ обрядовъ и повѣрій; но за то тѣ немногія детали, которыя привлекли къ себѣ вниманіе Потебни, разобраны имъ весьма обстоятельно. Въ началѣ статьи находится сближеніе купальскихъ костровъ съ топленіемъ и сожиганіемъ Марены—въ доказательство, что купало—праздникъ солнца. Далѣе слѣдуетъ интересный обзоръ фактовъ о добываніи огня посредствомъ тренія и о всемірномъ небесномъ деревѣ; но лучшая часть статьи—послѣдняя, гдѣ Потебня говоритъ о громовомъ и солнечномъ значеніи омелы, лѣщины, дуба, плакуна, вербы и папортника. Мнѣніе о связи этихъ растеній съ небеснымъ огнемъ, можетъ быть и несостоятельное въ нѣкоторыхъ фактическихъ деталяхъ, въ основаніи представляется весьма вѣроятнымъ. Подборъ фактовъ сдѣланъ широко, въ особенности много собрано о папортникѣ. Во всякомъ случаѣ, будущему изслѣдователю купальскихъ обрядовъ и повѣрій прійдется серьозно считаться съ мнѣніями Потебни, прійдется пользоваться собраннымъ имъ матеріаломъ. Можно надѣяться на скорое появленіе такого спеціальнаго труда о купалѣ, въ которомъ купальскіе обряды и пѣсни будутъ разобраны во всей ихъ полнотѣ и со всѣхъ сторонъ. Есть основаніе думать, что такимъ изслѣдованіемъ подаритъ науку современная польская этнографія, можно думать въ виду того усердія, съ которымъ польскіе этнографы собираютъ матеріалъ, какъ польскій, такъ и южнорусскій. Лучшій, наиболѣе полный сборникъ малорусскихъ купальскихъ пѣсенъ и обрядовъ принадлежитъ г-жѣ Мошинской въ V т. „Zbiór wiadomosci do antrop. krajowej“. Въ прошломъ году г. Любичъ составилъ подробную программу (kwestionariusz) для собиранія свѣдѣній о купальскихъ обрядахъ и пѣсняхъ (Sobótka). Эта программа вызвала уже цѣлый рядъ замѣтокъ и матеріаловъ въ журналѣ „Wisła“, въ частности въ 1 кн. „Вислы“ 1891 г. любопытный матеріалъ г. Ястржембовскаго.

Въ 1870 года Потебня въ „Филологическихъ Записках“ помѣстилъ *„Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи“*, вышедшія въ въ 1871 г. отдѣльно книгой въ 134 стр. Въ 1875 г. Срезневскій писалъ объ этой книгѣ: „По характеру изложенія это дѣйствительно замѣтки; но кто, прочетши эти замѣтки, захочетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ изъ нихъ узналъ, тотъ будетъ въ состояніи не только опредѣлить звуковыя особенности малорусскаго нарѣчія сравнительно съ великорусскимъ въ ихъ повременномъ развитіи, общемъ и мѣстномъ, но и ясно отвѣчать на нѣкоторые трудные вопросы фонетики русскаго языка вообще, имѣя средство доказательно оспаривать нѣкоторыя изъ ихъ прежнихъ рѣшеній, могшихъ казаться окончательными. Нельзя при этомъ не замѣтить, что свои наблюденія г. Потебня извлекъ изъ очень богатаго подбора источниковъ, какъ древнихъ и старинныхъ, такъ и современныхъ. Нельзя также не быть ему признательнымъ за желаніе быть безпристрастнымъ, дававшее ему рѣшимость сознаваться въ ошибкахъ, отказываться отъ мнѣній, оказавшихся невѣрными, искать не доказательствъ предвзятой мысли, а какъ можно болѣе данныхъ для наиболѣе вѣрнаго свода ихъ къ выводу“ (Отчетъ, 22). „Замѣтки“, цѣнныя въ филологическомъ отношеніи, не даютъ ничего этнографическаго въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Только на стр. 62—64 находится любопытная замѣтка о трехъ малорусскихъ словахъ дзыглыкъ, дженжуристый и дзиндзиверъ. Останавливаясь на славянскихъ словахъ съ дж, дз, Потебня говоритъ: „Малорусскихъ словъ съ дз, дж несравненно больше, чѣмъ сколько вошло въ словарь Аѳанасьева. Я укажу здѣсь на три иностранныя слова, въ коихъ въ украинскомъ говорѣ стоитъ дз, дж: дзигликъ, польск. zedlik, zedel есть нѣмец. sessel по нижненѣмецкому произношенію съ t; джиджулуха, приджиджулиться—принарядиться, откуда дженджуристый—нарядный, серб. кинджуритися—рядиться, джинджеръ—какое то украшеніе и въ переносномъ смыслѣ эпитетъ человѣка, и джинджуха—стеклянная бусина, и третье слово — дзиндзиверъ, по мнѣнію Потебни, malva moschata—растеніе съ пряннымъ запахомъ (по мнѣнію другихъ—althea officinalis или malva silvestris). Отъ вы-

сокаго ствола растенія переносное значеніе дзиндзиверъ—молодецъ (въ Энеидѣ Котляревскаго и въ народныхъ пѣсняхъ). Потебня указываетъ далѣе, что въ хожденіи за три моря Аѳанасія Никитина (1468 г.) упоминается зеньзебиль (zinziber officinale), и затѣмъ, по даннымъ у Пота, указано греческое слово дзиндзиверисъ и его италіанскія и нѣмецкія искаженія (zenzevere, giengiero, ingwer, инбирь). Этими данными вообще опредѣляется происхожденіе малор. дзиндзиверъ, причемъ Потебня не берется рѣшать, перешло ли это слово прямо изъ греческаго или черезъ италіянскій, что тоже возможно.

Со времени „Замѣтокъ“, или, точнѣе, со времени „Купальскихъ огней“, т. е. съ 1867 г. и до конца семидесятыхъ годовъ, до 1877 и 1878 г., Потебня работалъ въ области спеціально филологической. Въ это время имъ были напечатаны „Записки по русской грамматикѣ“, первая часть „Къ исторіи звуковъ“ и разборъ „Очерка звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ г. Житецкаго. Можно было подумать, что Потебня совсѣмъ оставилъ этнографію, и по этому поводу появились даже сожалѣнія, высказанныя авторитетными людьми науки. Такъ, Срезневскій въ своемъ академическомъ отчетѣ 1875 года писалъ: „Можно даже пожалѣть, что г. Потебня, насколько это можно видѣть изъ издаваемыхъ имъ нынѣ трудовъ, уже не продолжаетъ трудиться въ направленіи, котораго исключительно держался въ первые годы своей учено-литературной дѣятельности: даровитость, управляемая опытностью и желаніемъ сознательно объяснять неясное самому себѣ и потомъ уже другимъ, всегда можетъ быть порукою въ пользѣ дѣятельности людей науки, въ какомъ бы направленіи они ни трудились“.

Опасенія были напрасны. Въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ Потебня снова выступилъ на поле этнографическихъ изученій и обогатилъ науку капитальными трудами, далеко превосходящими его этнографическія изслѣдованія 60-хъ годовъ, по методологіи, обилію фактовъ и осторожности въ выводахъ.

Второй періодъ этнографической дѣятельности Потебни охватилъ ровно десятилѣтіе, начался въ 1877 году съ объясненія одной малорусской пѣсни XVI в. и закончился въ 1887

г. объемистымъ трудомъ о колядкахъ. Этнографическіе труды Потебни этого періода стоятъ къ Малороссіи гораздо ближе, чѣмъ отмѣченные выше труды о рождественскихъ обрядахъ, бабѣ Ягѣ, Долѣ и Купальскихъ огняхъ.

Въ малорусской этнографіи выдаются по научной обстановкѣ 3 изданія памятниковъ словеснаго народнаго творчества: „Историческія пѣсни Антоновича и Драгоманова (1874 г.)“, „Малор. пѣсня по списку XVI в.“ Потебни (1877) и „Корницкая свадьба“ Н. А. Янчука (1886 г.). Каждое изъ этихъ изданій имѣетъ свои особенности; въ одномъ преобладаютъ историческія толкованія, въ другихъ филологическія; но всѣ эти изданія должны быть настольными книгами при собираніи, обработкѣ и изданіи этнографическихъ матеріаловъ, какъ образцы высокаго уваженія къ народному слову, трудолюбиваго и добросовѣстнаго изученія народныхъ пѣсенъ въ цѣломъ и въ мелкихъ подробностяхъ. Тутъ важно содержаніе и методъ изслѣдованія, пріемы издателей, самое отношеніе ихъ къ предмету изслѣдованія. У Антоновича и Драгоманова методологія отчасти заслонена и ослаблена богатствомъ самого содержанія пѣсенъ, ихъ высокими художественными достоинствами. Потебня и г. Янчукъ оперируютъ надъ матеріаломъ сравнительно мелкимъ и блѣднымъ, и потому самая работа ихъ стоитъ болѣе на виду; отчетливѣе обрисовываются всѣ ихъ пріемы и выводы.

Статья Потебни *„Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.“* (текстъ и примѣчанія) была сначала напечатана въ Филол. Запискахъ, потомъ вышла въ оттискахъ (53 стр.). Здѣсь находится разборъ малорусской пѣсни, напечатанной въ „Чешской грамматикѣ“ Благослава (1571 г.) въ числѣ образцовъ славянскихъ нарѣчій. Пѣсня эта—„Дунаю, Дунаю, чому смутенъ течешь“—повѣствуетъ о томъ, какъ на берегу Дуная сражались три арміи, турецкая, татарская и волоская. Стефанъ, воевода волоскій, не можетъ жениться на любящей его дѣвушкѣ, потому что она не ровня ему, и не можетъ бросить ее, потому что любитъ ее. Дѣвица бросается въ Дунай, и Стефанъ ее спасаетъ (причемъ предполагается и женитьба). Комментаріи раздѣляются на четыре главы: 1) о языкѣ, 2) о размѣрѣ, 3) о

началахъ пѣсенъ и 4) о главномъ содержаніи пѣсни о Стефанѣ. Въ первой главѣ отмѣчены чехизмы и случаи дательнаго на *ми* и *ти*, *намъ*, *вы*, *вамъ*, во второй—о размѣрѣ пѣсни о Стефанѣ въ 12 слоговъ въ стихѣ и о цезурѣ. Эта маленькая глава представляетъ зародышъ тѣхъ обширныхъ изслѣдованій о размѣрѣ пѣсенъ, какія вошли въ рецензію на сборникъ пѣсенъ Головацкаго (1878 г.) и въ сочиненія о малорусскихъ и сродныхъ пѣсняхъ (80-хъ годовъ). Въ этой главѣ Потебня высказываетъ слѣдующее положеніе, подробно развитое въ упомянутыхъ его трудахъ: „Говорить здѣсь о ямбахъ, хореяхъ и проч., хотя бы и тоническихъ, нѣтъ другаго основанія кромѣ школярной рутины. Единственный метръ есть именно полустишіе. Размѣръ народной пѣсни первоначально возникаетъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, почему синтаксическое дѣленіе стиха совпадаетъ съ естественнымъ дѣленіемъ напѣва“. Въ краткой четвертой главѣ говорится о символическомъ значеніи героическаго средства дѣвицы броситься въ Дунай. Главная сила статьи заключается въ обширной третьей главѣ (14—50), трактующей о народной поэзіи съ новой стороны. Здѣсь Потебня „безъ притязаній на полноту“ отмѣчаетъ слѣдующіе пріемы: 1) начала пѣсенъ безъ приступа, съ событія или рѣчи дѣйствующаго лица, или съ краткаго и сухаго обозначенія мѣста и времени; 2) начала съ непосредственнаго воспріятія пѣвца; 3) начала съ символа; 4) начала, изображающія дѣйствія пѣвца и приводящія его къ извѣстнымъ наблюденіямъ, составляющимъ содержаніе пѣсни; въ силу того, что такія начала характеристичны для заговоровъ и причитаній надъ мертвыми, Потебня посвящаетъ нѣсколько страницъ заговорамъ и плачамъ; 5) начала съ подробнаго описанія мѣстности дѣйствительной или идеальной, описанія, равнаго основному содержанію пѣсни или даже переростающаго это содержаніе; 6) начала, въ которыхъ не самъ пѣвецъ видитъ поле, море и пр., а птица съ высоты полета, причемъ широкая сцена, какъ и въ началахъ предыдущаго №, представляетъ иногда тройственное дѣленіе; къ этимъ началамъ подходятъ начала со звѣзды или съ животныхъ, и 7) начала, въ которыхъ разрабатывается

внутреннее содержаніе пѣсни и мысль пѣвца внутри самой пѣсни находитъ новое движеніе мысли по спирали къ центру, своего рода einschachtelung. Такія начала встрѣчаются въ величальныхъ пѣсняхъ. Эти положенія снабжены многими примѣрами.

Въ статьѣ „Малор. пѣсня по списку XVI в.“ Потебня неоднократно обращается къ „Слову о Полку Игоревѣ“. Въ началѣ статьи есть замѣтки о языкѣ Слова, въ концѣ—о запѣвѣ автора Слова“. Очевидно, что Потебня въ это время обстоятельно изучалъ *Слово о Полку Игоревѣ* въ связи съ народной поэзіей, преимущественно южнорусской. Результатомъ этихъ изученій было обширное изслѣдованіе о Словѣ, напечатанное въ „Филол. Запискахъ“ 1878 г. (были оттиски). По существу дѣла, этнографическій матеріалъ, приведенный въ обиліи, имѣетъ здѣсь служебное значеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей, имѣющихъ общее этнографиееское значеніе, наприм., замѣтокъ о молоткѣ, саблѣ съ очами и о вѣщихъ перстахъ (12—14), Велесѣ, вилетѣ и пр. (22), образахъ Дива, Горя, Обиды (28—31, 36, 69, 97), сравненіяхъ князя съ солнцемъ (44), разныхъ эпитетахъ (44, 45), значеніи словъ свычай и обычай (48—50), символѣ битвы (62), символѣ погибели (79, 94), символахъ печали и слезъ (84—90), толкованіе собственныхъ именъ Роменъ (городъ по рѣкѣ, роменъ=литов. ramus, тихій, спокойный) и Оскелъ (105), толкованія словъ буй, буево и др. (112), о символѣ разлуки (114), символахъ битвы (125), символѣ любви и брака (148), о пѣніи лебедей (151). Замѣтки о символахъ, повторяющія общія мнѣнія, высказанныя въ магистерской диссертаціи 1860 г., обставлены примѣрами изъ народной словесности, что придало символическимъ толкованіямъ прочную опору.

Въ 1878 г. въ Отчетѣ объ уваровскихъ преміяхъ было напечатано одно изъ крупныхъ сочиненій Потебни—*рецензія на сборникъ галицкихъ пѣсенъ Головацкаго* (89 стр.). Это сочиненіе извѣстно лишь немногимъ спеціалистамъ. Малая извѣстность его обусловлена помѣщеніемъ въ такомъ изданіи, которое имѣетъ очень ограниченный кругъ читателей. Оттиски

были, но, кажется, въ небольшомъ количествѣ и въ продажу не поступали. Затѣмъ, эта статья Потебни съ трудомъ читается; она состоитъ изъ отдѣльныхъ замѣтокъ; встрѣчаются отступленія; прокладываются новые пути для изученія пѣсенъ, требующіе отъ читателя усиленнаго вниманія, рѣчь сжатая, сильная и мѣстами тяжелая. А между тѣмъ—это единственное сочиненіе Потебни, гдѣ на ряду съ научными деталями высказались общіе взгляды и убѣжденія автора по вопросамъ объ отношеніи народности къ цивилизаціи, о значеніи денаціонализаціи и др. т. п. Самъ Потебня дорожилъ этимъ трудомъ преимущественно съ этой стороны, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ въ автобіографіи: „Изъ того, что мнѣ приходилось говорить о народности, заимствованіи и т. п. въ печать попадали только строки, напр., въ разборѣ пѣсенъ Головацкаго". Самыя характерныя страницы (29—34), нашедшія мѣсто въ академическомъ изданіи, въ настоящемъ случаѣ могутъ быть переданы лишь въ сокращеніи. Основная мысль автора достаточно отчетливо высказана въ слѣдующихъ строкахъ:..... „Отождествленіе народности со стариною и мнѣніе о ложности западной цивилизаціи можетъ подорвать довѣріе къ націонализму въ тѣхъ, для кого это ученіе не стоитъ крѣпко и не связано неразрывно съ самымъ предметомъ ихъ занятій.... Если бы постороннее вліяніе на народность было само по себѣ пагубно, то новыя народности не возникали бы вовсе..... Ошибка состоитъ здѣсь въ представленіи народности только содержаніемъ. На дѣлѣ народность реальна по отношенію къ своему прошедшему; но какъ условленная имъ совокупность способовъ воздѣйствія на новыя вліянія, она формальна до такой степени, что съ сохраненіемъ ея совмѣстимо даже полное, лишь бы постепенное, отрицаніе прежняго содержанія. Языкъ, согласно съ этимъ, есть не только одна изъ стихій народности, но и наиболѣе совершенное ея подобіе. Какъ немыслима точка зрѣнія, съ которой видны были бы всѣ стороны вещи... такъ невозможна всеобъемлющая безусловно-лучшая народность. Если бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы гибельно для общечеловѣческой мысли,

какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія человѣка нужны другіе люди; для народности—другія народности"..... Въ этихъ словахъ заключается примиреніе цивилизаціи и націонализма и сознательное служеніе обѣимъ великимъ силамъ новаго времени. Въ этихъ словахъ выразился тотъ Потебня, какимъ онъ былъ въ жизни, на каѳедрѣ, во мнѣніи своихъ учениковъ—Потебня гуманистъ и мыслитель.

Рецензія Потебни на сборникъ пѣсенъ Головацкаго состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой главѣ, послѣ краткихъ историческихъ замѣчаній о Галичинѣ, Угорщинѣ и Буковинѣ и объ этнографической картѣ Головацкаго, слѣдуютъ замѣтки о названіяхъ горъ, перешедшихъ изъ Галиціи на сѣверъ и сѣверо-востокъ (бескéди, грунь, диловання и щелопокъ), племенныхъ галицко-русскихъ названіяхъ (гуцулы, бойки и лемки), о словахъ, свидѣтельствующихъ объ инородныхъ вліяніяхъ на галичанъ (румын. брындза, вурда, кглякгъ, струнка, греч. бескиды, колиба, нѣмец. плекати). Далѣе слѣдуетъ объясненіе обычаевъ и названій ихъ: мѣшенье (пробное доеніе коровъ, отъ корня ма—мѣрить, откуда мѣсяцъ, какъ измѣритель времени), лещадь (бирки, счетныя палочки, расколотыя съ одного конца), токма (установленіе цѣны на овецъ на сходкѣ сельскихъ старшинъ, срав. съ точно, притча, приткнути, ровно, справедливо), эти замѣтки (21, 25) любопытны по существу, въ частности, по обстоятельной аргументаціи. На 24 стр. Потебня привелъ сказку о томъ, какъ „попъ телывся", которую слышалъ въ Пенз. губ. Въ послѣднее время издано нѣсколько варіантовъ этой сказки, въ I т. „Смоленскаго Сборника" Добровольскаго (бѣлорусская), въ „Сборникѣ" Манжуры (малорусская, на стр. 94), въ Κρυπταδια въ I т. (великорусскія). Потебня объясняетъ этой сказкой ту насмѣшливую пѣсню, гдѣ говорится, что Бойко отца своего съѣлъ, что, однако, весьма сомнительно. Сказка сама по себѣ, а насмѣшка надъ Бойками сама по себѣ, и между ними не видно ничего общаго. Галицкая пѣсенька отличается вполнѣ мѣстнымъ колоритомъ.

Вторая глава имѣетъ самостоятельное научное значеніе. Здѣсь находится оцѣнка сборника Головацкаго по полнотѣ,

правописанію и распредѣленію пѣсенъ. Въ эту главу вошло обширное и цѣнное изслѣдованіе о формальныхъ основаніяхъ дѣленія пѣсенъ. Относительно величины сборника г. Потебня говоритъ: „Изъ наличныхъ сборниковъ галицко-русскихъ пѣсенъ сб. Г. бо́льшій и лучшій; всѣ его отдѣлы въ настоящее время незамѣнимы, а отдѣлъ колядокъ и щедровокъ по количеству поэтическихъ мотивовъ и красотѣ образцовъ значительно превосходитъ соотвѣтствующій отдѣлъ сборника Чубинскаго". Потебня принятое Головацкимъ этимологическое правописаніе признаетъ неудобнымъ, по недостаточности его научнаго опредѣленія. „Изданіе произведеній устной словесности, говоритъ Потебня, должно быть закрѣпленіемъ ихъ грамотою прежде всего въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застаетъ наблюдатель. Смѣшеніе этого чисто-научнаго дѣла съ дѣломъ практическимъ, каково образованіе объединяющаго письменнаго языка, вноситъ неправду въ то и другое... Если нѣтъ средства записывать фонетически вѣрно, т. е. нѣтъ нужнаго для этого знанія, досуга, вниманія, то на нѣтъ и суда нѣтъ. Лучше блѣдный и даже искаженный образъ народнаго слова, чѣмъ никакого. Но извиненіе не есть оправданіе, и въ принципѣ стоитъ крѣпко, что сборникъ образцовъ устной словесности долженъ удовлетворять и требованіямъ языкознанія. Съ этимъ согласно только правописаніе, систематически избѣгающее иносказаній, умышленно ничего не маскирующее, не объединяющее, а представляющее раздѣльно то, что и существуетъ раздѣльно, не преслѣдующее другихъ цѣлей, кромѣ научныхъ".

Въ статьѣ о формальной систематизаціи пѣсенъ Потебня исходитъ изъ того положенія, что разряды малорусскихъ и др. сродныхъ пѣсенъ характеризуются прежде всего напѣвомъ и размѣромъ. Опредѣленіе пѣсенъ по напѣву дѣло очень трудное, требующее знанія музыки. „Для того, чтобы это дѣло могло у насъ пойти впередъ, нужны прежде всего многочисленные собиратели, руководящіеся эстетическими побужденіями; развитіе же образованнаго общества въ этомъ направленіи встрѣчаетъ у насъ не только внутреннія, но и внѣшнія препятствія". Немного иначе обстоитъ дѣло съ размѣромъ, какъ болѣе простой

и легче доступной формой пѣсни. Потебня предполагаетъ, что съ опредѣленіемъ размѣра опредѣлятся широкіе потоки пѣсеннаго преданія и облегчено будетъ отыскиваніе развѣтвленій и сліяній болѣе узкихъ теченій, образующихъ генеалогическую сѣть. Внѣшнія основанія распредѣленія поведутъ къ болѣе внутреннимъ основаніямъ подраздѣленій, именно, по сродству поэтическихъ образовъ. По формулѣ, гдѣ въ скобкахъ заключенъ стихъ, дѣленія котораго по слогамъ означены цифрами, и гдѣ поставлено число передъ скобками, обозначающее сколько разъ повторяется стихъ для составленія куплета, — по этой формулѣ Потебня указываетъ на слѣдующіе выдержанные размѣры: колядки—^{2}[5+5], веснянки—^{2}[5+5] или ^{2}[5+3], коломыйки—^{2}[8+6], талалайки—^{2}[6+6]. Свадебныя пѣсни и думы отличаются неопредѣленнымъ количествомъ слоговъ. Опредѣленіе размѣра безъ привычки дѣло мѣшкотное и утомительное, тѣмъ болѣе, что практическіе результаты представляются проблематичными. Потебня производилъ эту работу легко: произнося въ слухъ стихъ, онъ выстукивалъ по столу пальцами, и размѣръ быстро опредѣлялся по числу ударовъ въ зависимости отъ числа слоговъ. Въ наукѣ, сколько мнѣ извѣстно, только польскій этнографъ Нейманъ усвоилъ предложенный Потебней способъ опредѣленія размѣра и съ успѣхомъ приложилъ его въ сборникѣ малорусскихъ пѣсенъ въ VIII т. „Zbiór Wiadomości do antrop. krajowej“.

Нѣсколько интересныхъ страницъ посвящено началамъ пѣсенъ, указывающимъ на личность слагателя, преимущественно гуцульскихъ пѣсенъ. Эти начала (со звона, съ крика кукушки и др.), по словамъ Потебни, отвѣчаютъ выраженіямъ газетъ: „намъ сообщаютъ“, „упорно держится слухъ, что“... На этихъ же страницахъ (64—80) разбросаны замѣтки о символическомъ значеніи рѣки—рѣчи, дождя—слуховъ, купаться—женихаться, пить—любить и др., замѣтки, восполняющія примѣрами то, что уже было высказано въ диссертаціи 1860 г. о нѣкоторыхъ символахъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Малороссія по разсказамъ путешественниковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

Путешественныя записки Василья *Зуева* отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 году. СПБ. 1787 г.

Путешествіе въ Малороссію, изданное *К. П. Шаликовымъ*. М. 1803 г.

Другое путешествіе въ Малороссію *его же*. М. 1804 г.

Досуги крымскаго судьи или 2-е путешествіе въ Тавриду. Павла *Сумарокова*. СПБ. 1803 г.

Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы до Малороссіи. 3 части. О. фонъ *Гуна*, переводъ съ нѣм. М. 1806 г.

Письма изъ Малороссіи, писанныя Алексѣемъ *Левшинымъ*. Харьковъ 1816 г.

Записки русскаго путешественника А. *Глаголева* (путешествіе 1823 года). Т. 1-й. СПБ. 1837 г..

Путешественники—авторы вышеуказанныхъ сочиненій, авторы тѣхъ разсказовъ о Малороссіи, которые мы хотимъ передать въ настоящей статьѣ, отличались неодинаковыми, въ иныхъ случаяхъ даже рѣзко противоположными индивидуальными чертами, почему интересы каждаго изъ нихъ привлечены были *различными* сторонами жизни посѣщеннаго ими края; но даже при разсказѣ объ одномъ и томъ-же явленіи, оцѣнку этого явленія дѣлаютъ они съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія и дѣлятся со своими читателями неоднородными впечатлѣніями.

Изъ указанныхъ нами путешественниковъ первымъ по времени посѣтилъ Малороссію академикъ *Зуевъ*. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія отличаются большою разносторонностью. Естествоиспытатель по спеціальности, главнымъ образомъ онъ говоритъ объ оро-и гидрографіи страны, ея фаунѣ и флорѣ, но старается также собрать всѣ свѣдѣнія о численности населенія,

его занятіяхъ, торговлѣ и промышленности края, сообщаетъ свѣдѣнія о городахъ и поселеніяхъ, вдается иногда даже въ филологическія изысканія; такъ, онъ даетъ краткій словарь цыганскихъ словъ.

Для князя *Шаликова*, какъ онъ самъ признается, „самою любезною буквой въ алфавитѣ является *я*“. При такой привязанности къ этой буквѣ и при сантиментализмѣ, доходящемъ до каррикатурности, которымъ въ добавокъ отличается этотъ авторъ, онъ не могъ дать особенно подробныхъ свѣдѣній о Малороссіи. Въ его сочиненіи, какъ заявляетъ онъ самъ, „нѣтъ ни статистическихъ, ни географическихъ описаній“: „его не *посылали* путешествовать, онъ *добровольно* поѣхалъ—слѣдовательно, и разсказываетъ о томъ, о чемъ хочетъ разсказывать“; авторъ воздерживается также отъ описанія образа жизни въ Малороссіи, такъ какъ „бывъ обласканъ жителями, можетъ ли путешественникъ описывать нравы, образъ жизни ихъ и т. д. Бываютъ-ли такія картины безъ *черныхъ* тѣней? А можно-ли дозволить ихъ себѣ на счетъ тѣхъ людей, которыхъ гостепріимство обязало насъ благодарностью?“ Вмѣсто всѣхъ этихъ описаній, которыхъ путешественникъ съ одной стороны не хочетъ, съ другой—не можетъ дать, онъ наполняетъ оба томика своихъ „путешествій“ приторно-сантиментальными лирическими изліяніями по поводу красотъ природы, привязанности своей къ друзьямъ, тѣхъ или другихъ знакомствъ, по поводу, наконецъ, увлеченія какой-нибудь „нимфой“. Изліянія по адресу этихъ „нимфъ“ и женской красоты вообще во многихъ случаяхъ заставляютъ заподозрѣть въ нашемъ путешественникѣ полное извращеніе нравственнаго чувства. Все это дѣлаетъ „Путешествія“ Шаликова не особенно цѣнными, но 2—3 описанія *праздничной* стороны жизни малороссійскихъ помѣщиковъ и то косвенное освѣщеніе, которое, мимо воли автора, бросаютъ эти описанія на положеніе крѣпостнаго населенія, не позволяютъ оставить ихъ безъ вниманія.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ Шаликовъ является сверхъ того еще галломаномъ. Рѣзкой противоположностью Шаликову въ этомъ отношеніи былъ *Сумароковъ*. Онъ—пламенный „пат-

ріотъ своего отечества", большой поклонникъ всего своего, русскаго, особенно русской литературы, которую онъ ставитъ такъ высоко, что побѣдоносно задаетъ вопросъ: „что, неужели-же произведенія *Шакеспира* превосходнѣе драмъ *творца Семиры?*" Весьма незначительная часть „Путешествія въ Тавриду", Сумарокова посвящена Малороссіи, да и въ этой незначительной части далеко не всѣ свѣдѣнія отличаются особенно высокой цѣнностью.

Гунъ—нѣмецъ по національности, врачъ по профессіи. Какъ сына промышленной страны, его интересуютъ прежде всего вопросы промышленности, какъ врача—медико-санитарные; и по тѣмъ и другимъ вопросамъ онъ сообщаетъ относительно Малороссіи интересныя свѣдѣнія. Сообщаетъ онъ также свои этнографическія наблюденія; оцѣнку этихъ наблюденій мы сдѣлаемъ ниже, при передачѣ ихъ.

Письма изъ Малороссіи *Левшина* обличаютъ въ немъ умнаго и просвѣщеннаго наблюдателя. Значительная часть его писемъ къ другу посвящена передачѣ различныхъ историческихъ свѣдѣній о посѣщенныхъ имъ мѣстахъ Малороссіи, свѣдѣній, извѣстныхъ всякому, знакомому съ исторіей, и заимствованныхъ Левшинымъ изъ лѣтописей и существовавшихъ въ его время историческихъ сочиненій; но кромѣ этихъ общеизвѣстныхъ историческихъ свѣдѣній, Левшинъ сообщаетъ также много своихъ непосредственныхъ наблюденій, которыя мы и передаемъ ниже.

У *Глаголева* находимъ нѣсколько интересныхъ сообщеній по поводу вещественныхъ памятниковъ. Что-же касается его „наблюденій" надъ людьми, то, какъ увидимъ ниже, если они и представляютъ какой-либо интересъ, то исключительно для характеристики автора этихъ „наблюденій".

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній о сочиненіяхъ указанныхъ нами путешественниковъ, перейдемъ къ самому разсказу ихъ о Малороссіи и прежде всего остановимся на ихъ этнографическихъ наблюденіяхъ.

Этнографическія наблюденія мы находимъ у Сумарокова, Гуна, Левшина и Глаголева. Зуевъ считаетъ этнографическія свѣдѣнія о Малороссіи общеизвѣстными и потому отказывается давать ихъ.

По *Сумарокову* малороссы народъ болѣе веселый и свободный, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, „скромный, тихій, добросердечный, богомольный и гостепріимный; но праздный, трусливый, непроницательный и въ гнѣвѣ незнающій мѣры"; въ драку малороссы вступаютъ, будто-бы, по стадному чувству; они медленны въ движеніяхъ, причемъ къ медленности ихъ пріучаютъ волы (sic), любятъ выпить въ компаніи за бесѣдой, но не набрасываются сразу на вино, а напиваются по-маленьку, къ концу пріятной бесѣды. Жены малороссовъ одѣваются чисто, чуждаются черной работы, хорошія поварихи, склонны къ пьянству. При сватовствѣ жениху съ невѣстой позволяется даже спать вмѣстѣ, но цѣломудріе при этомъ не нарушается.

Мы не будемъ останавливаться на разборѣ наблюденій Сумарокова, просимъ только сравнить ихъ съ приводимыми ниже наблюденіями Левшина, гораздо дольше прожившаго въ Малороссіи и лучше изучившаго ее. *Гунъ*, при полномъ незнаніи малороссійскаго языка,—въ чемъ самъ признается,—былъ поставленъ въ крайне неблагопріятныя условія при этнографическихъ наблюденіяхъ. Онъ принужденъ былъ или говорить съ чужихъ словъ, или ограничиться чисто внѣшними наблюденіями. Но даже и эти внѣшнія наблюденія далеко не всегда отличаются точностью и объективностью: путешественникъ привыкъ къ европейской внѣшности своихъ соотечественниковъ, всякая другая кажется ему дикой, грубой, варварской. Все это заставило Гуна сдѣлать цѣлый рядъ курьезныхъ, а подчасъ даже прямо дикихъ замѣчаній и сравненій. Такъ, малороссы черниговской губ., благодаря своимъ темнымъ свитамъ и темнымъ усатымъ лицамъ, напоминаютъ путешественнику медвѣдя; малороссіянокъ по одеждѣ онъ не можетъ отличить отъ жидовокъ; заботы о головныхъ уборахъ кажутся ему страннымъ кокетствомъ въ женщинѣ, одѣтой въ нагольную шубу.

Что нравится путешественнику—это то, что крестьяне очень учтивы, а женщины кланяются съ важною осанкою. Возлѣ Яготина крестьяне рослы и стройны, отличаются темнымъ цвѣтомъ лица; волосы у нихъ темнорусые, острижены и подбриты; крестьяне здѣсь „добронравны, послушны, боязливы и особливую

имѣютъ склонность къ музыкѣ; но лѣнивы и непредусмотрительны". Одежда женщинъ состоитъ изъ плахтъ и „кафтанчиковъ". „Волосы заплетаютъ дѣвицы отмѣнно красиво"; головной уборъ, устраиваемый ими, можетъ прослужить недѣлю,

Возлѣ Борисполя Гунъ замѣчаетъ, что „черты женскихъ лицъ переходятъ въ правильнѣйшія и красивѣйшія".

Путешественнику пришлось быть въ шинкѣ возлѣ Шептаковъ на пиру послѣ вчерашней крестьянской свадьбы. Онъ слышалъ тамъ пѣсни, которыя нашелъ совершенно татарскими, и видѣлъ танцы, въ которыхъ принимали участіе даже 60-лѣтнія старухи. Танцы ему также не понравились: онъ находитъ, что плясавшіе „уподоблялись уязвленнымъ тарентскими или украинскими тарантулами людямъ". Женихъ и невѣста въ Малороссіи, хотя-бы ухаживанія продолжались годы, умѣютъ „сохранять высочайшее благо—невинность". Ибо „горе новобрачнымъ и всему ихъ семейству, если гости въ своемъ ожиданіи найдутся обманутыми. Музыка и танцы тогда прекращаются, неблагопристойныя пѣсни занимаютъ ихъ мѣсто; окна, двери, все, что въ домѣ находится, даже и печи, разламываются; матери новобрачной, найденной обезславленною, привязываютъ лошадиный хвостъ и такъ водятъ ее по всей деревнѣ, при осмѣяніи сбѣжавшагося народа... Гости не расходятся, хотя-бы свадьба на счетъ новобрачнаго продолжалась цѣлую недѣлю, доколѣ любопытство ихъ не удовлетворится".

Левшинъ съ большой похвалой отзывается о пламенной любви малороссовъ къ отчизнѣ и уваженіи ими памяти предковъ. Въ Бѣлоцерковкѣ онъ хотѣлъ купить у одного мѣщанина ружье съ надписью: „Бѣлоцерковскаго полка", но тотъ ни за что не хотѣлъ уступить его, такъ какъ оно ему досталось по наслѣдству. „Черта похвальная!" замѣчаетъ авторъ: „поступокъ, показывающій, что малороссіяне любятъ предковъ своихъ, любятъ славу ихъ и чтутъ память тѣхъ козаковъ, которые храбро защищались и поражали поляковъ подъ предводительствомъ Хмельницкаго, одержали 14 побѣдъ надъ Волохами подъ начальствомъ Свирговскаго и отличались потомъ неустрашимостью при взятіи Азова!" Такую-же любовь къ родинѣ и

гордость подвигами предковъ автору пришлось наблюдать и у весьма многихъ другихъ малоросовъ.

Малороссы религіозны, честны, мужественны, удивительно терпѣливы, господа своему слову, безукоризненно хранятъ ввѣренныя имъ тайны, отличаются семейными добродѣтелями, всегда уважали и уважаютъ собственность: „воровство было презрительнѣйшимъ проступкомъ у самыхъ древнѣйшихъ малороссіянъ; оно и теперь здѣсь въ омерзѣніи“. Счастливая природная обстановка дѣлаетъ малоросса склоннымъ къ веселости.

Благодаря плодородію почвы, у малороссовъ нѣтъ особенныхъ стимуловъ къ труду; дешевое, вслѣдствіе свободы винокуренія, вино еще больше отвлекаетъ ихъ отъ работы.

Сравнивая полтавскихъ малороссовъ съ черниговскими, Левшинъ указываетъ на то, что меньшее плодородіе почвы черниговской губерніи заставило жителей этой губерніи искать подсобныхъ промысловъ, такъ какъ одно земледѣліе не можетъ прокормить ихъ, почему черниговцы трудолюбивѣе и предпріимчивѣе полтавцевъ; въ тоже время первые хладнокровнѣе, смѣлѣе, но также и мрачнѣе послѣднихъ; въ образѣ жизни черниговцевъ не наблюдается такой чистоты и опрятности, какъ въ Полтавщинѣ.

Женщины у малороссовъ трудолюбивѣе мужчинъ: онѣ не только исполняютъ всѣ работы по домашнему хозяйству, но часто отправляютъ и работы мужчинъ.

Къ недостаткамъ малороссовъ принадлежатъ ихъ гордость и непокорливость, неудержимый гнѣвъ, если вывести малоросса изъ терпѣнія, и нерасположеніе ихъ къ великороссіанамъ. Путешественнику приходилось слышать отзывы: „Добрый чоловикъ, да москаль“. Дѣтей пугаютъ „москалями“ и „при семъ имени устрашенное дитя перестаетъ кричать“.

Малороссы отличаются умными лицами, важной и величественной осанкой. Женщины миловидны, хотя красавицы между ними рѣдки. „Пляска малороссіянъ стройна и прекрасна, пѣсни ихъ нѣжны, выразительны и, по большей части, протяжны. Гибкостью, чистотою и пріятностью голосовъ они превзошли почти всѣхъ жителей Россіи“.

Отношенія жениха и невѣсты отличаются большою непринужденностью, но обычай не позволяетъ имъ переходить за опредѣленную черту. „Восходящее солнце освѣщаетъ ихъ во взаимныхъ ласкахъ, вечерняя заря застаетъ ихъ въ томъ же положеніи, а не рѣдко и мрачная завѣса ночи скрываетъ ихъ, покоящимися сладкимъ сномъ въ объятіяхъ другъ друга. Но горе тому, кто употребитъ во зло сію свободу! Стыдъ, поношеніе и даже презрѣніе ожидаютъ какъ ихъ, такъ и отцовъ съ матерями".

О малороссійскомъ языкѣ у Левшина всего нѣсколько словъ, не обличающихъ въ авторѣ особенно близкаго знакомства съ этимъ предметомъ.

Что касается этнографическихъ замѣчаній *Глаголева*, то они сводятся къ фантастическимъ анекдотамъ, не дѣлающимъ чести ни наблюдательности, ни остроумію автора. Малороссы у него выставляются какими то кретинами, да при томъ еще кретинами жестокосердыми. „Отъ того, кто показался малороссіянину по чему-либо страшнымъ, онъ бѣжитъ, какъ заяцъ, за плетень или за дерево и, спрятавши одно лице, думаетъ, что онъ и весь не видимъ". Малоросъ—выродокъ среди славянъ, у которыхъ гостепріимство—національная добродѣтель. Онъ отказываетъ путешественнику въ пристанищѣ. „Упрямство въ этомъ малороссіянина доходитъ иногда до жестокосердія, не смягчаемаго ни просьбами, ни жалостью къ путешественнику, оставляемому подъ открытымъ небомъ въ ненастное время". Фактовъ въ подтвержденіе этого авторъ не приводитъ ни одного, напротивъ того, черезъ 4 страницы послѣ только-что приведеннаго отзыва онъ говоритъ прямо противоположное по поводу богомольцевъ, идущихъ въ Кіевъ: „сіи пилигриммы именемъ вѣры вездѣ" (конечно, и въ Малороссіи, черезъ которую имъ приходится проходить въ Кіевъ) „находятъ себѣ готовую трапезу и отверстое пристанище. Странноприимные крестьяне, слѣдуя ученію Евангелія, „страненъ бѣхъ и введосте мене", за все это не требуютъ отъ нихъ другаго возмездія, кромѣ молитвы предъ святыми угодниками".

Всѣ почти указанные нами путешественники говорятъ о любви малороссовъ къ прекрасному, изящному, которая сказы-

вается между прочимъ въ опрятности и украшеніяхъ ихъ жилищъ. Жилища часто бѣлятся или смазываются глиной (Гунъ говоритъ, что возлѣ Яготина ихъ трижды въ недѣлю смазываютъ внутри глиной); Левшинъ говоритъ объ украшеніи малороссіянами своихъ жилищъ картинами, Гунъ указываетъ на то, что внутренность избы, а особенно образа украшаются желтыми цвѣтами, ноготками, шапочками, рутою и др. травами.

Но, заботясь о чистотѣ жилищъ, малороссы недостаточно вниманія обращали на чистоту тѣла: Гуна поражало отсутствіе бань у крестьянъ. Изрѣдка лишь приходится ему указать, что въ селѣ есть общая баня; большею-же частью, ни общихъ, ни собственныхъ бань совсѣмъ нѣтъ. Должно быть, отсутствіемъ бань объясняются наблюдавшіеся Гуномъ случаи заболѣванія чесоткой, хотя эта болѣзнь, по его словамъ, встрѣчается здѣсь рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Наиболѣе же распространенными болѣзнями въ Малороссіи нашъ врачъ—путешественникъ считаетъ перемежающуюся лихорадку, золотуху, воспаленіе глазъ, а особенно болѣзнь венерическую, которая „сдѣлалась почти здѣшнею національною“. Ему часто попадались обезображенныя лица, застарѣлыя формы болѣзни. Общій голосъ распространителями этой болѣзни называетъ проходящіе полки. Отъ венерической болѣзни малороссы лѣчатся сулемой. „Всѣ малороссіяне утверждаютъ, что ихъ отцы и дѣды также вообще знали и употребляли сулематъ, какъ и они, изъ чего выходитъ, что Свитенова солюція[1]) была здѣсь прежде извѣстна, чѣмъ самому Свитену“.

Приходится Гуну указывать также на страданія отъ укушенія тарантуловъ. Лѣчатся отъ этихъ укушеній масляннымъ настоемъ на тарантулахъ же. Сообщеніе Гаммарда и Лафонтена, будто малороссы болѣютъ колтуномъ, нашимъ путешественникомъ опровергается.

Что касается дѣла врачебной помощи, то, по словамъ Гуна, оно находилось въ самомъ печальномъ положеніи: отъ

---

[1]) По справкамъ, наведеннымъ у спеціалистовъ, „солюція“ подъ такимъ названіемъ теперь не имѣетъ примѣненія.

Почепа и до Кіева, почти на разстояніи 500 верстъ, онъ не нашелъ нигдѣ „ни доктора, ни лѣкаря“; по недостатку въ лѣкаряхъ, лѣчатъ женщины, „даже дворянки, отставные офицера и жиды; но многіе благовоспитанные помѣщики имѣютъ въ своихъ деревняхъ небольшія сельскія аптечки и обученныхъ подлѣкарей изъ собственныхъ людей“. Изъ „благовоспитанныхъ“ и благорожденныхъ врачевателей—диллетантовъ Гунъ называетъ Томару, владѣльца с. Томаровки.

Даже города страдали отъ полнаго почти отсутствія врачебнаго персонала. „Во всемъ Переяславлѣ одинъ только врачъ г. штабъ-лѣкарь Захаржевскій, человѣкъ, какъ говорятъ, больной и самъ“. Гуну приходилось проѣзжать по имѣніямъ графа Алексѣя Кириллыча Разумовскаго; имѣнія эти раскинулись на громадное пространство, но врачебная часть находилась въ нихъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Весь врачебный персоналъ сосредоточивался въ Почепѣ и состоялъ изъ штабъ-лѣкаря, человѣка съ достоинствами, но за глубокой старостью къ врачеванію уже не способнаго, и подлѣкаря—„послѣдній есть не что иное, какъ подлѣкарь въ настоящемъ смыслѣ“. Въ Почепѣ же существовала и аптека.

При такомъ жалкомъ врачебномъ персоналѣ даже оспа была привита только ничтожному количеству дѣтей, и масса дѣтей умирала отъ натуральной оспы.

Одною изъ задачъ путешествія Гуна было внесеніе большаго порядка въ врачебное дѣло въ графскихъ имѣніяхъ. Онъ проектировалъ устройство больницъ въ Почепѣ, Шептакахъ и Яготинѣ и заведеніе лѣкаря въ каждой экономіи; лѣкарей онъ постарался выписать тотчасъ-же. Видя, какъ, вслѣдствіе непмѣнія знающихъ повивальныхъ бабокъ, страдаютъ при родахъ и затѣмъ различными послѣродовыми болѣзнями крестьянскія женщины, Гунъ предложилъ графу учредить въ Почепѣ повивальную школу, которая высылала бы ученыхъ повивальныхъ бабокъ въ каждое большое селеніе. Самъ Гунъ вездѣ, гдѣ могъ, прививалъ оспу и не только дѣтямъ, а также и овцамъ, въ виду того, что между овцами весьма распространено было заболѣваніе оспой, убивавшей цѣлыя тысячи этихъ животныхъ.

Маленькая больница и аптека имѣлась еще у генерала Гудовича въ с. Ивайтенкахъ. Гудовичъ желалъ расширить больницу и поставить ее на надлежащую ногу, почему, при помощи Гуна, и выписалъ врача.

Этотъ же самый Гудовичъ заботился не только о лѣченіи, но и о надлежащемъ питаніи своихъ крестьянъ. Живя постоянно въ деревнѣ, принуждаемый болѣзнью проводить, особенно осенью и зимой, все время въ комнатѣ, Гудовичъ хорошо изучилъ хозяйственную литературу и спеціализировался въ приготовленіи поваренныхъ травъ. Его знанія пригодились ему для изобрѣтенія особаго супа, въ составъ котораго между прочимъ входили сыръ и ветчина. Это была довольно тяжелая пища для слабыхъ желудковъ, но для людей, трудящихся на тяжелой работѣ, не можетъ быть, по мнѣнію Гуна, лучшей пищи.

Ген. Гудовичъ отличался вообще весьма гуманнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ: не смотря на всѣ громадныя выгоды, которыя ему доставляло разведеніе конопли, онъ отказался отъ разведенія этого растенія, такъ какъ „обработаніе его сопряжено съ величайшимъ для крестьянъ трудомъ, сколько тягостнымъ самимъ по себѣ, столько-же и крайне вреднымъ ихъ здоровью“.

Не часто приходится Гуну говорить о такихъ гуманныхъ помѣщикахъ. Кромѣ упомянутаго уже нами Томары, онъ называетъ еще гр. Завадовскаго, на котораго крестьяне работаютъ изъ 3-хъ недѣль одну, „чего нигдѣ въ Украйнѣ не найдете“. Онъ платитъ за каждую привезенную фуру песку, извести и т. п. При выборѣ мѣста для дома въ его имѣніи Тепловкѣ гр. Завадовскій просилъ гр. Разумовскаго [1]) остановиться на такомъ мѣстѣ, постройка дома на которомъ не повлекла бы для крѣпостныхъ особыхъ затрудненій въ дѣлѣ доставленія матеріаловъ.

Заботливымъ помѣщикомъ былъ еще полковникъ Будлянскій, владѣвшій 4000 душъ въ м. Чемерѣ, с. Сребряномъ и

[1]) Самъ гр. Алексѣй Кир. Разумовскій не отличался особенно мягкимъ отношеніемъ къ крестьянамъ. См. „Семейство Разумовскихъ“ А. А. Васильчикова, т. II, стр. 109.

др. У него каждый хозяинъ имѣлъ пару воловъ, столько же коровъ, 10—15 овецъ, а иногда и лошадь. Въ хлѣбѣ изъ крестьянъ почти никто не нуждается; если же и случится у кого-нибудь подобная нужда, то хлѣбъ дается ему въ займы безъ росту. Изъ 3-хъ недѣль на этого помѣщика крестьяне работаютъ только одну.

Вообще же матеріальное положеніе крѣпостныхъ было не завидно. Гораздо чаще, чѣмъ о благосостояніи крестьянъ, Гуну приходится говорить объ ихъ бѣдности, указывать на недостатокъ у нихъ скота, на неприглядность ихъ жилищъ. Онъ зналъ имѣніе, гдѣ 300 душъ имѣютъ только 10 воловъ. Возлѣ Яготина стѣны крестьянскихъ домовъ состоятъ изъ плетня, обмазаннаго глиною. Окна самыхъ различныхъ размѣровъ, смотря по тому, какой величины удалось достать стекло хозяину, иногда они бываютъ не больше 2" въ діаметрѣ. Въ Бахмачѣ Гунъ былъ также пораженъ крайней бѣдностью и неприглядностью крестьянскихъ жилищъ. Онъ полагаетъ, что „между Тунгузовъ, Киргизцовъ, Чувашей и Вотяковъ, обитателей столь несправедливо хулимой Сибири, можно несравненно лучшее находить убѣжище, нежели здѣсь".

И вообще вездѣ дома—хижины, трубы на нихъ—хворостяныя, иногда связанныя соломой; при такомъ устройствѣ домовъ и отсутствіи пожарныхъ инструментовъ путешественникъ удивляется, какъ до сихъ поръ во всей Малороссіи не выгорѣли всѣ города и деревни.

Совершенно инымъ было матеріальное положеніе многихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые владѣли тысячами и десятками тысячъ крѣпостныхъ. Гунъ путешествовалъ съ графомъ Алексѣемъ Кириллычемъ Разумовскимъ, у котораго въ Малороссіи было 27135 душъ мужскаго пола, да кромѣ того еще въ Великороссіи болѣе 7000 душъ; прибавляя къ этому числу ровное число женщинъ, общее количество крѣпостныхъ гр. Разумовскаго Гунъ опредѣляетъ въ 68270 человѣкъ [1]).

[1]) Въ имѣніяхъ Черниговской губ.. принадлежавшихъ гр. Кир. Григ. Разумовскому, по ревизіи 1782 г. было—душъ мужескаго пола 43038, женскаго 41139,

Вмѣстѣ съ Разумовскимъ Гунъ посѣтилъ его имѣнія, а также имѣнія нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ помѣщиковъ. Эти крупные помѣщики и хозяйство вели въ крупныхъ размѣрахъ.

Въ *Ивайтенкахъ* (ген. Гудовича) на широкую ногу было поставлено овцеводство; число настоящихъ испанскихъ овецъ и барановъ достигало 1000, кромѣ того было еще много овецъ смѣшанной породы. На этомъ овечьемъ заводѣ производились опыты искусственнаго улучшенія породы, и опыты эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Заводъ давалъ свыше 5000 руб. дохода въ годъ. Число головъ крупнаго рогатаго скота доходило въ Ивайтенкахъ до 1000. Существовали въ имѣніи также еще буйволы и ослы, но они служили лишь для украшенія ландшафта, а не для хозяйственныхъ цѣлей.—Мѣстный помѣщикъ стремился также къ улучшеніямъ и въ дѣлѣ хлѣбопашества; кромѣ обыкновенной пшеницы, онъ сѣялъ еще египетскую, арнаутку и др. сорта.

Въ *Баклани*, принадлежавшей къ почепской экономіи гр. А. К. Разумовскаго, на Судости кромѣ мукомольной мельницы существовала еще и маслобойня, по предположенію Гуна, единственная въ Россіи, гдѣ масло вездѣ выбивается въ-ручную. Надзоръ за маслобойней порученъ механику-англичанину. Въ 3-хъ верстахъ отъ Баклани находилась англійская ферма, гдѣ разводились новыя для края растенія: картофель, рѣпа. И въ той же Баклани, гдѣ сельское хозяйство было поставлено на широкую ногу, гдѣ поемные луга были покрыты сотнями стоговъ сѣна, жизнь народа была очень неприглядна: маленькіе дворы съ полуразрушенными службами, низкія и крайне тѣсныя жилища, почти полное отсутствіе лошадей и коровъ. Не многимъ лучше крестьянъ жили однодворцы или, какъ ихъ называетъ Гунъ, новые дворяне (ихъ было 64 семейства въ Баклани) [1]).

а всего 74177. („Имѣнія въ Черниг. губ. гр. Кир. Гр. Разумовскаго", изд. Черниг. Губ. Статист. Комитета. Черн. 1891). О томъ, какъ раздѣлены были малороссійскія имѣнія гр. Кир. Разумовскаго, см. „распредѣлительную запись имѣній" гр. К. Г. Разумовскаго между его сыновьями" въ „Очеркахъ, замѣткахъ и документахъ по исторіи Малороссіи" Ал. *Лазаревскаго*. Кіевъ. 1892. (стр. 77—85).

[1]) О Баклани см. „*Описаніе старой Малор.*" Ал. *Лазаревскаго*, стр. 267—268.

Возлѣ *Шептаковъ*, въ 7 верстахъ отъ нихъ, находился мѣдеплавильный заводъ гр. Алексѣя Разумовскаго (одинъ изъ 3-хъ въ Малороссіи; 2-й принадлежалъ гр. Андрею Кир. Разумовскому, 3-й гр. Завадовскому). Двигательною силою на заводѣ была вода, приводившая въ движеніе молотъ и мѣхъ. На заводѣ, гдѣ работало, подъ управленіемъ мастера-нѣмца 13 человѣкъ, изготовлялись трубы для винокуренъ.

Въ Шептакахъ существовалъ овечій заводъ, гдѣ число овецъ доходило до 1000, изъ нихъ 200 было настоящихъ испанскихъ. Шерсть передѣлывалась въ сукна на собственной суконной шептаковской фабрикѣ, основанной еще фельдмаршаломъ Кирилломъ Разумовскимъ. Фабрика находилась подъ управленіемъ шведа, на ней работало около 60 человѣкъ, по *большей части дѣтей*. Другую суконную фабрику въ графскихъ имѣніяхъ нашему путешественнику пришлось видѣть въ 2-хъ верстахъ отъ Батурина, при Сеймѣ. Въ ней на 15 станкахъ работали самое разнообразное сукно, отличавшееся прочной окраской. Управлялъ фабрикой тоже иностранецъ, отецъ шептаковскаго фабриканта; при немъ состоялъ еще мастеръ—нѣмецъ. Подъ самымъ же Батуриномъ имѣлась еще свѣчная фабрика, на которой выдѣлывались прекрасныя столовыя свѣчи. Въ 1801 г. эти свѣчи были нѣсколько хуже выдѣлывавшихся тутъ же годами 18 раньше, такъ какъ тогда выписывали марсельскую свѣтильню; послѣ же французской революціи ее замѣнили сарептской. На свѣчной фабрикѣ—всѣ мастера—мѣстные жители.

Управляющимъ Батуринскимъ имѣніемъ былъ англичанинъ. Вѣроятно, ему экономія обязана была тѣмъ, что нашла возможнымъ пользоваться на винокуренныхъ заводахъ въ качествѣ топлива торфомъ, который во множествѣ былъ отысканъ подъ самымъ Батуриномъ.

Гунъ упоминаетъ еще о большой суконной фабрикѣ кн. Н. Б. Юсупова возлѣ Прилукъ, поставлявшей сукна для арміи, но самъ онъ этой фабрики не видалъ.

Въ *Яготинѣ*, принадлежавшемъ гр. Алексѣю Разумовскому, Гунъ осматривалъ чулочную фабрику, на которой съ женой и 8 крестьянскими мальчиками работалъ нѣмецъ Штромъ,

нѣкогда бывшій директоромъ громадной чулочной фабрики, стоившей до 4-хъ милліоновъ. При этомъ же имѣніи существовали мукомольныя мельницы, овечій заводъ, обширный погребъ для винъ; скирды хлѣба образовали цѣлыя удицы.

Въ Яготинскомъ имѣніи были обширныя теплицы, которыми завѣдывалъ нѣмецъ-садовникъ. Гунъ приводитъ списокъ болѣе 200 видовъ различныхъ растеній, росшихъ въ этихъ теплицахъ [1]). Графъ не довольствовался заведеніемъ теплицъ, а производилъ также опыты искусственнаго лѣсоразведенія, и эти опыты увѣнчались успѣхомъ. Онъ желалъ также ввести улучшенія въ сельское хозяйство: недовольный практиковавшимся у него, какъ и вездѣ, примитивнымъ способомъ молотьбы хлѣба, онъ мечталъ о постройкѣ англійскихъ молотилокъ.

У Алексѣя Разумовскаго существовали конные заводы въ селахъ Черняховкѣ и Андреевкѣ. Въ Черняховкѣ была кромѣ того ковровая фабрика, на которой ткались коврики для стульевъ. Въ послѣднемъ селѣ, какъ и въ другихъ графскихъ селахъ, была масса хлѣба: Гунъ видѣлъ здѣсь до 80 скирдъ, изъ которыхъ нѣкоторыя стояли уже 6 лѣтъ. Въ 18 верстахъ отъ Яготина въ деревнѣ Лозовый Яръ у графа стояло 144 скирды хлѣба; по пути отъ этой деревни до Яготина во всѣ стороны, куда хваталъ глазъ, видно было множество скирдъ сѣна.

Въ *Тепловкѣ и Драбовкѣ*, имѣніяхъ гр. Завадовскаго, существовали обширные конскіе заводы, вмѣщавшіе около 1600 лошадей. При Драбовкѣ имѣлся манежъ, одинъ изъ лучшихъ частныхъ манежей въ государствѣ. Кромѣ конскаго завода, въ Тепловкѣ существовало и овцеводство; число овецъ испанской породы здѣсь доходило до 5000; существовали также улучшенныя породы коровъ и свиней. Въ виду полнаго безлѣсья вокругъ, на квадратной верстѣ была заведена древесная школа.

Изъ помѣщичьихъ заводовъ Гунъ указываетъ еще небольшой конскій заводъ и ковровую фабрику въ имѣніи Томары—

---

[1]) О любви гр. Алексѣя Кир. Разумовскаго къ садоводству, особенно о его Горенскомъ ботаническомъ садѣ, содержавшемъ 2000 родовъ растеній и стоившемъ до 500.000 рублей, см. у А. А. *Васильчикова* „Семейство Разумовскихъ“ т. II, стр. 42 и слѣд. О садѣ въ Яготинѣ ibidem, стр. 110.

Томаровкѣ. Нужную для ковровой фабрики шерсть доставляли имѣвшіяся въ экономіи 500 овецъ.

Очень интересны упоминанія Гуна о межигорской фабрикѣ фаянсовой посуды, заведенной въ 1799 г.[1]) и управляемой 200 кіевскихъ гражданъ, и особенно—подробный разсказъ о палошковской глинѣ, добываемой вблизи Глухова въ дачахъ Ив. Андр. Марковича. Свѣдѣнія о глинѣ Гунъ передаетъ со словъ владѣльца—Марковича, который сообщилъ нашему путешественнику о тѣхъ льготныхъ условіяхъ, которыя онъ готовъ предложить всякому, кто пожелалъ-бы завести на мѣстѣ фабрику для приготовленія фарфоровой посуды. Глина въ Полошкахъ найдена въ началѣ царствованія Екатерины II англичаниномъ Гарднеромъ, пріѣхавшимъ въ Россію съ цѣлью завести фарфоровый заводъ и получившимъ позволеніе искать фарфоровую глину въ предѣлахъ всей имперіи. Лучшею изъ всѣхъ найденныхъ Гарднеромъ глинъ оказалась Палошковская. Слой ея начинался очень не глубоко отъ поверхности земли, но теперь (1804 г.) поверхностный слой глины уже выбранъ и ее приходится добывать на глубинѣ 2—4 саж. Марковичъ устроилъ шахты и штольни для добыванія глины, гдѣ работаетъ по 40—50 человѣкъ, которые въ зимніе мѣсяцы накапываютъ до 30.000 пудовъ. Гунъ увѣряетъ, что съ самаго начала работъ въ шахтахъ не было ни одного несчастнаго случая.

Переходя къ промышленности края вообще, кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщимъ ниже въ разсказѣ о городахъ, здѣсь мы передадимъ общую характеристику малороссійской промышленности, дѣлаемую Левшинымъ.

Кромѣ земледѣлія, доставляющаго главныя средства пропитанія, очень важную статью для Малороссіи составляетъ скотоводство: въ ней очень много конскихъ заводовъ, разводится также много быковъ, овецъ и свиней. Большіе доходы даетъ садоводство и пчеловодство: число ульевъ въ Малороссіи (черниговской и полтавской губерніи) доходитъ до

---

[1]) Выдѣлка посуды началась съ 1801 г. О судьбѣ этой фабрики см. у Н. *Закревскаго* „Описаніе Кіева" (М. 1868 г.), т. II, стр. 497—499.

500,000. Весьма развито винокуреніе, число винокуренъ въ Малороссіи достигаетъ 3000 (по словамъ Гуна, въ его время, въ Малороссіи ежегодно выкуривалось до 6 милліоновъ ведеръ водки; „смѣло можно положить, говоритъ онъ, что третіе зерно перекуривается въ горѣлку"); по числу винокуренъ черниговская губернія превосходитъ всѣ другія губерніи Россіи. Кромѣ этихъ заводовъ да еще селитроваренъ, другихъ фабрикъ и заводовъ немного; о нихъ приходится Левшину говорить въ разсказѣ о Глуховѣ, тамъ онъ указываетъ заводы стекляные, мыловаренные, пивоваренные, а также Шостенскій пороховой заводъ [1]). Торговля, Малороссіи какъ внѣшняя, такъ и внутренняя ничтожны. Послѣдняя сосредоточивается на ярмаркахъ, которыхъ по 3 — 4, иногда и больше, бываетъ въ каждомъ городѣ, даже каждомъ селеніи.

По словамъ Зуева, въ Харьковскомъ намѣстничествѣ не только въ городахъ, но и въ большихъ селахъ бываютъ ярмарки, иногда по 3—4 въ годъ; наиболѣе извѣстны Харьковскія и Сумскія ярмарки; на эти большія ярмарки пріѣзжаютъ „купцы, кромѣ россійскихъ, изъ Польши, нѣмецкой земли, Молдавіи и Греціи" и привозятъ сукна, шелковыя и хлопчато-бумажныя ткани, различные бакалейные и галантерейные товары.

Тотъ-же Зуевъ сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія о мѣновой торговлѣ на ярмаркахъ въ малороссійскихъ селеніяхъ харьковскаго намѣстничества. Одно вино и соль, говоритъ онъ, покупаютъ на наличныя деньги, другіе-же предметы получаютъ не за деньги, а въ обмѣнъ за продукты-же [2]).

Изъ различныхъ приспособленій, которыми пользуются въ своемъ хозяйствѣ малороссы, особенное вниманіе путешественниковъ, которыхъ занимали промышленные вопросы, т. е. Зуева

---

[1]) Это сравнительное обиліе заводовъ въ Глуховѣ во время Левшина стоитъ въ рѣзкой противоположности съ состояніемъ города въ 1767 г., когда жителямъ его приходилось жаловаться, что они никакихъ заводовъ „къ препитанію и снабдѣнію своему не имѣютъ" („Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г." Изданіе „Кіевской Старины" 1889 г., стр. 74).

[2]) О торговлѣ въ Харьковскомъ краѣ въ XVIII. в. см. „Краткій историческій очеркъ торговли (преимущественно ярмарочной) въ Харьковскомъ краѣ въ XVII и XVIII в.в." Д. И. *Багалѣя* („Харьковскій сборникъ", вып. 2-й. Харьковъ 1888).

и Гуна, привлекли вѣтряныя мельницы и ямы для храненія хлѣба. Зуевъ даетъ подробное описаніе и рисунокъ несложной вѣтряной мельницы, могущей быть поворачиваемой такимъ образомъ, чтобы крылья ея при всякомъ направленіи вѣтра получали отъ него возможно большіе толчки, и вдается въ пространныя разсужденія о той пользѣ, которую повсемѣстно въ Россіи можно было-бы извлекать изъ утилизаціи силы вѣтра.—Что касается описываемыхъ Зуевымъ хлѣбныхъ ямъ, то онѣ представляютъ собою подземный погребъ, стѣны котораго вымазываются глиной и затѣмъ подвергаются обжиганію. Въ такую яму наваливаютъ зерно, отверстіе ямы закрываютъ досками и засыпаютъ землей. Послѣ этого хлѣбъ, не подвергаясь порчѣ, можетъ храниться неопредѣленно долгое время. При открытіи ямы нужно соблюдать извѣстныя предосторожности, такъ какъ скопившіеся въ ямѣ газы могутъ задушить человѣка. Хлѣбъ выбираютъ изъ ямы послѣ того, какъ она простоитъ недѣлю открытой.—Описаніе подобной-же ямы для храненія хлѣба даетъ и Гунъ. Онъ разсказываетъ также, что, когда копали фундаментъ для Почепской церкви, то нашли яму, наполненную пшеницей. И хотя заполненіе ея зерномъ произошло такъ давно, что никто изъ старожиловъ не помнитъ объ этомъ, однако зерно оказалось ни мало не поврежденнымъ.

Изъ враговъ земледѣлія и Зуевъ, и Гунъ указываютъ на саранчу, подробно разсказывая о томъ вредѣ, который она причиняетъ полямъ; къ югу отъ Кременчуга Зуеву нѣсколько разъ приходилось проѣзжать по тучамъ саранчи, покрывавшей во многихъ мѣстахъ степь. Какъ средство противъ саранчи практиковалось—топтанье ея лошадьми, выкапываніе яицъ и перепахиваніе поля, гдѣ положены были саранчею яйца.

Зуевъ называетъ также и суслика, но онъ былъ тогда только врагомъ бахчей, а не бичемъ земледѣльца, какимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, когда была вспахана большая часть русскихъ степей [1]).

---

[1]) Ср. „Животный міръ европейской Россіи“ пр. М. Богданова въ „Дополненіи“ къ V тому „Земля и Люди“ Реклю, стр. 113 и слѣд.

Путешествіе по пустыннымъ южнымъ степямъ доставило Зуеву поводъ высказать свои планы и предположенія о возможности воспользоваться тѣми богатствами степей, которыя до того времени лежали втуне. Но не всегда онъ былъ достаточно прозорливъ: онъ посѣтилъ знаменитый нынѣ Кривой Рогъ и высказалъ соображеніе, что тутъ, по всей вѣрсятности, находятся залежи руды. Это соображеніе вполнѣ оправдалось: въ Кривомъ Рогѣ открыты теперь богатѣйшія залежи лучшей въ Россіи желѣзной руды. Но другое соображеніе Зуева, что „хотя-бы оные (металлы) и были, то пользоваться ими прочіе неудобства не позволяютъ", къ счастью, оказалось совершенно невѣрнымъ [1]).

Теперь мы перейдемъ къ разсказу нашихъ путешественниковъ о посѣщенныхъ ими малороссійскихъ городахъ.

Нѣкоторые изъ малороссійскихъ городовъ были посѣщены не однимъ, а нѣсколькими изъ нашихъ путешественниковъ. Наибольшее число ихъ въ своихъ стѣнахъ удостоилась видѣть *Полтава*: ее посѣтили всѣ, за исключеніемъ Гуна.

Зуевъ былъ въ Полтавѣ въ 1782 г., когда она была еще уѣзднымъ городомъ Новороссійской губерніи. Тогда это былъ небольшой городокъ съ 1000 деревянныхъ, низкихъ, но чисто снаружи выбѣленныхъ домиковъ, между которыми было и 2—3 каменныхъ дома. Дома стояли по бокамъ правильныхъ, но не мощеныхъ улицъ, на которыхъ въ дождливое время можно было потонуть въ непролазной грязи [2]). Внутри города на косогорѣ существовала земляная крѣпость съ баттареями, окруженная рвомъ и валомъ; другой валъ окружалъ городъ со степной стороны. Въ Полтавѣ было, кромѣ монастыря, 9 церквей; былъ въ ней и довольно большой гостиный дворъ, гдѣ торговали великорусскіе и малорусскіе купцы. Украшеніе города составлялъ воздвигнутый противъ гостинаго двора „иждивеніемъ Марченка (имя строителя Зуевъ сообщаетъ невѣрно) полтав-

[1]) Ср. „Земля и Люди" Реклю 7. V, стр. 214.

[2]) По поводу этой грязи сложилась поговорка: „На гори Полтава, якъ пава, а въ болоти якъ жаба".

скаго жителя" каменный столбъ, заканчивавшійся вверху большимъ вызолоченнымъ яблокомъ и имѣвшій вставленную въ цьедесталъ позолоченную мѣдную доску съ изображеніемъ полтавскаго боя.

Сумарокову, 27 іюня 1802 г., пришлось присутствовать при открытіи губерніи въ Полтавѣ. Толпы какъ полтавскихъ жителей, такъ и окрестныхъ поселянъ, облачившись въ соотвѣтственныя событію одежды и придавши должное выраженіе своимъ лицамъ, составили торжественную процессію, которая съ архіереемъ и г. губернаторомъ во главѣ, направляется къ Шведской могилѣ, у подошвы ея „первосвященникъ учреждаетъ молебствіе, воскуряется благоуханіе кадилъ, во шумѣ пѣнія совершается надъ прахомъ мужества панихида, и Полтава провозглашается губернскимъ городомъ".

Полтава по прежнему бѣдный и маленькій городишко, въ которомъ нѣтъ „ни правильныхъ ни порядочныхъ "строеній [1]). По прежнему среди него высится земляная крѣпость, окруженная валомъ, по прежнему единственнымъ украшеніемъ города является стоящій противъ лавокъ каменный столбъ съ мѣдною доскою, на которой изображенъ полтавскій бой, но Сумароковъ не повторяетъ ошибки Зуева, и уже не Марченку, а „усердному полтавскому гражданину Руденку" оказывается Полтава обязанной созданіемъ „сего единаго въ здѣшнихъ мѣстахъ трофея".

А черезъ годъ, два въ этомъ, только что провозглашенномъ губернскимъ городомъ, городишкѣ веселятся на славу. Князь Шаликовъ въ 1804 г. порхалъ уже на полтавскихъ балахъ (ихъ было 4 въ теченіе недѣли, которую онъ провелъ въ Полтавѣ; наиболѣе роскошный давалъ богатый полтавскій житель „корпусу дворянства", съѣхавшемуся изъ цѣлой губерніи по случаю выборовъ), любовался „прекрасными ножками нимфъ [2]), мель-

---

[1]) Уже присутствіе такого украшенія составляло шагъ впередъ сравнительно съ тѣмъ, что было въ Полтавѣ 15 лѣтъ тому назадъ (1767 г.), когда полтавцы жаловались, что ихъ городъ „никакихъ публичныхъ строеній и приличнаго украшенія не имѣетъ". (См. „Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г." Изданіе „Кіевской Старины" 1889 г. стр. 120).

[2]) Шаликовъ изъ любезности зоветъ такъ дамъ и дѣвицъ.

кавшими подъ тактъ „магическаго Экосеза“ или увлекательнаго „Вальса“, нашептывалъ тысячи любезностей дамамъ и, въ свою очередь, выслушивалъ отъ нихъ комплименты по адресу своего перваго „путешествія“, гдѣ онъ курилъ фиміамъ добродѣтелямъ полтавскихъ жителей.

Несмотря на то, что уже въ 1804 г. Полтава пріобрѣла нѣкоторый лоскъ цивилизаціи, и въ 1815 г. она по прежнему не велика, малолюдна; дома маленькіе, но чистые и свѣтлые, большими домами являются только казенныя зданія, особенно домъ генералъ-губернатора и дворянскій. Въ городѣ появляется уже Александровская площадь, украшенная чугунной колонной, увѣнчанной пальмовыми и дубовыми листьями и завершающейся парящимъ орломъ [1]). Этотъ памятникъ въ честь полтавской побѣды смѣнилъ прежній каменный столбъ, котораго теперь уже нѣтъ, и *Левшинъ* ничего не говоритъ ни о немъ, ни о мѣдной доскѣ съ изображеніемъ боя. О послѣдней упоминаетъ *Глаголевъ*. Онъ видѣлъ ее вдѣланною въ стѣну соборнаго храма и читалъ на ней слѣдующую надпись, сочиненную „извѣстнымъ Рубаномъ:

Полтавской брани видъ являетъ сей металлъ.
Какъ въ день *Самсонов*ъ Карлъ сраженъ Петромъ ниспалъ,
Симъ сдѣлалъ Богъ съ небесъ начало Русской славы.
Руденко гражданинъ усерднѣйшій Полтавы,
Котораго отецъ въ сей самой битвѣ былъ
И вольность чрезъ *Петра* изъ плѣна получилъ,
Въ благодареніе Всевышнему Сіону,
Устроилъ каменный священный храмъ *Самсону*;
Въ хвалу-жъ *Петровыхъ* дѣлъ, грядущихъ въ память дней,
Средь стѣнъ отечества поставилъ образъ сей.

„Въ 69 лѣто отъ побѣды подъ Полтавою, отъ созданія міра 7286 года, отъ Рождества Христова 1778 года, въ благополучное царствованіе Екатерины Алексѣевны Вторыя Импер. Всерос.“

На Александровской площади при Глаголевѣ (въ 23 г.) уже появилось больше каменныхъ зданій, между ними была и

[1]) Объ этомъ памятникѣ см. у Н. *Арендаренка* „Записки о полтавской губ., составленныя въ 1846 г.“ (Полтава 1852 г.), ч. III., стр. 16—20.

гимназія; возлѣ памятника, по приказанію государя Александра I, разбитъ скверъ. Вала и стѣны, существовавшихъ при Зуевѣ, Глаголевъ уже не засталъ: на этомъ мѣстѣ былъ устроенъ бульваръ.

Изъ достопримѣчательностей Полтавы Глаголеву удалось видѣть простое каменное зданіе съ надписью: „Здѣсь Петръ I отдыхалъ послѣ побѣды іюня 27 дня 1709 г.“[1]). Незадолго передъ тѣмъ на этомъ-же мѣстѣ стоялъ тотъ самый ветхій деревянный домикъ, въ которомъ отдыхалъ Петръ I, но его сломала усердная не по разуму полиція, приводившая въ надлежащій видъ Полтаву для встрѣчи князя Н. Г. Репнина, назначеннаго малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ. „Князь, говоритъ Глаголевъ, не могъ скрыть своего неудовольствія, узнавши о татомъ неблагоразумномъ распоряженіи полицейскихъ чиновниковъ; но они его не поняли: „Его сіятельство думаетъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, что этотъ домъ былъ, какъ обыкновенный домъ, а въ немъ ничего не было и похожаго“. Истина неоспоримая, хотя и не нарочно сказанная!“

Кромѣ гимназіи, во время Глаголева въ Полтавѣ уже существовалъ и институтъ благородныхъ дѣвицъ. Нашъ путешественникъ посѣтилъ его и съ восторгомъ говоритъ „объ его устройствѣ, объ успѣхахъ дѣвицъ въ наукахъ, искусствахъ и рукодѣльяхъ и, въ особенности, о способахъ нравственнаго ихъ образованія, которое должно утѣшать всякаго благонамѣреннаго гражданина“.

Помимо этихъ заведеній, Глаголевъ говоритъ еще о чемъ-то въ родѣ маленькой школы садоводства въ Полтавѣ: въ городскомъ виноградникѣ 30 мальчиковъ практически изучали садоводство[2]).

Всѣ названные нами путешественники, бывшіе въ Полтавѣ, съ восторгомъ говорятъ о ея красивомъ мѣстоположеніи; всѣ также они посѣтили шведскую могилу, но страницы, посвящен-

---

[1]) Теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ столбъ съ соотвѣтственной надписью (воздвигнутъ при императорѣ Николаѣ).

[2]) Арандаренко говоритъ объ этомъ училищѣ уже какъ о „нынѣ упраздненномъ“ (op. cit, III, 20).

ныя ей, не содержатъ ничего, кромѣ громко-патріотическихъ восклицаній или сантиментальныхъ размышленій.

О народныхъ повѣріяхъ, живущихъ среди полтавцевъ, говоритъ одинъ Зуевъ. Въ окрестностяхъ Полтавы ему пришлось наблюдать интересное явленіе: на зеленомъ коврѣ степи тамъ и сямъ были разбросаны островки, въ нѣсколько саженъ въ діаметрѣ, травы, у которой и листья, и стебли были краснаго цвѣта, хотя трава эта принадлежитъ къ тому-же виду, который растетъ вокругъ этихъ островковъ, и тамъ, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, окрашенъ зеленымъ цвѣтомъ. Эту красную окраску травы народъ, по словамъ Зуева, объясняетъ вліяніемъ крови, пролитой въ этихъ мѣстахъ во время сраженій.

Тотъ-же Зуевъ сообщаетъ свѣдѣнія о занятіяхъ полтавскихъ жителей и нѣсколько статистическихъ данныхъ о полтавскомъ уѣздѣ:

Жители Полтавы занимаются хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, бахчами и винокуреніемъ, а также продажею продуктовъ, доставляемыхъ указанными занятіями; небольшое число ихъ занимается спеціально торговлей.

Въ полтавскомъ уѣздѣ всего 34000 душъ мужскаго пола, да немногимъ меньше женскаго; все это сравнительно большое количество народонаселенія ютится въ 6000 домахъ. Главную массу жителей—болѣе 80% составляютъ козаки и владѣльческіе подданные, „прочіе суть подданные малороссійскіе, отставные штабъ и оберъ-офицеры и другіе старшины, также духовные“.

Изъ другихъ городовъ нынѣшней полтавской губерніи у нашихъ путешественниковъ мы находимъ свѣдѣнія о Кременчугѣ, Крюковѣ, Прилукахъ, Переяславлѣ и Лубнахъ. О первыхъ 2-хъ городахъ говоритъ Зуевъ. При немъ *Кременчугъ* принадлежалъ къ Новороссійской губерніи и былъ городомъ губернскимъ [1]), но въ тоже время и очень небольшимъ: въ немъ около 500 домовъ и только 2 каменныхъ, остальные-же—или неболь-

[1]) Губернскимъ городомъ онъ сталъ въ 1765 г., съ 1784 г. по 1789 Кременчугъ былъ намѣстническимъ городомъ; въ 1789 г. онъ пересталъ быть не только намѣстническимъ, но даже и уѣзднымъ, въ 1802 г. сталъ уѣзднымъ городомъ (Ср.

шіе деревянные домики, или мазанки изъ обмазаннаго глиной фашинника. Въ городѣ 2 церкви и 1 раскольничья часовня.— Главное занятіе жителей въ Кременчугѣ—торги, подряды и перевозка товаровъ на волахъ, кромѣ того разведеніе садовъ и бахчей и торговля водкой; въ городѣ, имѣется постоянный гостинный дворъ, но главная торговля сосредоточивается на ярмаркахъ, которыхъ бываетъ—3 въ году. Весьма непріятную особенность города составляютъ тучи песку, который заноситъ цѣлыя улицы и набивается въ дома.

Жителей въ городѣ—1300 душъ. Для дѣтей этихъ жителей существуетъ 3 учебныхъ заведенія: 1) „аппробованный губернскимъ правленіемъ“ пансіонъ благородныхъ дѣтей, содержавшійся французомъ Брокаромъ, гдѣ принимались на полное содержаніе дворянскія дѣти съ платой 150 рублей въ годъ; 2) училища благородныхъ сиротъ и мѣщанскихъ дѣтей женскаго пола, куда принимались дѣти не старше 5 лѣтъ и до совершеннолѣтія обучались, на счетъ казны и благотворителей, „россійской и нѣмецкой грамотѣ, рисовать, танцовать и шитью. Главнѣйшее попеченіе предоставилъ себѣ г. губернаторъ языковъ, а смотрѣніе и обученіе нѣкоторыхъ частей въ наукахъ поручилъ одной нѣмкѣ, женѣ городскаго лѣкаря“. Наконецъ, третьимъ училищемъ—была городовая школа для дѣтей бѣдныхъ дворянъ и разночинцевъ. На казенный счетъ ихъ учили „языкамъ и нѣкоторымъ наукамъ“ [1]).

Къ новороссійской губерніи, губернскимъ городомъ которой, какъ сказано, былъ Кременчугъ, принадлежало 12 уѣздовъ: 3 на лѣвой сторонѣ Днѣпра—кременчугскій, полтавскій и новосенжаровскій (они были прибавлены къ новороссійской губерніи „для составленія нужнаго числа людей“), и 9 на правой—крюковскій, елисаветградскій, ольвіопольскій, новопавловскій, ингульскій, херсонскій, кизикерманскій, никопольскій и саксаганскій. Въ 9 уѣз-

---

„Городъ Кременчукъ“ Ѳ. Д. *Николайчика*, Спб. 1891 г. стр. 63—66 и *Арандаренко* op. cit стр. ч. Ш, 125 и 126).

[1]) См. у В. Е. *Бучневича* „Кременчугъ и посадъ Крюковъ“ (Полтава 1891 г.) интересную выписку изъ топографическаго описанія полтавской губ. за 1806 г., заключающую въ себѣ описаніе города Кременчуга въ 1-е годы 19 столѣтія(стр. 27—30).

дахъ новороссійской губ., лежащихъ по правую сторону Днѣпра,—5,135,937 десят. земли, жителей-же въ этихъ уѣздахъ менѣе 80000. Особеннымъ малолюдствомъ отличались уѣзды кизикерманскій—1 человѣкъ на 14 кв. верстъ, и херсонскій—1 на 30 кв. верстъ. Былъ уѣздъ (никопольскій), о которомъ Зуевъ говоритъ: „церквей и часовенъ нѣтъ, равнымъ образомъ и уѣзднаго города нѣтъ-же", въ ингульскомъ и саксаганскомъ „городу мѣсто еще только назначено, Никополь ростетъ только потому, что въ него насильно сгоняютъ запорожцевъ и заставляютъ ихъ строиться въ этомъ городѣ.

Второй изъ Полтавскихъ городовъ, посѣщенныхъ Зуевымъ, *Крюковъ*, тогда уѣздный городъ новороссійской губерніи, хотя лежалъ всего въ 3-хъ верстахъ отъ губернскаго города Кременчуга, съ которымъ соединялся „длиннымъ хорошимъ на плотахъ мостомъ", имѣлъ свое особое уѣздное управленіе, но не имѣлъ церкви. Въ этомъ „городѣ" было 200 домовъ, конечно, все деревянныхъ [1]).—Въ Крюковѣ былъ казенный садъ для дынь и арбузовъ; въ немъ разводились также различные виды тыквы; плоды одного вида, рисунокъ котораго даетъ Зуевъ, достигали фута въ поперечникѣ. Арбузы также достигали громадныхъ размѣровъ. Къ губернаторскому столу подавались арбузы вѣсомъ въ 43 фунта и „преизряднѣйшаго вкуса". Изъ сада, лучшіе арбузы и дыни посылались ко двору.—Кромѣ этого сада, въ 4-хъ верстахъ отъ Крюкова имѣлся садъ плодовыхъ деревьевъ. Въ Крюковѣ существовали прекурьезнѣйшіе почтовые порядки: хотя перегонъ между нимъ и Кременчугомъ составлялъ всего 3 версты и иногда, при неимѣніи лошадей въ Кременчугѣ, ихъ пригоняли изъ Крюкова, но губернское правленіе, содержавшее почту въ новороссійской губерніи, распорядилось, чтобы всякій, ѣдущій изъ Кременчуга черезъ Крюковъ, мѣнялъ въ послѣднемъ лошадей. Лошади эти были настолько

[1]) Влад. Измайловъ, проѣзжавшій черезъ Крюковъ въ 1801—1802 г., даетъ слѣдующее описаніе Крюкова: „Что это такое? спросилъ я, увидя на берегу Днѣпра нѣсколько избъ, тѣсную улицу, шумную толпу народа и рогатку, которая ограничивала сіе мѣсто въ глазахъ моихъ. Это городъ Крюковъ, отвѣчали мнѣ". (Цит. по Николайчику „Г. Кременчукъ", стр. 115).

хороши, что Зуевъ, котораго тоже, не сморя на всѣ его просьбы, заставили перемѣнить лошадей въ Крюковѣ, предпочелъ ѣхать дальше на волахъ.

О *Прилукахъ* говоритъ Гунъ, при которомъ этотъ городъ представлялъ собою большую деревню и не имѣлъ правильныхъ улицъ, „хотя впредь велѣно его строить по плану“ [1]) Вмѣсто садовъ и огородовъ существовали одни заросли дурмана. Некрасивъ былъ городокъ, за то все въ немъ было очень дешево: на ярмаркѣ пара гусей стоила 32 коп., пара индѣекъ—40 коп., ведро водки 2 р. 40 к., пара сапогъ—1 р. 40 к. и д. Изъ продававшихся на прилукской ярмаркѣ предметовъ особенное вниманіе Гуна привлекъ стручковый перецъ, котораго онъ видѣлъ тутъ „превеликое множество“, и румяна, которыя для явнаго и сокровеннаго употребленія продаются здѣсь въ самыхъ бѣдныхъ лавкахъ“.

Некрасивымъ, въ изображеніи Гуна, является и *Переяславль*: это „городъ, окруженный развалившимся валомъ и болотами. Домы его суть хижины, обросшія дурманомъ. На улицахъ множество фонарныхъ столбовъ, но ни одного фонаря“. Левшинъ называетъ Переяславль городомъ „изрядным и довольно многолюднымъ“; въ немъ—семинарія съ 700 учащихся. Въ городѣ сохранились еще при Левшинѣ остатки старой крѣпости, пощаженной временемъ, но безпощадно разрываемой людьми для выварки селитры. Въ соборѣ Переяславскомъ показывали Левшину великолѣпное евангеліе, подаренное Мазепой, и плащаницу, 250 лѣтъ передъ тѣмъ (т. е. до 1815 г.), присланную однимъ молдаванскимъ господаремъ [2]).

Въ *Лубнахъ* и Гунъ, и Левшинъ отмѣчаютъ аптеку, доставлявшую лѣкарства для арміи [3]). За годъ передъ пріѣздомъ Гуна

---

[1]) По описанію 1786 г. въ Прилукахъ было 430 обывательскихъ домовъ, „въ томъ числѣ шинковъ третья часть“ (см. А. Шафонскаго “Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе“, стр. 510.

[2]) Въ 1561 г. Господаремъ Іоанномъ („Записки о Полтавской губ.“ Н. Арандаренко, т. III, стр. 424).

[3]) Объ этой аптекѣ и ботаническомъ садѣ при ней см. у Арендаренка, ч. III, стр. 273—274.

въ Малороссію въ Лубнахъ была построена больница для 3-хъ повѣтовъ.

Остальные города, посѣщенные нашими путешественниками, были—Кіевъ, Харьковъ и нѣкоторые города черниговской губерніи; кромѣ того Гунъ, посѣтилъ цѣлый рядъ помѣщичьихъ имѣній.

Изъ названныхъ нами путешественниковъ первымъ по времени посѣтилъ *Кіевъ* Гунъ. Онъ много путешествовалъ за границей, видѣлъ города на Рейнѣ, на Дунаѣ, въ Швейцаріи, но ни одинъ изъ видѣнныхъ имъ городовъ не произвелъ на него такого впечатлѣнія красотой своего мѣстоположенія, какъ Кіевъ.

Обывательскіе дома въ Кіевѣ были небольшіе, деревянные [1]), почти всѣ одноэтажные. Улицы широкія, вымощенныя досками [2]); по нимъ, по словамъ Гуна, ѣздить было очень пріятно. На многихъ изъ этихъ улицъ была масса фонарныхъ столбовъ.—Къ лучшимъ въ городѣ зданіямъ нашъ путешественникъ причисляетъ дворецъ, губернаторскій домъ и зданіе академіи. Въ академіи обучалось около 1000 человѣкъ; такъ какъ академическая библіотека лѣтъ за 20 передъ тѣмъ сгорѣла, то при Гунѣ имѣлось въ ней „только 9000 книгъ, но и тѣ кромѣ исторіи ничего примѣчанія достойнаго въ себѣ не содержатъ и лежатъ въ безпорядкѣ“. Въ городѣ существовали книжныя лавки, но въ нихъ, кромѣ книгъ церковныхъ и иконъ, ничего не было, за то иконъ „нигдѣ толикаго множества на продажу не выставляютъ, какъ въ Кіевѣ“.

Гунъ упоминаетъ о кіевскихъ контрактахъ [3]), во время которыхъ „смѣло можно сравнить Кіевъ съ Лейпцигомъ“. Въ контрактовомъ домѣ даются зимою балы, иногда даже спектакли.

Съ той поры какъ Кіевъ сдѣлался губернскимъ городомъ, въ немъ быстро растетъ число жителей (относительно этого

[1]) Въ 1797 г. Въ Кіевѣ каменныхъ зданій было—15 общественныхъ и 12 частныхъ. Закревскій op cit. стр. 115.

[2]) О кіевскихъ мостовыхъ (изъ брусьевъ) и грязи на улицахъ (въ 1787 г.) см. выдержки изъ „ Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II“, приводимыя у Закревскаго стр. 104.

[3]) Перенесены въ Кіевъ изъ Дубно въ 1797 г. См. Закревскій op. cit. 115—116.

числа Гунъ сообщаетъ противорѣчивыя свѣдѣнія: на 168 стр. его „путешествія“ оно равняется 30, а на 123—уже 42 тысячамъ [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ быстро ростутъ цѣны: мука, лѣтъ 20 предъ тѣмъ стоившая 10 коп., поднялась до 60—70 коп. за пудъ, сажень дровъ стоитъ 7 рублей. Изъ кіевскихъ произведеній Гунъ съ восторгомъ говоритъ о кіевскомъ бѣломъ хлѣбѣ: такого вскуснаго хлѣба онъ до того не ѣдалъ; упоминаетъ о кіевскомъ „славномъ въ сахарѣ изъ плодовъ вареньи“ [2]), которое варится частью на мѣстѣ, частью привозится изъ Молдавіи и продается „по сороку рублей за пудъ и ниже“. Изъ Молдавіи привозится въ Кіевъ также вино, и это вино пьютъ въ Кіевѣ „даже и мужики“.

Что касается городскаго управленія и финансовъ, то, говоритъ Гунъ, „магдебургское и саксонское права существуютъ здѣсь и понынѣ. Доходы магистрата, говорятъ, простираются до 37000 р., сверхъ коихъ одинъ винный откупъ приноситъ думѣ 50000 рублей ежегодно“.

Гунъ посѣтилъ, конечно, кіевскіе храмы и кіевскія пещеры и видѣлъ въ нихъ все то, что каждый можетъ видѣть и теперь, но также видѣлъ нѣчто, чего никто не видѣлъ и не увидитъ: „въ Софійской соборной церкви видѣли мы *гробъ св. Софіи*, подъ которымъ теперь сдѣланъ великолѣпный помостъ, коего одна позолота стоитъ тысячи пяти сотъ рублей [3]).

При Левшинѣ Кіевъ по прежнему не изобиловалъ роскошными и грандіозными зданіями: „въ немъ мало огромныхъ строеній, но много хорошихъ, хотя небольшихъ домовъ, которые, будучи расположены на прекрасныхъ мѣстахъ, останавливаютъ и прельщаютъ глаза“. Кромѣ академіи, гдѣ число учащихся доходило до 1500, существовала уже и гимназія, гдѣ

---

[1]) По свѣдѣніямъ, приводимымъ у Закревскаго, число кіевскихъ жителей въ 1798 г. было 19,000, въ 1800 г.—30,000.

[2]) О происхожденіи производства „кіевскаго варенья“ см. Закревскій op. cit. стр. 112.

[3]) За гробъ св. Софіи Гунъ очевидно принялъ раку съ мощами Св. Макарія, митрополита кіевскаго (ср. „Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской епархіи“ митрополита Евгенія. Кіевъ, 1825 г., стр. 47).

обучалось до 300 учениковъ. Дворянство жертвовало на гимназію большія деньги.

Глаголевъ даетъ лишь описаніе кіевскихъ святынь. Объ академіи онъ сообщаетъ общеизвѣстныя историческія свѣдѣнія, ничего не говоря о современномъ ему состояніи ея.

Всѣ 3 путешественника упоминаютъ о небольшомъ обелискѣ Владиміру Великому, воздвигнутомъ 5 сентября 1802 г. у Крещатицкаго колодца. На памятникѣ была надпись, гласившая, что памятникъ воздвигнутъ кіевскимъ обществомъ, „признательнымъ къ благодѣяніямъ Александра Благословеннаго, возобновившаго древнія права Кіева“ (Левшинъ)[1]).

Въ *Харьковѣ* были Зуевъ и Сумароковъ. За 20 лѣтъ, которыя отдѣляютъ одно отъ другаго эти 2 посѣщенія, Харьковъ мало измѣнился. При Сумароковѣ, какъ и при Зуевѣ, за исключеніемъ 2—3 большихъ каменныхъ домовъ, остальныя постройки состояли изъ мазанокъ, улицы были немощеныя и неправильныя, хотя еще Зуеву „сказывали, что планъ городу давно подтвержденъ“. Воды рѣчекъ, текущихъ черезъ городъ, при томъ и другомъ изъ нашихъ путешественниковъ одинаково заражались навозными плотинами[2]). Оба они говорятъ о харьковскомъ коллегіумѣ (или семинаріи)[3], при Зуевѣ тамъ было 500 учениковъ, при Сумароковѣ число ихъ возросло до 700. При Зуевѣ въ городѣ кромѣ того существовало еще „другое училище, называемое классы, гдѣ больше 20 человѣкъ сиротъ содержится на казенномъ иждивеніи; учители опредѣлены хорошіе, но, кажется, недостаточно присмотру“. Сумароковъ нашелъ это училище значительно расширеннымъ: „Народное училище, соединенное съ прежнею казенною школою, вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 600 дворянскихъ и разночинскихъ

---

[1]) См. у Закревскаго Высочайшій указъ съ замѣчаніемъ военному губернатору Фешу по поводу постройки памятника. Op. cit., т. I, стр 422.

[2]) О томъ же говоритъ авторъ „Топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества (М. 1788) стр. 116.

[3]) О коллегіумѣ см. въ этомъ же „Описаніи“ стр. 128—137. О Харьков. коллегіумѣ имѣется трудъ проф. Лебедева: „Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украины до учрежденія въ Харьковѣ Университета“.

дѣтей, которыхъ научаютъ иностраннымъ языкамъ, разнымъ познаніямъ, равно какъ и содержатъ на казенномъ счетѣ". — Кромѣ того, Сумароковъ узналъ, что у харьковскаго „протопресвитера воспитывается 12 благородныхъ отроковъ, которымъ онъ, преподавая самъ ученіе, нанимаетъ при томъ и другихъ для нихъ учителей. Предпріятіе необыкновенное въ нашемъ государствѣ! Новизна, достойная одобренія!".

О Харьковѣ Зуевъ сообщаетъ слѣдующія статистическія свѣдѣнія: „всѣхъ обывательскихъ домовъ около 1700, кожевенъ 126, винокуренъ 14, пивоваренъ 4, солодовенъ 7, кузницъ 40; имѣется изрядный каменной гостиной дворъ и сверхъ того множество деревянныхъ лавокъ. Церквей въ городѣ каменныхъ 6 и 5 деревянныхъ, сверхъ того мужской заштатный монастырь. Жителей въ городѣ около 6000 душъ [1]). У Сумарокова статистическихъ свѣдѣній не находимъ [2]), Зуевъ же сообщаетъ такія свѣдѣнія не только для Харькова, но и для его намѣстничества. Во всемъ намѣстничествѣ было 400691 житель [3]) дѣлившихся на войсковыхъ обывателей, малороссійскихъ подданныхъ, однодворцевъ, подданныхъ дворцовыхъ, экономическихъ и помѣщичьихъ и небольшаго количества цыганъ. По своимъ занятіямъ жители еще не дифференцировались: „каждой почти изъ нихъ въ городахъ есть и обыватель, и пахарь, и купецъ, и садовникъ, и службу отправляющій житель". На все указанное число жителей „записныхъ купцовъ" только 60 человѣкъ. Какъ и въ собственно Малороссіи, въ харьковскомъ намѣстничествѣ было много водяныхъ мельницъ и винокуренъ: первыхъ Зуевъ насчитываетъ 1500, вторыхъ въ 7 уѣздахъ (во всемъ намѣстничествѣ уѣздовъ было 13, но для 6 у Зуева свѣдѣній нѣтъ) было до 1000.

---

[1]) По свѣдѣніямъ „Топогр. Описанія" въ 1787 г. въ Харьковѣ было „домовъ партикулярныхъ 1532, жителей мужеска пола 5338, женска 5405 (стр. 127). Тамъ-же, стр. 121—127, см. о занятіяхъ харьковскихъ жителей.

[2]) Кое-какія статист. свѣдѣнія для начала нынѣшняго столѣтія находимъ въ воспоминаніяхъ Ф. О. Рейнгардта „Г. Харьковъ 20-хъ и 30-хъ годовъ" „Харьковскій Сборникъ" В. І. Хар. 1887 г.

[3]) Согласно „Тои Оп.", ко времени составленія его во всемъ намѣстничествѣ жителей муж. пола было 402,434, женскаго 394,374 (стр. 169).

Города черниговской губерніи посѣтилъ Левшинъ. *Черниговъ* [1]), по его словамъ, имѣлъ „изрядное строеніе“, но отличался крайнимъ малолюдствомъ. Одной изъ главныхъ достопримѣчательностей его является старинная соборная церковь, основанная еще кн. Мстиславомъ; она была украшена знаменами малороссійскихъ козацкихъ полковъ. Въ Черниговѣ Левшинъ посѣтилъ ремесленное училище и „видѣлъ тамъ многія прекрасныя художественныя произведенія воспитанниковъ, кототорые принимаются изъ мѣщанъ и поселянъ и, живя на казенномъ иждивеніи, учатся разнымъ искусствамъ“.

Въ *Городнѣ* [2]) путешественникъ не нашелъ ничего замѣчательнаго, въ *Новозыбковѣ* [3])—тоже, за исключеніемъ старообрядцевъ, которымъ посвящаетъ нѣсколько страницъ, въ *Новгородъ-Сѣверскѣ* [4]) Левшинъ отмѣчаетъ „обширную и хорошую гимназію“, въ *Глуховѣ*—строеніе его, которое „въ сравненіи съ другими малороссійскими уѣздными городами—хорошо“, и заводы, о которыхъ мы уже говорили.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ, главнымъ образомъ, посѣщенныхъ Гуномъ.

Яготинъ, тогда помѣстье графа Алексѣя Кириллыча Разумовскаго, Гунъ посѣтилъ какъ разъ въ то время, когда приводилась къ концу постройка новаго роскошнаго дома, флигелей и службъ и предъ домомъ разбивался англійскій садъ. Былъ здѣсь и Глаголевъ, когда имѣніе перешло къ князю Н. Г. Репнину; кромѣ разсказа о только что упомянутомъ домѣ и садѣ, Глаголевъ говоритъ о хорошей библіотекѣ и богатомъ собраніи картинъ, оставшемся послѣ графа Разумовскаго [5]).

[1]) Ср. описаніе Чернигова въ 1781 г. въ „Описаніи черниговскаго намѣстничества“ Д. *Пащенка* (неоконченное изданіе черниг. губ. статист. комит. 1868 г.) стр. 1—6 и описаніе его у Шафонскаго op. cit. (особенно интересны свѣдѣнія о латинскомъ училищѣ—стр. 280—284, числѣ домовъ—285, жителей—291).

[2]) См. описаніе Городни у Пащенка. op. cit. стр. 99—102.

[3]) О Новозыбковѣ (прежде сл. Зыбкая) см. въ „Описаніи Старой Малороссіи“ Ал. Лазаревскаго, стр 449—451.

[4]) Интересное описаніе Новгородъ-Сѣверска въ 1781 г. приведено у Ал. Лазаревскаго op. cit. стр. 211—213.

[5]) См. объ этомъ у Н. Стороженко „Отчетъ о занятіяхъ въ Архивахъ: кіевскомъ центр. и яготинскомъ кн. Н. В. Репнина“ въ Кіев. Унив. Извѣстіяхъ за 1887 г.

Въ библіотекѣ въ ковчегѣ хранились—письмо, въ которомъ фельдмаршалъ кн. Репнинъ приносилъ Императору Александру I поздравленіе по случаю восшествія его на престолъ, и Высочайшій рескриптъ Монарха кн. Репнину. Изъ рукописей особенно замѣчательны записки о путешествіи графа Бориса Петровича Шереметева въ Италію въ 1697—1700.

Въ *Почепѣ*[1]) Гунъ отмѣчаетъ громадный барскій домъ прекрасной архитектуры; въ немъ особенно хорошъ залъ для баловъ и концертовъ; есть въ немъ и библіотека изъ 5000 томовъ, предъ домомъ прекрасный большой садъ. Изъ „историческихъ памятниковъ“ въ Почепѣ Гунъ видѣлъ полуразвалившійся каменный столбъ, на которомъ при Аннѣ Іоанновнѣ „была выставлена на всенародное зрѣлище присланная изъ Петербурга голова казненнаго тамъ нѣкоего здѣшняго бунтовщика, выдававшаго себя за наслѣдника Государя Императора Петра I“.

Еще большею роскошью, чѣмъ Почепскій домъ, отличался домъ съ прекраснымъ паркомъ въ *Ивайтенкахъ* генерала Гудовича. Въ другихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Гунъ отмѣчаетъ только то, что относится къ промышленности и помѣщичьимъ доходамъ и на что уже было указано въ своемъ мѣстѣ. Эти помѣщичьи доходы бывали иногда очень велики, особенно тѣхъ помѣщиковъ, которые считали своихъ крѣпостныхъ тысячами. Весело и роскошно жили такіе помѣщики: и сами веселились, и, принимая массу гостей, давали возможность веселиться и другимъ, а своихъ крѣпостныхъ умѣли заставить доставлять себѣ не только все, необходимое для жизни, но и эстетическія удовольствія. Въ с. *Спиридоновой Будѣ* (о чемъ мы узнаемъ отъ кн. Шаликова) у помѣщика Д. И. Ширая, флигель-адъютанта кн. А. М. Голицына, былъ театръ, на которомъ давались оперныя представленія и балетъ. Въ особенный восторгъ привлекъ Шаликова балетъ. „Маренкова, Дроздова, Косаковская, Кодинцова!“ восклицаетъ онъ по адресу танцовщицъ: „вы были-бы украшеніемъ самой блестящей сцены

[1]) Ср. „Описаніе старой Малороссіи“ Ал. Лазаревскаго, стр. 298—305.

великолѣпнѣйшей столицы". Что особенно замѣчательно—это то, что „всѣ сіи плѣняющія васъ существа извлечены помѣщикомъ Буды изъ ничтожества, т. е. изъ крестьянскаго состоянія".

Особенно блестящій спектакль былъ данъ въ честь малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина. Предъ оперой, по обычаю добраго стараго времени, „главная актриса явилась на сценѣ и пріятнымъ, трогательнымъ голосомъ сказала рѣчь почтенному гостю"; въ послѣдней сценѣ балета глаза зрителей были поражены рядомъ символическихъ картинъ въ честь гостя: на сценѣ появился „великолѣпный храмъ съ огненною на фронтонѣ подписью: *добродѣтели и чести;* во внутренности его возвышался жертвенникъ съ пылающими сердцами передъ вензелевымъ именемъ гостя; позади его была транспарантная картина, которая изображала парящую славу и имѣющую, по обыкновенію, въ одной рукѣ трубу, а въ другой свитокъ съ его же вензелемъ и богиню правосудія съ вѣсами и съ ландъ-картою Малороссіи; внизу группы Геніевъ"... и т. д., и т. д. Высокій гость былъ растроганъ и „съ энтузіазмомъ" призналъ все это, и балетъ, и картины, волшебствомъ. На этомъ балу присутствовало и потомъ жило въ Будѣ въ теченіе 6 дней до 100 гостей.

Помѣщика Буды Шаликовъ считаетъ не только гостепріимнымъ хозяиномъ, но и блогодѣтелемъ тѣхъ своихъ „подданныхъ", которыхъ онъ превратилъ въ балеринъ. Еще-бы! онъ поднялъ ихъ на такую высоту, что онѣ могли доставлять высокое эстетическое удовольствіе гостямъ съ самыми утонченными вкусами. Это было, конечно, высокая честь для крѣпостныхъ, но многія изъ нихъ удостоивались чести еще большей. Плѣненные гости доходили до того, что забывали все различіе ранговъ и дарили ихъ своею любовью... на короткое время, конечно: князь Шаликовъ „сталъ плѣнникомъ одной (*крѣпостной*) Эвхарисы и, подобно сыну Улиссову, не желалъ свободы". У другихъ гостей сердце тоже не было каменнымъ: „Амуръ не оставался безъ дѣла и можно-ли Амуру не рѣ-

звиться тамъ, гдѣ Граціи? Стрѣлки его летали туда, сюда; коварной мальчикъ—enfant gâté—забавлялся“ [1]).

Другой помѣщикъ, владѣлецъ Чемира (Шаликовъ называетъ этого помѣщика Б**, это полковникъ Будлянскій, о которомъ разсказано выше со словъ Гуна), имѣлъ прекрасный хоръ и огромный оркестръ. Упоминаетъ объ оркестрѣ изъ крѣпостныхъ и Гунъ. Такой оркестръ былъ у Тамары (изъ 17 человѣкъ) и у Гудовича (изъ 16). Бывали у малороссійскихъ помѣщиковъ и художники изъ крѣпостныхъ. Въ Екатерининъ-дарѣ у гр. Завадовскаго Шаликовъ видѣлъ картину, на которой „магическая“ кисть „собственнаго Апеллеса“ изобразилъ спящую Венеру безъ всякаго покрывала до того хорошо, что заставилъ нашего путешественника предаться не совсѣмъ-таки чистымъ мечтаніямъ. Были помѣщики, которые не только доставляли эстетическія удовольствія на счетъ своихъ „подданныхъ“ себѣ и своимъ гостямъ, а развивали въ эстетическомъ отношеніи и толпу, но, снисходя къ ея грубымъ вкусамъ, давалъ предъ ней не оперные и балетные спектакли, а „спектакль балансёровъ и игръ гимнастическихъ“. Шаликовъ былъ на ярмаркѣ въ Ромнахъ въ циркѣ, антрепренеромъ котораго былъ богатый помѣщикъ. Между „балансёрками“, которыхъ этотъ помѣщикъ заставлялъ ходить по веревкѣ, была „очевидно беременная“ женщина, упавшая съ веревки въ самомъ же началѣ спектакля, „но къ счастью безвредно, говоритъ Шаликовъ: вспрыгнула на веревку опять и продолжала свое дѣло“.

Не всѣ однако помѣщики только веселили себя и другихъ на счетъ своихъ крѣпостныхъ; были и такіе, у которыхъ веселились и крѣпостные. По крайней мѣрѣ, у Шаликова мы находимъ слѣдующій разсказъ о сельскомъ праздникѣ по случаю окончанія жатвы.

„Ввечеру, по захожденіи солнца, на зеленомъ лугу и маленькихъ островкахъ свѣтлой рѣчки, подлѣ сосновой рощи и

---

[1]) Намъ разсказывалъ А. М. Лазаревскій (со словъ А. И. Ханенка), что у Д. И Ширая въ „Будѣ“ былъ магазинъ различныхъ ювелирныхъ вещей. Плѣнники „Эвхарисъ“ дарили ихъ вещами, купленными въ этомъ магазинѣ, „А Эвхарисы“ обязаны были возвращать ихъ своему помѣщику.

во внутренности ея запылали смоляныя бочки, поставленныя высоко на деревахъ; нетерпѣливые поселяне потекли со всѣхъ сторонъ на мѣсто веселія; сельскіе *Дицы* ударили въ смычки свои;—тамъ раздались нѣжныя свирѣли, здѣсь громкія пѣсни; молодыя крестьянки и крестьяне составили рѣзвыя пляски; пожилые сѣли за столы, на которыхъ изъ большихъ сосудовъ благоухалъ нектаръ и амброзія ихъ — горѣлка и свѣжій хлѣбъ; иные бросились на качели, поставленныя въ рощѣ; прочіе разсѣялись по рощѣ и лугу; мы ходили вездѣ и веселились съ щастливыми поселянами. Доброй ихъ Помѣщикъ радовался искренно щастію ихъ и раздѣлялъ его съ ними въ чувствительномъ своемъ сердцѣ".

На этой идилліи во вкусѣ Делилля мы и простимся съ нашими путешественниками.

Л. Синицкій.

БАРСКАЯ ОКОЛИЧНАЯ ШЛЯХТА ДО К. XVIII В.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Къ числу весьма любопытныхъ уголковъ нашего края принадлежитъ бывшее барское староство, расположенное на водораздѣлѣ Буга и Днѣстра, въ сѣверной части нынѣшней Подольской губерніи. Своеобразныя особенности его прошлаго и настоящаго привлекаютъ къ нему вниманіе изслѣдователя, тѣмъ болѣе, что особенности эти не только сами по себѣ любопытны, но даютъ подъ часъ матеріалъ для изученія болѣе общихъ явленій мѣстной исторіи, нѣкоторыхъ весьма важныхъ и сложныхъ вопросовъ мѣстнаго общественнаго строя.

Любопытная исторія этого старостваю Впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій оно было порубежнымъ со степью. Баръ долгое время служилъ однимъ изъ важнѣйшихъ опорныхъ базисовъ и игралъ важную роль въ исторіи обороны и вмѣстѣ колонизаціи того края. Въ связи съ такою ролью Бара стоитъ и значеніе его въ исторіи козачества: какъ извѣстно, это было одно изъ старѣйшихъ козачьихъ гнѣздъ; здѣсь, на ряду съ нѣкоторыми другими окраинными староствами, получило оно первоначальную свою организацію. Позже мы находимъ здѣсь служилую шляхту, аналогичную въ значительной степени съ козаками. Организація этого шляхетскаго населенія также имѣетъ сходныя черты съ козачьею организаціею: вся шляхта составляла въ совокупности „барскій полкъ“, съ полковникомъ во

главѣ, съ прочими военными чинами. Изученіе исторіи и общественнаго строя староства, мнѣ кажется, можетъ дать немало данныхъ для выясненія генезиса козачества и его первоначальнаго строя.

Довольно рано—сеймовымъ постановленіемъ 1659 г., Барское староство было обращено въ наслѣдственную собственность гетмана. Ив. Выговскаго (это дѣдицтво Выговскаго составляетъ тоже одну изъ интересныхъ страницъ въ исторіи Барскаго староства); потомъ староство переходило изъ рукъ въ руки и наконецъ закрѣпилось за князьями Любомирскими, во владѣніи которыхъ оставалось почти цѣлое столѣтіе. Въ силу этого создалось соединеніе элементовъ государственныхъ и частноправныхъ въ организаціи староства, особенно любопытное потому, что подъ властью староства, подъ его присудомъ находилось многочисленное, упомянутое выше, шляхетское населеніе, околичная шляхта, обязанная различными повинностями на замокъ. Такая судьба староства весьма сильно отразилась на положеніи ея. Сохранивъ за собою шляхетскія права, эта шляхта de facto низведена была на степень низшую даже той, на которой стояло русско-литовское боярство; въ сущности небольшое демаркаціонное пространство отдѣляло ее отъ крестьянскаго населенія старостинскихъ селъ. Весьма интересно прослѣдить это подчиненіе шляхты старостами-дѣдичами и превращеніе ея въ тяглое населеніе. Въ старостинскомъ управленіи, кромѣ обычнаго смѣшенія функцій административныхъ и хозяйственныхъ, есть также своеобразныя особенности, благодаря присутствію этого военно-шляхетскаго элемента; своеобразно также устройство шляхетскихъ селъ—околицъ, съ намѣстниками во главѣ, съ общимъ собраніемъ шляхтичей—шляхетскимъ коломъ.

Интересна сама по себѣ эта барская околичная шляхта (такъ называется она съ XVI в.)[1]. Обыкновенно у насъ съ именемъ правобережнаго дворянина, шляхтича, особенно вре-

[1]) Люстрація Барскаго староства 1565 г.—въ Архивѣ Юго-Западной Россіи ч. VII, т. II, стр. 232.

мени послѣ козачьихъ войнъ, связывается представленіе о чемъ-то польскомъ, рѣзко отграниченномъ, отчужденномъ отъ народной массы, враждебномъ ей. Околичная шляхта въ значительной степени не подходитъ подъ это обычное представленіе.—Укажу на обслѣдованную въ наукѣ съ этой стороны овруцкую околичную шляхту[1]); подобно ей, и барскій шляхтичъ до конца дней Рѣчи Посполитой сохраняетъ туземный, южнорусскій обликъ и стоитъ близко къ народной массѣ. Здѣсь мы можемъ наблюдать встрѣчу польскаго и туземнаго элементовъ, пришлой и туземной культуръ, ихъ борьбу и амальгамировку.

Я намѣтилъ нѣкоторые лишь вопросы исторіи и общественнаго строя Барскаго староства; было бы долго перечислять всѣ интересныя особенности, любопытныя данныя, сообщаемыя барскими актами. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ едва намѣчены, нѣкоторые совершенно неизвѣстны въ наукѣ. Можно пожалѣть только, что главный и обильнѣйшій источникъ для изслѣдованія ихъ—книги Барской юрисдикціи—мы имѣемъ всего лишь за нѣсколько десятковъ лѣтъ прошлаго столѣтія; въ особенности для изученія быта это источникъ незамѣнимый. Данныя другихъ источниковъ, каковы книги летичевскія, книги барскаго магистрата, процессы о правѣ владѣнія землями Барскаго староства и т. п. лишь до нѣкоторой степени восполняютъ этотъ недостатокъ.

Въ непродолжительномъ времени я постараюсь опубликовать наиболѣе интересные матеріалы о Барскомъ старостве, его устройствѣ и бытѣ, равно какъ и изслѣдованіе по этимъ вопросамъ, а въ настоящее время позволю себѣ предложить одинъ изъ эпизодовъ, именно—этнографическія данныя о барской околичной шляхтѣ.

II.

Этнографическая основа барской шляхты была несомнѣнно туземная. Я не буду здѣсь забираться во мракъ древнѣйшихъ

[1]) Акты объ овруцкой околичной шляхтѣ изданы проф. В. Б. Антоновичемъ въ IV части I томѣ Архива Юго-Западной Россіи, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о ней.

временъ и тревожить разныхъ тиверцевъ и болоховцевъ и иныхъ cruces interpretatorum русской исторіи. Обстоятельныя и связныя свѣдѣнія о занимающей насъ территоріи идутъ съ XVI в., когда разоренный татарами Ровъ (таково было первоначальное имя нынѣшняго Бара), съ окрестною территоріею, былъ въ 1537 г. отданъ Сигизмундомъ Старымъ королевѣ Бонѣ, и когда, благодаря попеченіямъ новой владѣлицы, были приняты дѣятельныя и, по тому времени, серьезныя мѣры къ расширенію и укрѣпленію колонизаціи. Отъ второй половины XVI и начала XVII в. сохранилось нѣсколько люстрацій Барскаго староства, которыя сообщаютъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія относительно этнографическаго состава населенія и шляхты въ частности. На основаніи данныхъ люстраціи 1565 г. новѣйшій изслѣдователь тоговременной колонизаціи проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ пришелъ къ заключенію, что туземный элементъ въ Барскомъ старостве составлялъ свыше 90% сельскаго населенія и около 80% всего вообще населенія староства. Туземцы составляютъ главную массу въ средѣ мѣстной шляхты; иноплеменные элементы не значительны[1]). Въ началѣ XVII в., судя по люстраціи 1615—6 г., среди мѣстной шляхты было также много туземныхъ родовъ (хотя польскій элементъ уже значительно усилился); наиболѣе многочисленные роды, составившіе основное ядро околичной шляхты, были туземные[2]). Туземное ядро это продолжало держаться весьма устойчиво и позже, несмотря на передряги, постигавшія Барское староство— во время козачины и турецкой оккупаціи.

Къ этой туземной основѣ примѣшивались разновременно, въ значительномъ количествѣ, разные иноплеменные элементы (въ этомъ отношеніи барская околичная шляхта значительно отличается отъ овруцкой, куда иноплеменная стихія проникаетъ очень мало). Самымъ многочисленнымъ ингредіентомъ былъ, несомнѣнно, польскій, особенно приходившій сюда въ большомъ числѣ въ видѣ поссессоровъ, заставниковъ, покупщиковъ земли

[1]) Населеніе Юго-Западной Россіи отъ второй половины XV в. до Люблинской уніи (предисловіе къ ч. VII, т. I Архива Ю.-З. Россіи), стр. 194—195.

[2]) Люстрація 1615—6 г. въ Źródla dziejowe t. V p. 24 sqq.

и т. д. Весьма замѣтенъ, особенно въ XVIII в., элементъ волошскій—разные Бенескулы, Маймескулы, Дыдыскулы и т. д. Проникалъ, хотя въ меньшей степени, элементъ южнославянскій, татарскій (какъ извѣстно, при королевѣ Бонѣ здѣсь была устроена цѣлая колонія татаръ-чемерисовъ) и т. п. Однако эти иноплеменные насельники, въ суммѣ довольно многочисленные, весьма успѣшно претворялись и ассимилировались туземною основою, и въ половинѣ XVIII в., когда мы имѣемъ очень обстоятельныя и точныя свѣдѣнія о бытѣ барской околичной шлахты, благодаря упомянутымъ выше актовымъ книгамъ барской юрисдикціи, шляхта наша въ массѣ имѣетъ очень полно и опредѣленно выраженный туземный обликъ.

Я обращусь теперь къ даннымъ этихъ актовыхъ книгъ барской юрисдикціи. Въ это время—т. е. въ половинѣ XVIII в.—околичная шляхта занимала 12 селъ барскаго староства: Елтухи (Евтухи), Галузинцы, Волковинцы, Радзеевцы (Радыевцы), Васютинцы, Петрани, Лопатинцы, Коростовцы, Сербиновцы, Степанковцы, Поповцы, Гальчинцы и Буцни; села эти находятся вокругъ г. Бара, въ смежныхъ частяхъ нынѣшнихъ уѣздовъ литинскаго, летичевскаго и могилевскаго, подольской губерніи.

По переписи шляхетскихъ околицъ 1739 г. число околичной шляхты на дѣдичномъ правѣ, мужескаго пола, простиралось до 230, да прыймаковъ или зятьевъ (zięci), поссессоровъ, заставниковъ и разныхъ прихожихъ людей (luźni, przybyszy), жившихъ по большей части въ сходныхъ же условіяхъ, было до 180; при этомъ нужно замѣтить, что неотдѣленные сыновья обыкновенно въ реестръ не вносились. Это шляхетское поселеніе распредѣлялось между отдѣльными околицами весьма неравномѣрно: если въ нѣкоторыхъ селахъ, какъ напримѣръ, въ Петраняхъ, Гальчинцахъ, Сербиновцахъ, мы находимъ всего по нѣсколько шляхетскихъ семействъ, то шляхетское населеніе такихъ околицъ, какъ Волковинцы, Поповцы, Радзеевцы, Галузинцы, считалось десятками [1]).

[1]) Перепись 1739 г. въ книгѣ барскаго замка кіевскаго центральнаго архива № 5683 л. 91 сл.; въ дальнѣйшихъ ссылкахъ указаны номера актовыхъ книгъ также кіевскаго центральнаго архива.

III.

Первое, что бросается въ глаза при знакомствѣ съ нашею околичною шляхтою, это ея фамильныя прозвища и имена.— Они очень характеристичны. Огромное большинство шляхтичей-туземцевъ носили фамиліи, тождественныя съ именемъ своего села: такъ, въ Радзеевцахъ жили, главнымъ образомъ, Радзеевскіе, въ Елтухахъ—Елтуховскіе, въ Коростовцахъ—Коростовскіе. Это впрочемъ не были только мѣстныя названія, а настоящія фамиліи: какой-нибудь Радзеевскій, переселяясь, скажемъ, въ Волковинцы, продолжалъ именоваться Радзеевскимъ, а не Волковинскимъ. Затѣмъ эти фамиліи—иногда очень многолюдныя—распадались на подфамиліи, вѣтви, семьи, которыя различались между собою патронимическими именами и прозвищами, которыя переходили часто изъ поколѣнія въ поколѣніе; патрономики всегда имѣютъ туземную форму — на *енко*; прозвища также иногда очень типичны: Шмиль, Гуць, Гава, Крымець, Снигуръ, Бацюра и т. п. Такимъ образомъ были, напримѣръ, Гавы—Радзеевскіе, Рябченки—Волковинскіе, Касьяненки—Галузинскіе, Скорописы—Елтуховскіе, Мазепы—Васютинскіе, Пантенки—Поповскіе. Отъ совпаденія прозвища съ патронимикою, или патронимики отца съ патронимикою дѣда получались двойные cognomina—напр. Карпченки—Тарасы—Волковинскіе, Іозепенки—Петренки—Радзеевскіе, Кобченки—Мордасы—Поповскіе. Подобное явленіе замѣчается и у овруцкой околичной шляхты.

Что касается именъ, то они не всегда доходятъ до насъ въ своей настоящей формѣ. Акты велись на оффиціальномъ польскомъ языкѣ, и, вѣроятно, очень часто писарь, болѣе свѣдущій въ шляхетскомъ хорошемъ тонѣ, передавалъ народныя имена въ польской формѣ, превращая какого-нибудь Грицька въ Гржегоржа, а Лаврина въ Вавженца. Однако и въ актовыхъ книгахъ имена иногда сохраняли свой настоящій видъ, особенно привилегіею пользовались въ этомъ отношеніи дамы. Затѣмъ неполонизованныя формы именъ встрѣчаются также въ метрическихъ книгахъ (я пересмотрѣлъ метрики одной изъ околицъ—Поповецкой). Конечно, ни у кого не возникнетъ сомнѣній отно-

сительно народности пана Леська Соломки—Волковинского или Оныська Гаврышенка—Елтуховскаго, или пани Матроны зъ Кочерговъ Гнетимуковой—Радзеевской или пани Палажки Васютинской [1]) имена слишкомъ краснорѣчиво говорятъ сами за себя.

Можно съ увѣренностью утверждать, что обычнымъ языкомъ нашей шляхты былъ малорусскій. Малорусскія фразы очень часто проскакиваютъ въ актахъ, и если обыкновенно въ актахъ шляхтичи разговариваютъ по польски, то этимъ они, правдоподобно, обязаны главнымъ образомъ, тому же „писарю шляхетскому". Я укажу на одинъ любопытный примѣръ: онъ касается нѣкоего Сѣчинскаго; это была семья, тянувшая къ мѣстной аристократіи и потому больше подвергнувшаяся польскому вліянію. Отецъ нашего Сѣчинскаго былъ поручикомъ Барскаго полка, а самъ онъ былъ нѣкоторое время намѣстникомъ въ с. Галузинцахъ; онъ посѣщалъ барскій костелъ, и двое братьевъ его были даже ксендзами. Такъ вотъ зять этого Сѣчинскаго, тоже принадлежащій къ мѣстной аристократіи—нѣкій Ляховецкій—жалуется на разныя обиды отъ своего шурина и между прочимъ представляетъ его разговаривающимъ съ женою по малорусски: Сѣчинскій собирается устроить ночью засаду на своего зятя и убить его, „а тою насикою буду быты, тай убью, и нихто не буде знаты", говоритъ онъ [2]). Между тѣмъ, повторяю, это былъ одинъ изъ наиболѣе полонизованныхъ субъектовъ.

Въ дѣлѣ вѣры наша шляхта, въ весьма значительной по крайней мѣрѣ степени, была тоже солидарна съ туземнымъ населеніемъ. Въ половинѣ XVIII в. шляхта, какъ и все вообще подольское населеніе, въ большинствѣ принадлежала оффиціально къ греко-уніатскому обряду. Какъ извѣстно, унія, благо-

---

[1]) Кн. № 5685 л. 97, № 5686 л. 28, 39, № 5692 л. 99.

[2]) Кн. № 5694 л. 118. Начало словъ въ документѣ передано по польски: ja kiedyś w nocy, jak Lachowecki będzie szedł od matki usmarowawczysię zasięde na niego, żeby mnie nie poznał—очевидно писарь началъ было переводить слова Сѣчинскаго по польски, но въ концѣ концовъ перешелъ на малорусскій языкъ, между прочимъ usmarowawszysię онъ переправилъ изъ uszmarowawszysię. Въ дѣйствительности, вѣроятно, рѣчь гласила приблизительно такъ: „я колысь въ ночи, якъ Ляховецкый буде йти одъ матки, зашмаровавшись засяду на нёго, щобъ мене не познавъ".

даря весьма ловкимъ и искуснымъ маневрамъ правящихъ сферъ, въ началѣ XVIII в. была оффиціально введена на Подоліи; тѣмъ не менѣе продолжалась противъ нея глухая, болѣе пассивная, чѣмъ активная, борьба населенія въ пользу „благочестія", а съ другой стороны—скоро послѣ введенія своего унія перестала удовлетворять католиковъ и изъ покровительствуемой перешла въ положеніе презираемой и гонимой; подобно тому какъ раньше православіе, унія стала вѣрою хлопскою, вѣрою русскою, сообразно извѣстному афоризму, что Богъ сотворилъ попа для хлопа, а плебана для пана [1]). Что до шляхты, то въ это время уніатовъ среди нея почти не существовало, шляхтичи изъ православія обыкновенно переходили прямо въ католичество. При такихъ условіяхъ принадлежность барской околичной шляхты къ греко-уніатскому обряду, а не къ католичеству, свидѣтельствуетъ о весьма значительной жизненности и устойчивости въ ней туземной, національной стихіи.

Какъ сказано, въ половинѣ XVIII в. (свѣдѣнія наши идутъ съ 1730 г. до 1780-хъ годовъ) огромное большинство околичныхъ шляхтичей принадлежало къ уніи. Католики составляли меньшинство, да и тѣ не всегда были особенно ярыми католиками, часто посѣщали одинаково церковь и костелъ и дѣлали пожертвованія на тѣ и другія. Въ спискѣ обращенныхъ изъ уніи въ католичество съ 1758 по 1765 г. изъ 58 душъ, которыя приходятся на барскій деканатъ, всего около десятка найдется барскихъ околичныхъ шляхтичей [2]). Изъ метрическихъ книгъ поповецкаго прихода видно, что мѣстная шляхта, за однимъ—двумя исключеніями, крестила дѣтей по греко-уніатскому обряду [3]). Въ актахъ часто встрѣчаются упоминанія о посѣщеніи шляхтичами мѣстныхъ церквей, какъ о явленіи постоянномъ и обычномъ. На годовые кануны собиралось поголовно шляхетское населеніе даже изъ сосѣднихъ селъ [4]). Въ завѣщаніяхъ отказываются деньги на мѣстныя церкви и причтъ, на

[1]) Монографіи В. Б. Антоновича I с. 311 сл., 326 сл., 336 сл.

[2]) Архивъ юго-западн. Россіи ч. I т. IV, с. 574—5.

[3]) Книга № 5534, passim.

[4]) Кн. № 5689 л. 42.

заупокойныя обѣдни и на устройство поминальныхъ обѣдовъ [1]). Шляхтичи дѣлали сообща пожертвованія на украшеніе церкви, пріобрѣтеніе тѣхъ или другихъ вещей, на церковь же жертвовались деньги, собираемыя колядниками [2]). Къ штрафамъ въ пользу мѣстной церкви приговаривалъ урядъ за нѣкоторыя преступленія противъ нравственности. Обычнымъ наказаніемъ для провинившихся женщинъ и несовершеннолѣтнихъ — было лежать крыжемъ въ мѣстной церкви при народѣ, въ продолженіе одной или нѣсколькихъ праздничныхъ службъ; въ одномъ случаѣ провинившійся шляхтичъ присужденъ стоять въ церкви, во все время богослуженія, съ обнаженною саблею [3]).

Шляхетское населеніе принимало также дѣятельное участіе въ мѣстныхъ приходскихъ дѣлахъ. Въ околичныхъ селахъ существовали церковныя братства—они упоминаются, напримѣръ, въ Галузинцахъ, Радзеевцахъ, Степанкахъ; въ пользу ихъ также встрѣчаются пожертвованія въ шляхетскихъ завѣщаніяхъ [4]). Общимъ совѣтомъ всего села, всего шляхетскаго кола, избирали кандидатовъ на священническую вакансію и отряжали „спольнымъ коштомъ“ выборныхъ хлопотать о презентѣ и утвержденіи духовнымъ начальствомъ желательнаго кандидата [5]). На храмовые праздники также всѣмъ коломъ назначали выборныхъ варить и продавать канунный медъ, причемъ вырученныя деньги поступали на церковныя украшенія [6]).

Въ числѣ мѣстныхъ священниковъ встрѣчаются и околичные шляхтичи [7]). Изъ метрическихъ записей видно, что шляхта охотно „кумалась“ съ приходскимъ причтомъ [8]). Къ посредничеству священника прибѣгали во взаимныхъ распряхъ [9]).

---

[1]) Кн. № 5685 л. 105 об., № 5688 л. 69, № 5689 л. 34, № 5696 л. 47 об. и др.
[2]) Кн. № 5692 л. 28, 65, № 5695 л. 1295.
[3]) Кн. № 5685 л. 42, 50, 116 об.; № 5688 л. 10, 39 и др; № 5685 л. 146.
[4]) Кн. № 5688 л. 76, 5694 л. 51, 5699 л. 34.
[5]) Кн. № 5688 л. 25.
[6]) Кн. № 5684 л. 5 об., также л. 30 об.
[7]) Кн. № 5684 л. 88, 5694 л. 51.
[8]) Кн. № 5692 л. 140.
[9]) Кн. № 5534, 5536 passim.

Словомъ, церковь занимала очень видное мѣсто въ жизни шляхетской околицы. Что при этомъ на свою церковь шляхта смотрѣла какъ на своенародную, „греческую“, что она не чувствовала симпатій къ латинству и иногда рѣзко противилась его распространенію,—довольно ясно свидѣтельствуютъ два эпизода изъ барскихъ актовыхъ книгъ, а именно; проявленія такого протеста, хотя въ грубыхъ, мало культурныхъ формахъ. Въ одномъ случаѣ имѣемъ жалобу шляхтичей Будкевичей (фамилія, не принадлежавшая къ числу исконныхъ мѣстныхъ родовъ) на нѣкоего шляхтича Юркевича, что онъ въ пьяномъ видѣ вломился въ ихъ домъ, разбилъ гипсовое изображеніе Христа, попробивалъ кіемъ бумажные образа и укорялъ хозяйку (хозяина дома не было), что она держитъ у себя латинскія изображенія: „ляховко, ляцкіи образы маешъ“ [1]). Въ другомъ случаѣ священникъ с. Коростовецъ Михаилъ Людкевичъ жалуется на мѣстныхъ помѣщиковъ коростовскихъ за разныя обиды и безчестья. По собственному признанію, священникъ этотъ при своемъ посвященіи обязался архіепископу строго держаться латино-уніатскихъ догматическихъ и обрядовыхъ особенностей, но встрѣтилъ отпоръ. По его разсказу, немедленно Иванъ Коростовскій сталъ попрекать его за то, что онъ поминаетъ на ектеніи не патріарха, а папу (ty pop lacki, nie tak odprawujesz służbe, jak starzi popi, za rzymskiego papu, a nie za patryarchu Boha prosisz), а пріятель его, нѣкто Лавринъ Немишъ, придя въ церковь, приказывалъ дьяку читать о св. Духѣ не „отъ Отца и Сына исходящій“, какъ требовалъ новый священникъ, а „отъ Отца исходящій, а на Сынѣ спочивающій“. Результатомъ этихъ несогласій были разные попреки и даже побои священнику, и Коростовскій предлагалъ взять презенту на священничество вышеупомянутому пріятелю своему Лаврину Немишу [2]).

Обращаясь къ быту нашей шляхты, мы и здѣсь—въ обрядахъ, обычаяхъ, воззрѣніяхъ—находимъ много своенароднаго. Я уже упомянулъ о нѣкоторыхъ обычаяхъ церковнаго характера,

[1]) Кн. № 5690 л. 24 об.

[2]) Кн. № 5689 л. 73.

какъ поминальные обѣды, канунные меды, складчины на церковныя украшенія. На Рождество отправлялись колядки [1]). На Пасху обходили почтенныхъ родственниковъ съ поздравленіемъ и „паскою“ [2]). Свадебные обычаи имѣли характеръ во многомъ чисто народный; между прочимъ мы имѣемъ жалобу, въ которой отецъ невѣсты, нѣкто Зарусицкій, жалуется на Скорописа Елтуховскаго, что тотъ во время отправленія „весилля“, на стыдъ ему вмѣсто обычной „червоной хоруговки“, według tuteyszego zwyczaiu, повѣсилъ передъ его воротами „червоную онучку“—здѣсь указывается, очевидно, на церемонію вывѣшиванія красныхъ поясовъ на свадьбѣ, существующую понынѣ [3]). По праздникамъ молодежь развлекалась, собираясь танцовать „на музыку“ у корчмы, какъ и понынѣ это ведется [4]). Для замужней женщины большимъ позоромъ считалось „свитыть волоссямъ“, и мы встрѣчаемъ не мало процессовъ по поводу того, что тотъ или другой сорвалъ намитку (такъ она иногда и называется въ актахъ) съ шляхтянки и опростоволосилъ ее [5]). Кое что своенародное можно было бы указать и въ другихъ пріемахъ и понятіяхъ о безчестіи, но объ этомъ не совсѣмъ удобно распространяться.

IV.

Такая живость и устойчивость своенародной, туземной стихіи въ жизни барской околичной шляхты объясняется съ одной стороны тѣмъ, что ядро ея, какъ указано было выше, состояло изъ туземцевъ, съ другой стороны—тѣмъ также, что народная, крестьянская стихія постоянно проникала въ ряды шляхты. Этотъ процессъ обновленія состава шляхты элементами простонародными, мѣстными и прихожими, и проникновенія въ ряды ея лицъ не шляхетскаго происхожденія очень интересенъ, и его

[1]) Кн. № 5696 л. 77 об., № 5698 л. 8 (№ 5699 л. 2).
[2]) Кн. № 5690 л. 14.
[3]) Кн. № 5689 л. 69.
[4]) Кн. № 5691 л. 117.
[5]) Напр. кн. № 5688 л. 213, кн. № 5689 л. 75, кн. № 5692 л. 81, 91 об. и др.

можно очень ясно прослѣдить по документальнымъ даннымъ; я ограничусь здѣсь краткими указаніями. Происходилъ онъ больше всего путемъ смѣшанныхъ браковъ; случаи выхода крестьянокъ за шляхтичей и шляхтянокъ за крестьянъ встрѣчаются не рѣдко [1]). При этомъ не только зятья prostej kondycji, попавъ „въ прыймы", незамѣтно протискивались въ ряды шляхты, но это случалось и съ пасынками—крестьянами, которые такимъ образомъ полагали начало новымъ околичнымъ родамъ, чисто народнымъ, не имѣвшимъ въ себѣ ни капли шляхетской крови (таковы были, напримѣръ, Туренки, Гавы Радзеевскіе [2]). Проходили въ ряды шляхты не-шляхтичи также посредствомъ покупки или аренды грунтовъ въ шляхетскихъ околицахъ и т. п.

Этими путями не-шляхетскіе элементы проникали въ ряды шляхты въ весьма широкихъ размѣрахъ. На присутствіе ихъ между прочимъ указываютъ процессы о незаконномъ присвоеніи дворянства—zadania imparitatis, nierówności въ огромномъ количествѣ встрѣчающіеся въ барскихъ актовыхъ книгахъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что дѣла эти поднимались то въ видѣ встрѣчныхъ исковъ противъ поднятыхъ обвиненій, то имѣли цѣлью отклонить притязанія на имущество, на наслѣдство. Безъ этого люди „простой кондиціи" спокойно сидѣли на шляхетскихъ грунтахъ, именовали себя урожоными и пользовались привилегіями шляхетскаго званія—околичные шляхтичи не были особенно ревнивы въ этомъ отношеніи. Но и поднятыя дѣла о „неровности" рѣдко приходили къ удовлетворительному результату, насколько можно судить по актовымъ даннымъ; въ большинствѣ случаевъ эти не легальные шляхтичи такъ и оставались при своемъ шляхетствѣ de facto.

V.

Если шляхетская масса въ общемъ очень устойчиво хранила своенародныя особенности, то нельзя все же сказать, чтобы она вовсе оставалась нечувствительной къ польскому культур-

[1]) См. напр. кн. № 5688 л. 106, 5690 л. 123 об. и др.

[2]) Кн. № 5691 л. 75, № 5692 л. 19.

ному вліянію, тѣмъ болѣе, что послѣднее имѣло весьма удобные и широкіе пути для своего проникновенія. Проводила его непосредственно въ шляхетскую среду многочисленная польская или ополяченная шляхта, являвшаяся въ околицы въ видѣ поссессоровъ, заставниковъ и т. п. Проводили его околичные шляхтичи, служившіе въ польскихъ войскахъ, что бывало нерѣдко. Вліяли чиновники мѣстной администраціи—„зверхность замковая". Вліяли наконецъ самыя юридическія формы, сословныя рамки, въ которыя введено было шляхетство.

Я не буду распространяться объ этомъ; замѣчу, что польское культурное вліяніе было въ общемъ довольно поверхностно, и проявленія его въ быту нашей шляхты зачастую мало симпатичны. Сюда относится проявляющееся иногда желаніе прихвастнуть, повеличаться своимъ шляхетскимъ достоинствомъ предъ хлопомъ, въ родѣ того, что какой-нибудь околичный шляхтичъ, очевидно ощущая зудъ въ своихъ панскихъ кулакахъ, пристаетъ къ крестьянину съ вопросами, кто изъ нихъ двухъ „старшій и лѣпшій?" [1]). Изъ этого источника истекали высокопарныя фразы о гонорѣ шляхетскомъ, фразы, въ особенномъ обиліи, въ качествѣ ratio ad hominem, высыпавшіяся въ жалобахъ по поводу какой-нибудь потасовки, заданной въ корчмѣ за порціей водки. Отсюда заимствовались quasi галантныя манеры, которыми щеголяли околичные кавалеры въ своихъ „konkurencjach o przyiazń" мѣстныхъ „дамъ". Пересаженная на околичную почву эта польская галантерея проявлялась подчасъ въ весьма грубыхъ или комичныхъ формахъ и обстановкѣ, въ родѣ жалобъ на расходы, понесенные во время „конкуренцій" и приготовленій къ несостоявшейся свадьбѣ, или въ родѣ того эпизода, о которомъ разсказываетъ нѣкій Кариченко-Волковинскій, въ своей жалобѣ: на свадьбѣ онъ былъ запрошенъ во время танцевъ (w drugą parę) однимъ изъ гостей и, „взявъ панну", направлялся w koło taneczne, но въ это время налетѣлъ на него его недругъ, одинъ изъ Гаврышенковъ Волковинскихъ, panne z rąk wydarł y w taniec iść nie dopuścił, y,

[1]) Кн. № 5689, л 64.

w gębe uderzywszy, za łeb pochwycił y bił do upodobania [1]).

Къ подобнымъ уже проявленіямъ этой quasi цивилизаціи относится любопытный процесъ по поводу пасквиля, составленнаго нѣкоимъ шляхтичемъ Вольскимъ, на всѣхъ дамъ, tak mężatek jako i panien, села Галузинецъ [2]). Этотъ „пашквиль" вызвалъ, конечно, противъ автора всеобщее раздраженіе; въ добавокъ сей околичный сатирикъ, придя—непрошеный—въ одно собраніе мѣстнаго общества, на пасхальныхъ святкахъ, имѣлъ неосторожность завести разговоръ на ту же тему: „dziś u mnie wszystkie panny z wizytą byli", а когда у него спросили о причинѣ такихъ странныхъ визитовъ, отвѣчалъ: gdyż mam wszystkie na regestrze. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, освѣдомившись, что и ихъ родственницы включены въ „regestr amorów" п. Вольскаго, учинили сему околичному ловеласу жестокую потасовку, а затѣмъ все шляхетское коло околицы, съ намѣстникомъ во главѣ, занесло на него жалобу замковой „зверхности" [3]).

Эти пріемы околичнаго обхожденія напоминаютъ одну шуточную пѣсенку, на ломаномъ польскомъ языкѣ (нѣсколько напоминающемъ языкъ нѣкоторыхъ барскихъ актовъ), записанную въ этой же средѣ и изображающую такого околичнаго cavalier galant:

Pojechał do miasta
Do krasnej kramnicy,
Kupił koperwasu,
Naszmarował licy.
Naszmarował dziegciem boty
I pojechał na zaloty—
Kijaszek u renku,
Pò zubam panienku.

---

[1]) Кн. № 5696 л. 67.

[2]) Это замѣчательное произведеніе состояло всего изъ двухъ стиховъ:

Ominąwszy wszystkie domy, tudziesz jatki—
Jakie panny murwy, takiesz i mężatki.

[3]) Кн. 5694, л. 67 и 69.

VI.

Но это польское вліяніе, повторяю, не шло глубоко, ограничиваясь больше внѣшностью, пріемами; шляхетскія понятія мало выходили за предѣлы судебныхъ манифестацій и репротестацій; основы быта были туземныя, и въ общемъ масса околичной шляхты стояла ближе къ туземному крестьянству, чѣмъ къ польскому шляхетству. Съ народною массою, какъ мы видѣли, роднили ее и языкъ, и вѣра, и обычаи. Въ отношеніи образованности, развитія, шляхта, вообще говоря, недалеко возвышалась надъ народнымъ уровнемъ. Въ большинствѣ шляхтичи были неграмотны и полуграмотны; даже среди намѣстниковъ околицъ попадаются неграмотные. Въ большомъ числѣ встрѣчающіеся процессы о чарахъ, „о заданьи чаровництвъ“ обнаруживаютъ весьма невысокій уровень развитія шляхтичей. А о значительной грубости нравовъ свидѣтельствуютъ процессы о всякаго рода побояхъ, потасовкахъ, составляющіе въ суммѣ едва-ли не самый значительный процентъ среди тяжбъ; дѣла о потравахъ, захватахъ грунтовъ и т. п. обыкновенно кончались дракою. Непосредственная грубость околичнаго населенія еще усугублялась вліяніемъ шляхетской задорности и жолнерской страсти къ буйству. Болѣе воинственные шляхтичи, особенно подъ пьяную руку—żytnim liquorem głowe zagrzawszy, „находили“ на дома своихъ непріятелей, cum vario armorum genere, какъ описываетъ одинъ актъ: z kijami, drągami, istykami y od wozów łuszniami [1]), и учиняли настоящія баталіи. Потасовки часто были очень жестокія и кончались иногда даже смертью одного изъ участниковъ, тѣмъ болѣе, что въ дѣло обыкновенно пускались шляхетскія сабли. Нерѣдко встрѣчаются драки и между членами семействъ, особенно при вторыхъ и третьихъ бракахъ—которые были вообще весьма распространены. Любопытнымъ образчикомъ такихъ семейныхъ нравовъ является жалоба одной пани на своего третьяго мужа—Васильковскаго, что тотъ подпалъ вліянію шляхтича Родванскаго, который ему даетъ ad omne nefas wszelką poradę, между прочимъ внушаетъ,

[1]) Кн. № 5694, л. 72.

что Васильковскій долженъ bić żone swoie y w karności trzymać, говоря, что самое вѣрное средство побудить жену къ почтенію—это переломать ей руки и ноги: ręce, nogi iey obuchem poprzetrącaj, to dopiero poznasz jak cię ma żona szanować. П. Васильковскій, какъ видно, вполнѣ раздѣлялъ такія воззрѣнія своего друга, но осуществить ихъ на практикѣ было затруднительно, такъ какъ его супруга имѣла свои собственныя воззрѣнія на этотъ предметъ и вмѣстѣ съ дочерью и зятемъ очень стойко оберегала свой престижъ, какъ о томъ весьма жалобно повѣствуетъ манифестація п. Васильковскаго [1]).

Близко стояла къ крестьянской массѣ въ большинствѣ наша шляхта и въ экономическомъ отношеніи. Шляхтичи, исключая немногихъ болѣе богатыхъ, ничѣмъ не отличались отъ зажиточныхъ крестьянъ и, отстегнувъ свои шляхетскія сабли, очень непринужденно и съ успѣхомъ косили, орали и отправляли другія полевыя работы. Далеко не всѣ шляхтичи имѣли подданныхъ: часто нѣсколько семействъ, какъ выражается одинъ современный мешуаристъ, „на одномъ хлопѣ сидѣли“, (да и отношенія этихъ подданныхъ къ шляхтѣ должны были значительно отличаться отъ отношеній крѣпостнаго человѣка къ настоящему помѣщику—пану). По даннымъ переписи 1739 г., *въ Радзеевской околицѣ на 48 шляхетскихъ хозяйствъ приходилось 102 подданныхъ*, но это была одна изъ болѣе обильныхъ подданствомъ околицъ, а, напримѣръ, въ Волковинской околицѣ *на 110 шляхетскихъ хозяйствъ* приходилось всего 31 подданный, причемъ, напримѣръ, въ куткѣ *Тыховичей* на 20 шляхетскихъ хозяйствъ приходился всего 1 подданный, а въ куткѣ *Сулаковичей* на 17 шляхетскихъ хозяйствъ не было ни одного подданнаго. Наконецъ, въ дополненіе къ этому, я напомню сказанное уже мною выше, что околичный шляхтичъ, подобно старостинскому подданному, несъ на себѣ тягло, будучи обязанъ „лениками и услугами“ на замокъ, и подчиненъ былъ строгой опекѣ замковой „зверхности“.

Послѣ всего вышесказаннаго, я думаю, не покажется голословнымъ мое утвержденіе, что околичный шляхтичъ гораздо

[1]) Кн. № 5689, л. 51, 53 об., 54.

ближе стоялъ къ туземной крестьянской массѣ, чѣмъ къ настоящимъ польскимъ дворянамъ, преисполненнымъ сознанія своихъ суверенныхъ правъ и привилегій и своего неизмѣримаго превосходства надъ „хлопствомъ", какого мы обыкновенно представляемъ себѣ говоря о польской шляхтѣ. Естественно, что мы не находимъ у нашей околичной шляхты рѣзкаго отчужденія отъ крестьянства, напротивъ—мы видимъ подчасъ ихъ въ весьма тѣсномъ и непринужденномъ общеніи. Я упоминалъ уже выше, что смѣшанные браки между шляхтою и крестьянами и крестьянками далеко не составляли рѣдкости, что шляхтичи принимали крестьянъ „въ пріймы". Шляхтичи охотно кумаются съ крестьянами; я пересмотрѣлъ метрическія записи о рожденіи Поповецкаго успенскаго прихода и поинтересовался подвести статистическіе итоги—результатъ получился весьма интересный: откинувши нѣкоторые сомнительные случаи и принявъ въ расчетъ неточности, происходящія отъ того, что мы не всегда досконально знаемъ сословную принадлежность того или другого лица, приблизительно получимъ на 100 случаевъ крестьянскихъ крестьбинъ (всего мною было пресмотрѣно ихъ до 750) около 50 такихъ случаевъ, когда всѣ кумы были крестьяне, и около 40 когда одинъ или оба воспріемника были шляхтичи. Встрѣчаются, хотя рѣже, случаи (всего около десятка), когда и у шляхтичей были воспріемниками селяне[1]). Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ документахъ не рѣдко указанія на то, что шляхтичи участвовали въ „весилляхъ" крестьянъ, въ качествѣ гостей, сватовъ и т. п. Выше я приводилъ извѣстіе одного документа, что шляхтянки ходили „на музыку" подъ корчму. Одна шляхтянка, нѣкая пани Претвусова, занося жалобу въ судѣ, разсказываетъ, какъ она съ другой паніей—Холевинской (обѣ пани не принадлежали къ числу туземной шляхты) пріѣхали въ Лопатинцы и, зайдя къ пану *Рештѣ Лопатинскому*, застали у него шляхтичей, и между ними находился працовитый Томашко зъ Биликовецъ, *który w czarce za brat z niemi siedział*. П. Холевинская была очень удивлена этимъ и спросила у п. Претвусовой,

[1]) Кн. № 5534 с. 2, 42, 64, 110, 129, 148, 165, 169—170, 180.

co by to był za człek w kożuchu, co za pan brat w czapce z szlachtą wraz siedzi, на что послѣдняя объяснила, że to iest chłop. По этому случаю вышло какое-то неудовольствіе; п. Претусова объясняетъ, что одинъ изъ присутствовавшихъ, п. Возненко Лопатинскій, ошибкою принялъ слово хлопъ на свой счетъ; какъ бы то ни было, въ результатѣ упомянутая пани оказалась *ciężko zbita, tylko co z tym światem nie pożegnała* [1]). Подобныхъ случаевъ, „панибратства шляхтичей съ крестьянами можно было бы привесть не мало; какъ упоминалъ я выше шляхетскія понятія не проникали глубоко въ околичную среду и мало прилагались въ житейскомъ обиходѣ. Въ свою очередь и крестьяне не чувствовали особенно глубокаго почтенія къ шляхетскому достоинству и при случаѣ „мацали и окладали", по выраженіямъ актовъ, шляхтичей кулаками или кіями по ребрамъ такъ же исправно, какъ и людей prostej kondycyi.

Стоя такъ близко къ народной массѣ, околичная шляхта, естественно, не могла оставаться вполнѣ равнодушною ко всему тому, что двигало этимъ народомъ въ бурные годы Южной Руси. Дѣйствительно, мы находимъ указанія и намеки, что околичная шляхта принимала участіе и въ козацкомъ движеніи, и въ гайдамацкихъ наѣздахъ. Но объ этомъ я предоставляю себѣ право поговорить въ другой разъ, а пока, подводя итогъ всему вышесказанному, мнѣ кажется я буду въ правѣ признать нашу околичную шляхту въ этнографическомъ смыслѣ южно-русскую.

М. Грушевскій.

[1]) Кн. № 5694, л. 28 об.

КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО.

Картины прошедшаго, пережитаго одна за одной возстаютъ въ моей памяти какими-то безсвязными очертаніями. Отчетливы онѣ каждая сама по себѣ; такъ и остались онѣ въ памяти, запечатлѣнныя въ свѣжемъ, воспріимчивомъ мозгу, но все промежуточное, все, что могло бы эти отдѣльные эпизоды спаивать въ одно цѣлое, затерлось настолько, что съ трудомъ, и то путемъ уже чисто объективнаго разсмотрѣнія, едва можетъ быть возстановлено.

Хочется мнѣ записать нѣсколько изъ такихъ картинокъ моей отроческой поры жизни, закрѣпить ихъ на бумагѣ изъ опасенія, что и это немногое можетъ исчезнуть изъ памяти.

Живо рисуется мнѣ садъ въ усадьбѣ, въ которой жилъ мой дядя въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, занимая должность дворцоваго (pałacowego) врача при графахъ Браницкихъ, тогда еще жившихъ совмѣстно.

Въ задней западной части этого сада во всю его длину, начиная отъ двора учителя рисованія и иконописца Осмоловскаго, тянулся старый крѣпостной ровъ (fossa), на выровненномъ днѣ коего были гряды капусты. Старая-престарая, въ три ствола, груша, свѣшивающаяся надо-рвомъ, террасы малинника на одномъ склонѣ рва, бурьяны и всякая поросль—на другомъ до пограничнаго плетня; кусты бузины и густая поросль лиціума въ концѣ, противоположномъ двору Осмоловскаго, а тамъ какая то запущенная усадьба и на ней врытая въ контръэскарпъ рва заднею стѣною маленькая хатка съ двумя окошеч-

ками надъ желтою „прызьбою“ и низенькою дверью; какая то безформенная соломенная сѣрая, поросшая мхомъ крыша этой хаты....

Меня всегда почему-то очень интересовало то, что никого никогда не видно было около хатки. Вѣроятно, было что нибудь слышано мною про обитателя этой хатки, что возбуждало мое любопытство, но теперь я этого не припомню.

Мнѣ было 14—15 лѣтъ; я былъ въ 5 классѣ гимназіи. Таскаясь по бурьянамъ сада, я однажды сквозь чащу зарослей бурьяну и крапивы залѣзъ подъ большой кустъ бузины, развѣсисто росшей какъ разъ на границѣ нашего сада, нѣсколько саженей пониже хатки. Подъ бузиной было уютно; пахло ея цвѣтомъ, и было сравнительно мало сорной заросли. Почему-то мнѣ пришла охота устроить себѣ въ этомъ мѣстѣ бесѣдку, что я и сдѣлалъ вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ. Разъ какъ то, когда мы сидѣли въ этомъ своемъ убѣжищѣ, разразилась буря и прошелъ ливень. Внезапно по рву повалила вода, и мы еле могли выскочить оттуда, причемъ пришлось выбиваться уже по колѣни въ водѣ, затопившей моментально всю канаву. Братъ, почему то разувшійся передъ тѣмъ, успѣлъ схватить одинъ только сапогъ, а другой такъ и остался тамъ. Буря какъ внезапно налетѣла, такъ быстро и пронеслась; туча двинулась далѣе, и небо прочистилось. Но вода, грязная, желтоватая съ иломъ, бурнымъ потокомъ все таки неслась по рву, поднявшись почти до малинника. Когда мы вышли изъ своего убѣжища, которымъ намъ послужила раскинутая въ саду палатка, то увидѣли сбѣжавшуюся прислугу дяди, озабоченную тѣмъ, что вся капуста на днѣ рва пропала. Кухарка, прачка, кучера и „вартовый“ [1]) съ лакеемъ Михайломъ и ключницею во главѣ—всѣ ахали и, разумѣется, ничего не могли подѣлать. Наконецъ, всѣ замѣтили, что быстрота теченія стала уменьшаться, но вода не спадала, а прибывала, сейчасъ же усмотрѣли и причину этого: нашъ кустъ бузины, весь исковерканный, послужилъ основой

[1]) Экономія присылала къ дядѣ во дворъ поденщика, который, почему то назывался „вартовымъ“, т. е. сторожемъ.

цѣлой „загаты“, образовавшейся изъ всякаго рода сора и ила. Мущины кинулись за какими-то орудіями и стали пробивать эту загату.

Кучеръ Грыцько, помню, вдругъ сказалъ:

— Ага! и „Бувалець“ дома; мабуть туча загнала.

Я осмотрѣлся, къ кому относилось это замѣчаніе, и около хатки увидалъ какую то дѣвочку подростка, развѣшивавшую, очевидно, для просушки, намокшія подъ только что прошедшимъ дождемъ свитки. Она стояла къ намъ задомъ,—лица ея мы не видѣли; а затѣмъ вниманіе мое все поглотилось дѣломъ раскопки гати, которую наконецъ таки удалось пробить и развернуть въ одномъ мѣстѣ кольями и тѣмъ дать возможность стечь водѣ. О сапогѣ брата, про потерю котораго мы сказали лакею Михайлѣ, теперь не могло быть и рѣчи, и братъ, по совѣту того же Михайла, заблаговременно убрался въ свою комнату, такъ какъ сюда уже подходила тетка, дядина жена, со своею кузиною, панною Анетою, и могъ явиться и дядя, который отдыхалъ послѣ обѣда.

Забота о сапогѣ вызвала меня передъ вечеромъ опять къ тому же мѣсту въ садъ, такъ какъ брату не въ чемъ было на другой день идти въ гимназію. Я пошелъ туда вмѣстѣ съ Грыцькомъ, посвященнымъ въ наше горе и вооруженнымъ на сей разъ заступомъ. Онъ принялся ковырять между вѣтвями совершенно исковерканной наносомъ ила и бурьяна бузинѣ. Работа была не легкая, такъ какъ наносъ всякаго сора вплотную былъ залитъ еще не успѣвшимъ отвердѣть иломъ. Я, босой, въ подсученныхъ штанишкахъ, помогалъ, насколько силъ хватало, Грыцьку, но изъ этого ничего не выходило. Вдругъ надъ нами послышался чей то голосъ:

— Чого се вы шукаете?

Вопросъ принадлежалъ „дивчынѣ изъ хатки“. Она стояла довольно близко отъ насъ, очевидно, уже давно присматривалась къ нашей работѣ и, вѣроятно, изъ нашихъ разговоровъ поняла, что мы чего то ищемъ.

Мы ничего не отвѣчали, но Грыцько выпрямился, оперся на заступъ и спросилъ:

— Дидъ ще жывый?

— Жыви, та нездужають. Ледве-ледве дойшлы,—а тутъ ще й дощъ такый.... теперь лежать недужи.

Когда я посмотрѣлъ опять по направленію къ „хаткѣ", то дивчыны уже не было около насъ.

Всѣ наши усилія оказались тщетными; мы только напрасно пообламывали верхнія вѣтви бузины.

Порѣшено было еще завтра поискать, и мы стали подыматься къ бесѣдкѣ. Я шелъ босой, такъ какъ сапогъ нельзя было надѣть на загрязненныя ноги, не обмывши ихъ. Поднявшись изо рва, мы оба оглянулись и увидѣли дивчыну опять около хатки; она въ одной рукѣ несла кувшинъ съ примотанной къ нему дужкой—очевидно онъ замѣнялъ ей бедро,—а въ другой—за одно ушко сапогъ. Не успѣлъ я еще всмотрѣться, какъ уже Грыцько сказалъ:

— Оце чи не винъ саме, той чобитъ!

— Наче винъ, отвѣтилъ я.

Дивчына тоже остановилась уже около самыхъ дверей.

— Ото жъ саме те, чого мы шукалы — отнесся къ ней Грыцько,—де ты ёго знайшла?

— Побиля самои цямрыны. Дывлюся—онъ чобитокъ, я й взяла. Хиба й справди вы оце ёго шукалы?

— Але жъ не ёго! звисно ёго, колы кажу, що це нашого меньшого паныча. Кыдай! Докынешъ?

Дивчына поставила кувшинъ на прызьбѣ, осмотрѣла сапогъ и, отойдя немного отъ хаты, за ушко размахнула и перебросила прямо къ намъ. Сапогъ былъ брата. Его очевидно подхватило водой и снесло до самаго колодца, что былъ пониже нашего сада.

Я такъ обрадовался найденному сапогу, что даже не сказалъ спасибо дивчынѣ, а побѣжалъ поскорѣе во флигель.

Скоро какъ то начались экзамены, и я на нѣкоторое время забылъ и про хатку, и про ея обитателей.

Долго ли это продолжалось, не помню, но разъ какъ то вышедши изъ бесѣдки, гдѣ я училъ что то, я услышалъ кашель въ сторонѣ хатки и, повернувшись въ сторону ея, увидѣлъ на

прызьбѣ стараго-престараго дѣда. Онъ былъ въ чистой, бѣлой рубашкѣ и такихъ же штанахъ, весь обросшій совершенно бѣлыми съ желтизной уже волосами и бородою. Онъ какъ бы сливался въ бѣлизнѣ съ бѣлою глиною стѣны, и только лицо выдавалось небольшимъ темнокоричневымъ пятномъ.

— Вотъ онъ, этотъ дидъ, про котораго разспрашивалъ дивчыну Грыцько—подумалъ я.

Щурилъ ли онъ только глаза при свѣтѣ солнца, или былъ совершенно слѣпъ, мнѣ не видно было, да и глазъ его затѣненныхъ низко спадающими волосами, я не могъ разсмотрѣть; дѣдъ же очевидно не обращалъ на меня вниманія.

Не помню, въ тотъ ли день, или въ какой другой, въ палатку, гдѣ я что то училъ, пришелъ лакей Михайло прибирать: онъ раскрылъ ломберный столъ и сталъ его чистить принесенною щеткою. Надо замѣтить, что этотъ Михайло, родомъ херсонецъ, былъ крѣпостнымъ человѣкомъ товарища моего дяди. Баринъ его пріѣхалъ къ дядѣ погостить, когда еще дядя не былъ женатъ; проживши у него мѣсяца 3, онъ умеръ. Передъ смертью онъ далъ вольную Михайлѣ и передалъ ему все бывшее съ нимъ имущество—часы, деньги, платье и книги.

Михайло пожелалъ остаться на службѣ у дяди по найму. Это былъ не слуга, а другъ дома въ полномъ смыслѣ слова. Выросши при свемъ баринѣ во время его студенчества, Михайло былъ начитанный и очень развитой человѣкъ. У меня по сію пору сохранились лекціи профес. Лунина, переписанныя Михайломъ по приказанію его барина-студента. Когда Михайло умеръ, то у насъ въ домѣ всѣ, начиная съ дяди и кончая прислугой, горько плакали. Говорилъ же Михайло чисто по-русски.

— Видали бувальца? Посмотрите—стоитъ. Ему ужъ чуть не 120 лѣтъ. Что то дома сидитъ, а то онъ все ходитъ за милостыней со своею правнучкою....

Я, выглянувши изъ палатки, увидѣлъ опять на той же прызьбѣ у хатки дѣда. Онъ все такъ же сидѣлъ неподвижно, все такой же бѣлый. Меня, помню, особенно заинтересовало то, что „дивчына“ была правнучка: я до той поры въ натурѣ, такъ сказать, не видѣлъ этой степени родства.

— Какъ это съ правнучкой?! спросилъ я—А внуки его гдѣже?

— Вотъ то-то и интересно, что при немъ правнучка есть. Это его дочери внука. Вотъ знаете Евстафія, что нигдѣ не уживается? лакей, что у Добржанскаго служилъ, послѣ у учителей гимназіи?

— Знаю.

— Ну, такъ это тоже его правнукъ, братъ той дѣвочки, которая его водитъ; вѣдь онъ уже не видитъ ничего.

— Слѣпой?

— Нѣтъ! Онъ не слѣпой, а такъ ужъ отъ старости. Дѣвочка вотъ его только и поддерживаетъ, Евстафій вѣдь, знаете, какой пьяница! А, говорятъ, они вѣдь изъ шляхты, стариннаго рода, что чуть не постарше „граповъ“ по знатности. Вотъ не припомню, какъ ихъ по фамиліи....

— Бувалецъ, вы сказали....

— Нѣтъ! Это старика такъ дразнятъ „бувалецъ“, потому, что бывалъ, „у бувальщинѣ“, у него и рука отрѣзана катомъ, вы замѣтили?

— Какъ это бывалъ „у бувальщинѣ“?—какъ это катъ руку ему отрѣзалъ?....

— А такъ! Будете учиться, сами узнаете. Было, значитъ, за что.—Онъ ходилъ въ гайдамаки.

Отъ дома послышался голосъ горничной:

— Михайло! Михайло. Идить васъ клычуть!

Михайло ушелъ, а я такъ и остался у входа въ палатку, смотрящимъ на дѣда-бувальца съ цѣлымъ роемъ неразрѣшенныхъ вопросовъ въ душѣ....

— Бывалъ „у бувальщинѣ“, „катъ руку отрѣзалъ“, „ходилъ въ гайдамаки“, „Евстафій знатнаго роду, чуть не постарше „графовъ“ (Браницкихъ)—„хатка“, „правнучка“—все это стояло передо мною неразрѣшимыми загадками.

Кончились экзамены, и я отправился проводить каникулы на далекое Побужье; въ Савраньщину, въ балтскій уѣздъ.

Тамъ мнѣ пришлось отчасти и прозрѣть въ тотъ загадочный еще тогда для меня міръ историческихъ преданій Украи-

ны,—благодаря тоже одной случайности. Дѣдъ мой, куда я ѣздилъ на каникулы, былъ довольно крупнымъ посессоромъ (арендаторомъ) оброчныхъ земель (sic) находившагося въ администраціи имѣнія Мечислава Потоцкаго и былъ хорошимъ сельскимъ хозяиномъ. (Интересно, что изъ пяти сыновей этого чистой воды посессора и гречкосѣя, моего дѣда, четверо были въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: два—старшій дядя и мой отецъ—сначала были въ Харьковскомъ университетѣ, а послѣ въ Виленской академіи, одинъ дядя окончилъ Дерптскій университетъ, откуда вышелъ полнѣйшимъ нѣмцемъ, и одинъ—Одесскій лицей. Изъ двухъ моихъ тетокъ одна окончила какой-то пансіонъ въ Одессѣ. Старшій дядя Андрей и мой отецъ учились еще въ Уманской Базиліанской коллегіи).

Дѣдъ мой, говорю, былъ гречкосѣй—сельскій хозяинъ и, насколько помню, на ученіе смотрѣлъ, какъ на карьерную „промоцію“, но суть жизни видѣлъ только въ пахарствѣ и въ сельскомъ хозяйствѣ. Весь онъ былъ всегда углубленъ въ посѣвы, скотоводство и иныя отрасли сельско-хозяйственной продукціи и въ своемъ дѣлѣ былъ артистъ—всезнающій, неутомимый, предпріимчивый хозяинъ. Это былъ своего рода типъ, достойный особаго описанія. Не скоро бы мнѣ пришлось кончить, начавъ описывать моего дѣда, а потому я и спѣшу прервать эту краткую о немъ замѣтку упоминаніемъ того обстоятельства, что при всей его энергіи, онъ былъ, что называется, подъ башмакомъ у нашей маленькой, старой, безпредѣльно доброй и любящей бабки, оказывавшей ему наружную покорность и должное уваженіе, но въ сущности всегда умѣвшей поставить на своемъ. Не новый, а даже очень старый, чуть не ко времени первой прародительской четы восходящій примѣръ устойчивости женской политики въ семьѣ.

Въ густомъ вишневомъ садикѣ около дома дѣда стояла пасѣка. Пасѣчникъ, старый грекъ,—(отъ грека-ли, или переиначенное слово Грыцько, Грыкъ—не знаю), разсказалъ бабушкѣ, что около одного изъ ульевъ ночью „горятъ гроши“. На слѣдующую ночь фактъ этотъ былъ провѣренъ самою бабушкою, купно съ однимъ изъ ея сыновей. Сейчасъ же тотъ уликъ пе-

реставленъ былъ на другое мѣсто и на другой день приступлено къ разслѣдованію мѣста ночнаго горѣнія грошей. Какъ я очутился въ этой конспираціонной компаніи, не припомню. Говорю конспираціонной—потому, что все это дѣлалось тайкомъ отъ дѣдушки и всей дворни, которой лѣтомъ мало и было во дворѣ. Такъ или иначе, но я отчетливо помню, какъ дядя съ „дѣдомъ грекомъ“ въ намѣченномъ мѣстѣ сверлили землю длиннымъ *штыремъ*[1]). Вотъ наконецъ ввернутый въ землю штырь сразу безпрепятственно подался въ глубь—рѣшено въ томъ мѣстѣ копать. На глубинѣ менѣе полуаршина показалось трухлявое дерево, а далѣе и какое-то отверстіе, куда сыпалась земля, выгребаемая мною и дядей. Всѣ мы увлеклись настолько работой, что не замѣтили, какъ къ намъ подошелъ дѣдушка, вернувшійся съ поля и разыскавшій насъ при этомъ дѣлѣ. Онъ сейчасъ же разругалъ всѣхъ поголовно, причемъ памятны мнѣ его наставленія, смыслъ коихъ заключался въ томъ, что „шкарбъ треба шукаты у праци, а не такъ дурныцею добувать его“.

Все таки, не смотря на разносъ дѣдушки, бабушка добилась своего: раскопали какой-то старый омшаникъ и допытались у кого-то, что тамъ дѣйствительно когда-то, „еще за давнихъ панивъ бувъ льохъ“.

На этомъ и окончились розыски „шкарба“, но во время толкованій объ этой раскопкѣ я опять услыхалъ какія то упоминанія о „гайдамакахъ“, бѣжавшихъ изъ подъ Умани, а также узналъ причину, почему дѣдъ мой такъ нетолерантно относился къ копанію „шкарба“. Оказалось, что когда то, лѣтъ 20 тому назадъ—(примѣрно около 1835 года)—пріѣзжали къ дѣду какіе-то три человѣка, „ажъ зъ-за Дунаю“ и совмѣстно съ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней разыскивали по извѣстнымъ имъ только примѣтамъ какой-то кладъ. Наскучивъ этимъ дѣломъ, дѣдъ однажды утромъ не поѣхалъ съ ними на розыски; а гости между тѣмъ вечеромъ больше не явились, и затѣмъ уже кто-то изъ чабановъ нашелъ „дви кобылячи шкуры роз-

[1]) *Штырь*—длинный буравъ, употребляемый въ западномъ краѣ при розыскахъ каменныхъ залежей, кирпичныхъ жилъ, а также кладовъ.

шыти“ около раскопанной ямы. Шкуры эти носили отпечатки содержавшихся въ нихъ денегъ. Съ того времени дѣдъ всегда раздражался, какъ только разсказывали при немъ о кладахъ: ему эти разговоры напоминали случай съ его задунайскими гостями, которые, помимо всего прочаго, выпили за время ихъ гостеванія чуть не бочку наливки.

Тогда ли именно я услыхалъ этотъ разсказъ и въ такомъ-ли полномъ варіантѣ, или онъ сформировался у меня по позднѣйшимъ разсказамъ—незнаю, но помню, что тогда же частію отъ бабушки, частію отъ „стараго Грека“ мнѣ пришлось впервые кой что узнать о гайдамакахъ, кромѣ ругательнаго значенія этого слова. Узналъ я, что гайдамаки были какіе-то разбойники, воевавшіе съ поляками, что они разорили Умань, мнѣ хорошо знакомый городъ, въ которомъ я живалъ въ дѣтствѣ, что они частію переловлены, а частію бѣжали куда-то „ажъ пидъ Турка“.

Всѣ эти свѣдѣнія о гайдамакахъ, полученныя мною изъ такихъ противоположныхъ источниковъ, какими были въ данномъ случаѣ моя бабушка, потомокъ испытавшихъ мученія. отъ нихъ, и „старый грекъ“, если не прямой потомокъ самихъ ихъ, то во всякомъ случаѣ *носитель* въ душѣ гайдамацкихъ вѣрованій,—всѣ эти свѣдѣнія—говорю—въ моемъ воображеніи создали какой то странный образъ гайдамаки: онъ былъ для меня и страшенъ, и очень любопытенъ, причемъ отчетливо опредѣлилась національная его окраска, именно—украинская. Я искалъ моимъ пылкимъ воображеніемъ этого образа вездѣ, куда только простиралась моя память и моя фантазія. Припоминался мнѣ тогда и старый „бувалець“, обитатель „хатки“; видѣлъ я этотъ типъ и въ образѣ заѣхавшаго какъ-то къ намъ сосѣдняго богатаго „выкупца“ [1]) Мосципаненка, и въ фигурѣ чередника „Бацьолы“, и въ невѣдомыхъ, но оповѣщенныхъ конокрадахъ, которые на Хощеватской нашей степи покушались угнать лошадей изъ табуна, и наконецъ, въ видѣнныхъ не задолго передъ тѣмъ мною закованныхъ въ кандалы участниковъ

[1]) Выкупцами звали крестьянъ, выкупившихся на волю.

крестьянскихъ бунтовъ 1855 г. на Украинѣ... Мнѣ хотѣлось видѣть этотъ страшный и интересующій меня образъ гайдамаки, и я его высматривалъ всюду, гдѣ только можно было его предположить.

Но вотъ и конецъ іюля. Отошли вишни, настали кавуны и дыни. „Черногузы“ (аисты) уже совсѣмъ оперились и все выше и выше взлетаютъ концентрическими кругами въ высь неба; вотъ и „Маковій“, и ломка меду на свезенной въ гречку пасикѣ... конецъ каникулъ. Братъ по малоуспѣшности остается въ селѣ, а меня собираются выряжать въ Бѣлую Церковь. Вотъ появился и придворный „кравецъ“ Мошко. Дѣдушка досталъ изъ огромнаго, съ горбатою крышкою сундука какія-то давняго покроя одежды для передѣлки на меня; что-то кроютъ они и вымѣряютъ вдвоемъ съ Мошкой, снимаютъ мѣрку съ меня; появились и мои пропавшіе въ началѣ каникулъ сапоги, оказавшіеся въ спрятѣ у дѣдушки, такъ-какъ я все лѣто гулялъ босикомъ. Въ довершеніе всего я узнаю, что меня отправляютъ въ Бѣлую Церковь *на волахъ*, которыхъ уже въ теченіе недѣли по вечерамъ обучали ходить въ ярмѣ. Вышло это такъ: мой бѣлоцерковскій дядя просилъ дѣдушку купить для него еще на Троицкой балтской ярмаркѣ пару воловъ венгерской породы, извѣстнаго завода Подгорскаго. Волы были куплены, и вотъ дѣдъ измыслилъ способъ доставить ихъ по принадлежности. Пора рабочая, посылать лошадей и особаго человѣка въ такую пору не съ руки, а потому снаряжается возъ съ запряженною въ него парою воловъ и съ подросткомъ Прокопомъ. А чтобы Прокопу было на чемъ возвратиться назадъ, привязывается къ возу старый слѣпой конь. На возъ нагромождаются: кадушка брындзы, кадушка сыру и „фаска“ масла, а кромѣ того „чувалъ“ кукурузяной крупы, и тогда уже—мой чемоданчикъ и моя особа.

Помню я хорошо это путешествіе, весь тотъ путь, по которому мнѣ не разъ до того и послѣ того приходилось ѣздить, всѣ эпизоды до мельчайшихъ подробностей. Это вѣдь было крупное событіе въ моемъ отрочествѣ: оно привело меня къ сознанію моей силы духа, оно сдѣлало меня какъ-бы старѣе.

Да не посѣтуютъ на меня мои снисходительные читатели за то, что я позволю себѣ здѣсь разсказать это путешествіе. Это вѣдь страничка изъ исторіи развитія юношества той эпохи, развитія, сказавшагося въ нашихъ послѣ уже окрѣпшихъ симпатіяхъ и вѣрованіяхъ. Путемъ этихъ именно сплетеній обстоятельствъ мы дошли до нашихъ болѣе близкихъ отношеній къ народу.

Утромъ, послѣ обычныхъ прощаній, суровыхъ со стороны дѣда, и очень нѣжныхъ со стороны бабушки, при наставленіяхъ и отчасти подшучиваніяхъ дворни, тронулись мы въ путь.

Волы сначала метались изъ стороны въ сторону, но скоро, что называется, обошлись. Тѣмъ не менѣе ихъ метаніе, остановки, порывистый послѣ того ходъ причиняли намъ не мало хлопотъ въ томъ отношеніи, что нашъ слѣпой буцефалъ, привязанный сзади, неумѣвшій въ аллюрѣ сладить съ волами, постоянно то билъ лбомъ о возъ, то рвалъ поводъ: волы тронутъ—конь, потянутый поводомъ, пойдетъ и, разумѣется, шибче воловъ; ударится по своей слѣпотѣ о *„крыживныцю“* [1]), станетъ и упрется,—тогда поводъ лопнетъ. И такъ безъ конца, пока мы не устроились нѣсколько иначе: я взялъ поводъ въ руки и, сидя на возу, какою-то хворостиною останавливалъ слѣпого коня, когда было нужно, и такимъ образомъ не допускалъ наталкиваться на возъ.

Передъ вечеромъ мы доѣхали до Рыжавки, большого попутнаго села, и остановились около корчмы кормить. Скоро стали подходить къ корчмѣ возвращавшіеся съ поля косари. Всѣ они осматривали и расхваливали нашихъ воловъ. Въ самомъ дѣлѣ, было чѣмъ полюбоваться! Эти венгерскіе волы были крупныя животныя, прекрасной сѣрой масти, съ темными полосами вдоль по спинѣ, по переднимъ лопаткамъ и на шеяхъ. Но что особенно хорошо было у нихъ, такъ это рога: громадные, чистые притомъ почти безъ заломовъ, прямые. Косари, знатоки этого дѣла, восхищались волами, громко высказывали свои похвалы,

---

[1]) Задняя часть возовыхъ полудрабковъ.

зазывали проходящихъ мимо корчмы знакомыхъ посмотрѣть „хорошу товаряку“, разспрашивали насъ, откуда мы и куда путь держимъ, удивлялись, что *„такымъ хлопцямъ вручылы таке добро“*... Между прочимъ кто-то изъ окружавшихъ насъ сказалъ: *„Нема Максыма, а тобъ винъ ихъ прыбравъ!“*

Меня эти слова просто напугали. По всему вѣроятію это упоминаніе относилось къ какому нибудь извѣстному вору (помоему гайдамакѣ), тѣмъ болѣе, что присутствующіе возгласами—„о! той бы скоро справывся!“ окончательно привели меня къ мысли, что этотъ невѣдомый Максымъ успѣетъ „прыбрать“ воловъ.

Конечно, лучше всего было-бы остаться ночевать въ корчмѣ, но это соображеніе пришло мнѣ въ голову впослѣдствіи, а въ тотъ моментъ, подъ вліяніемъ страха, навѣяннаго упоминаніемъ объ этомъ зловредномъ Максимѣ, я велѣлъ запрягать, и мы сумерками тронулись изъ села.

Непривычные къ ѣздѣ волы были изморены, но я понуждалъ Прокопа погонять ихъ, стараясь, какъ можно скорѣе, удалиться отъ мѣста, гдѣ можетъ явиться страшный „Максымъ“.

Наступила ночь. Молодой мѣсяцъ низко стоялъ еще на небѣ, но уже было поздно, когда мы остановились ночевать прямо въ полѣ. Пока еще *молодыкъ* не зашелъ, мы попасли воловъ и нашего слѣпого спутника, но когда стало совсѣмъ темно, мы предприняли мѣры предосторожности: привязали воловъ къ ярму, а слѣпого къ возу.

Порѣшено было, что Прокопъ будетъ спать, а я, вооруженный дубиной, буду стеречь нашъ лагерь. Прокопъ, какъ и слѣдовало ожидать, сейчасъ же заснулъ, а для меня началось мучительное время бдѣнія.

Я ходилъ кругомъ воза. Было темно—хоть глазъ выколи. Изъ ближняго лѣса время отъ времени доносились рѣзкія хохотанья совъ, но около насъ все было тихо, только слышно было сопѣнье воловъ и мѣрное пережевыванье сѣна слѣпымъ. Хотѣлось мнѣ совсѣмъ притаиться, сдѣлаться невидимкой, чтобы никто не могъ не только видѣть насъ, но и случайно даже на насъ натолкнуться. Глаза напряженно всматривались

въ окружающую темноту, ухо улавливало малѣйшій звукъ; нервы напряжены были до-нельзя. Простое фырканье коня заставляло вздрагивать. Долго-ли, мало-ли тянулась моя очередь сторожить, я не знаю, но тогда мнѣ казалось, что я безконечно долго хожу на часахъ. Легкій вѣтерокъ сталъ разгонять облака, и кое-гдѣ на очищенныхъ клочкахъ неба показались звѣзды. Далѣе терпѣть это одинокое бодрствованіе мнѣ становилось не подъ силу, и я уже намѣревался будить Прокопа не изъ желанія заснуть, а просто чтобы еще и онъ пободрствовалъ немного.—И вотъ среди этой тишины ночной, въ тотъ самый моментъ, когда и совы перестали хохотать, въ сторонѣ лѣса послышался вой волка—унылый, протяжный, одинокій, тоску навѣвавшій; еще разъ завылъ онъ, и затѣмъ раздался цѣлый хоръ болѣе тонкихъ голосовъ.—Вой этотъ не испугалъ меня, такъ какъ онъ знакомъ мнѣ былъ раньше; напротивъ, этотъ вой отвлекъ меня отъ напряженнаго вниманія ко всѣмъ ловимымъ ухомъ до той поры звукамъ, а главное—послужилъ поводомъ разбудить Прокопа.

Разбуженный мною Прокопъ схватился и сталъ внимательно вслушиваться.

— Ой! тай багато жъ ихъ!—шепотомъ сказалъ онъ, вторя тономъ голоса моему шепоту, съ какимъ я будилъ его.

— Я зроду не чувъ, якъ воны грають—... добавилъ онъ и очевидно встревожился.

Но волчій концертъ тянулся не долго. Они смолкли, и опять вокругъ насъ водворилась прежняя, напрягающая нервы, ночная тишина.

Я схитрилъ, сказавъ Прокопу, что лягу спать. Лежа на возу, я не спалъ; но мнѣ легче было вдвоемъ бодрствовать, и я только притворился спящимъ. Одкако не суждено было мнѣ хоть на время успокоиться въ эту ночь: Прокопъ, и безъ того робкій отъ природы, а къ тому-же теперь тревожно настроенный впервые услышаннымъ имъ волчьимъ воемъ, также очевидно съ нервнымъ напряженіемъ всматривался въ темноту.

— Щось иде!—тревожно шепнулъ онъ мнѣ. Я, разумѣется, моментально схватился на ноги и сталъ всматриваться

по указанному направленію. И дѣйствительно, я увидѣлъ идущаго къ намъ человѣка.

— Поховаймося! — шепталъ мнѣ Прокопъ; но я далекъ былъ отъ мысли прятаться. Нѣтъ, я сознавалъ обязанность защищать порученное мнѣ добро и, вѣроятно, въ силу передуманнаго мною во время моей стражи, сейчасъ же создалъ планъ защиты.

— Иды на той бикъ воза, знимай люшню и стій тамъ! Якъ „воно" пійде на мене, ты бый ёго сзаду, якъ на тебе — я бытыму бучкомъ—распорядился я, и Прокопъ безпрекословно исполнилъ приказъ.

„*Воно*" въ видѣ неясной тѣни подвигалось къ намъ; все отчетливѣе можно было видѣть, что это идетъ человѣкъ и даже съ какою-то палкою на плечѣ.

Мы затаили дыханіе—даже, кажется, и пульсъ пересталъ биться у меня. „*Воно*" все приближалось. И вдругъ проклятый слѣпой конь фыркнулъ. Словно чѣмъ-то ударило меня по нервамъ,—я весь дрогнулъ; но и шедшій къ намъ тоже остановился.—Моментъ наступалъ рѣшительный. Я поплевалъ въ руку и крѣпче сжалъ рукой конецъ бучка, повернутаго головкой внизъ. „Воно" очевидно не ожидало встрѣчи и даже не желало ея, такъ-какъ сейчасъ-же свернуло съ дороги, пошло въ сторону и мало по малу скрылось въ темнотѣ.

Можетъ быть, это былъ какой нибудь случайный прохожій, можетъ быть, какъ догадывались послѣ тѣ, кому мы разсказывали про эту встрѣчу, это былъ какой нибудь уходившій въ „мандривку" панскій мужикъ,—во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ, не искавшій встрѣчи съ нами и не предполагавшій, что группа, на которую онъ наткнулся, состояла изъ нагруженной воловой подводы съ привязанною лошадью, подъ призоромъ двухъ подростковъ 15-ти и 17-ти лѣтъ.

Тѣмъ не менѣе настроенное воображеніе не переставало создавать образы какой-то угрожающей намъ опасности. Прокопу вполнѣ сообщилось мое тревожное состояніе, и мы порѣшили, что удалившійся человѣкъ непремѣнно подлѣзетъ къ намъ, подкрадется и нападетъ на насъ. Потому мы условились оба глядѣть въ разныя стороны и пристально всматриваться.

Было уже не рано; свернуло съ полночи: „*визъ*“ (большая медвѣдица) на прояснившемся небѣ *дышломъ* опрокинутъ былъ внизъ.

— Онде вогонь креше! шепнулъ Прокопъ.

Я выткнулся изъ-за воза и, подождавъ немного, дѣйствительно увидѣлъ въ недалекомъ отъ насъ разстояніи раза два мигнувшій блескъ какъ будто-бы отъ искръ.

Впрочемъ этотъ блескъ сейчасъ-же прекратился, и я, готовый уже опять немного успокоиться, только что усѣлся на прежнее мѣсто, какъ вдругъ затрещалъ возъ, волы повскакивали, конь рванулся на поводѣ, и Прокопъ заоралъ во всю глотку:

— Вовки! Гей, тю!

Я весь вздрогнулъ, пораженный этимъ трескомъ и крикомъ, повернулся къ Прокопу и такъ и застылъ въ этомъ положеніи.

— Быйте бучкомъ! Осьде!—еще крикнулъ Прокопъ, и съ люшней кинулся отъ воза на какія-то двѣ темныя тѣни.

Это были два волка, подошедшіе къ намъ очевидно на фырканье лошади. Я тоже устремился вслѣдъ за Прокопомъ, и что же? Этотъ крикъ, эта нервная встряска были какъ бы кризисомъ нашего тревожнаго настроенія: располагающая къ страху тишина была уже нарушена, и мы перестали шептаться, перестали даже и бояться; явилась какая-то увѣренность въ самихъ себѣ. Это волки блестѣли глазами, а никто не кресалъ огня—такъ порѣшили мы и успокоились.

Небо все больше и больше стало проясняться, а вскорѣ, какъ говорятъ, „и на свитъ благословылось“. Отчетливо стало видно дорогу; на сѣрѣющемъ горизонтѣ обозначился въ своихъ очертаніяхъ лѣсъ. Мы убрали недоѣденное волами сѣно, притянули люшню, Прокопъ съ обычнымъ при этомъ „шыйканьемъ“ [1]) запрегъ воловъ; привязали мы опять слѣпого и тронулись въ путь.

Я свалился на возъ и мертвецки заснулъ, такъ что проснулся уже верстахъ въ трехъ отъ Умани, припекаемый высоко

---

[1]) Понуканіе воловъ при надѣваніи на нихъ ярма; приговариваютъ въ это время: „*шый, шый!*“

уже поднявшимся солнцемъ. Здѣсь мы напоили нашихъ животныхъ и тронулись дальше, разсчитывая кормить ихъ и отдыхать въ Умани, или лучше сказать, за городомъ около Грекова лѣса, гдѣ можно было по окружающей его канавѣ попасти воловъ на свободѣ.

Долго-ли, коротко-ли мы кормили воловъ и кормились сами,—не помню, но когда тронулись въ дальнѣйшій путь на Войтовку, то присоединились къ цѣлому обозу ѣхавшихъ изъ города поселянъ [1]), возвращавшихся съ городскаго базара. Дорогою нѣкоторые, и даже большая часть изъ нихъ, отставали отъ насъ въ попутныхъ селахъ, Войтовкѣ, Краснополкѣ, а два воза доѣхали съ нами до самой Маньковки, куда мы старались попасть къ ночи.

Всѣ наши спутники—мущины были острижены по солдатски, нѣкоторые даже въ сѣрыхъ военнаго покроя фуражкахъ, такихъ, какія теперь носятъ арестанты, а нѣкоторые даже побриты. Только на одной подводѣ ѣхалъ старый дѣдъ съ длинною бѣлою бородою, и съ такими же бѣлыми неподстриженными волосами. Онъ самъ былъ Маньковскій, и когда мы разговорились, то оказалось, что онъ зналъ моихъ родителей, которые жили на хуторѣ Гуральнѣ около Маньковки.

Проѣзжая черезъ одно изъ попутныхъ селъ, старикъ высказывалъ соболѣзнованіе о томъ, что вонъ по яру „пустуютъ“ садки и огороды потому, что начальство согнало всѣхъ „въ линію—въ юлыцю“ что до поселенія „еще за Потоцького“ тутъ хорошо жилось, что самъ онъ еле запомнитъ, какъ ихъ изъ-за Тульчина переселяли въ эти мѣста; какъ они, переселенцы, пригнанные въ Умань, долго стояли таборомъ въ городѣ „побиля замку“, какъ самый городъ отстраивался послѣ гайдамаччины; какъ устраивался „Огрудъ Софіювка“ (садъ Софіевка). Разсказывалъ онъ, какіе ярмарки бывали прежде въ Умани и т. п...

Натолкнувшись въ разсказѣ на упоминаніе про гайдамаччину, я спросилъ дѣда про нее.—Онъ мнѣ не далъ, помнится, удовлетворительнаго отвѣта, а только сказалъ, что гайдамаки

---

[1]) Въ Умани были тогда военныя поселенія.

„були соби таки воякы, козакы, чи що“; замокъ зруйновали, а писля, якъ ихъ сполохалы, разбѣжались по лѣсамъ и ушли „ажъ въ Бессарабію“,

Къ концу этого нашего разговора съ дидомъ мы подъѣхали къ Маньковкѣ и распрощались, такъ какъ дѣду нужно было ѣхать прямо по улицѣ, а намъ поворачивать вправо за огороды.

Но каково жъ было мое удивленіе, когда, вообще несловоохотливый, Прокопъ вдругъ, какъ бы передумавъ сказанное дидомъ, брякнулъ:

— Воны й доси тамъ, на Бессарабіи! Исакъ и Бацѣлюкъ разсказывали, що бачылы ихъ и що хто оце зъ нашихъ натрапыться, то воны й заклыкають жыты до себе.... Тамъ десь ажъ за Дунай-ричку....“

Я весь превратился во вниманіе, но Прокопъ на этомъ и покончилъ, тѣмъ болѣе, что у насъ случилась поломка: війя (дышло воловаго воза) оказалось не цѣльное въ концѣ, а наддѣланное, прихваченное желѣзной оковкой. Пришлось бѣжать черезъ огороды къ какой то хатѣ и просить помощи. Пришелъ упрошенный мною человѣкъ съ топоромъ и кое какъ поправилъ нашу поломку, послѣ чего мы уже благополучно доѣхали до двора моей тетки, бывшей замужемъ за состоявшимъ въ какой-то должности по военнымъ поселеніямъ капитаномъ.

Б. Познанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

Храповицкій отмѣтилъ въ своихъ запискахъ 29 мая: „въ Старомъ Крыму Императрица спрашивала его о стихахъ, сочиненныхъ ею въ Бахчисараѣ, переписаны ли они и есть ли у него копіи? — „Есть черная", отвѣчалъ Храповицкій. — „Гдѣ она?" спросила Императрица.—„Дома", былъ отвѣтъ. Тѣмъ и кончилось.

„Сіе было поутру въ Старомъ Крымѣ", откуда пріѣхали обѣдать и ночевать въ Карасубазаръ". (См. дневн. Храповицкаго).

Въ этотъ же день Императрица писала къ графу Брюсу въ Петербургъ:

...„Я здорова, вчера обѣдала въ Ѳеодосіи, ночевала въ Старомъ Крымѣ, а сегодня сюда пріѣхала благополучно, послѣзавтра выѣдемъ за Перекопъ и уже до Кременчуга нигдѣ не остановлюсь... У насъ мѣсто и погода райская". (Прилож. къ К. Ф. Ж. 1787.)

Въ Карасубазарѣ во дворцѣ, въ присутствіи Императрицы, былъ большой обѣдъ на 47 персонъ; къ столу были приглашены М. В. Каховскій, И. И. Меллеръ, генералъ-маіоръ Розенбергъ, таврическій правитель Каховскій, полковникъ Горичъ и всѣ штабъ-офицеры военныхъ командъ, находившихся тогда въ Карасубазарѣ.

Вечеръ кончился какъ обыкновенно: свита играла въ шахматы и карты, императрица бесѣдовала съ гр. Фалькенштейномъ и въ 9 часовъ во дворцѣ все стихло.

Все утро слѣдующаго дня, въ воскресенье 30 мая, было посвящено Императрицею на раздачу и объявленіе наградъ—

[1] См. „Кіевская Старина" 1891 г., № 12.

между прочимъ и донской козакъ, бригадиръ Ѳедоръ Денисовъ былъ пожалованъ генералъ-маіоромъ, полковникъ Горичъ большій—въ бригадиры; правитель таврической области Каховскій получилъ орденъ св. Владиміра 2 степени. Никто не былъ обойденъ, на всѣхъ обращено было вниманіе. Сверхъ того пожалованы денежныя награды: духовенству севастопольскому при черноморскомъ флотѣ, греческому духовенству въ Ѳеодосіи, въ Бахчисараѣ на мечеть и дервишамъ, на училища въ таврической области, роздано бѣднымъ и увѣчнымъ и нижнимъ чинамъ всѣхъ войскъ, въ Тавридѣ расположенныхъ, каждому человѣку по одному рублю.

При отъѣздѣ изъ Карасубазара роздано было много драгоцѣнныхъ подарковъ между прочимъ:

Тремъ сестрамъ Миклашевскимъ серьги и перстни, стоющія 2270 р.; ханской сестрѣ съ женщинами серьги въ 2000 р., ей же штуки на кушакъ золотой съ финифтью и съ жемчугомъ на 960 руб.; 24-мъ мурзамъ перстни, стоившіе 3756 р. Уѣзднымъ предводителямъ, исправникамъ и разнымъ чиновникамъ таврической области роздано подарковъ брилліантовыми и золотыми вещами на 29,706 р. Въ томъ числѣ генералу Каховскому табакерка съ вензелемъ Императрицы въ 2500 р.— Сверхъ того ему пожалованы деньгами 10,000 р., правителю области Василію Каховскому 6000 руб., а священнику черноморскаго флота 500 р. (Изъ приходорасходныхъ книгъ кабинета Ея Величества).

Наградивъ всѣхъ и каждаго, Имератрица въ 9 ч. утра выѣхала съ гр. Фалькенштейномъ изъ Карасубазара; подстава была при Бочелахъ и потомъ къ обѣду на станціи Баши.

Послѣ стола, передъ отъѣздомъ Императрицы со станціи, она жаловала къ рукѣ прощавшихся съ нею татарскихъ чиновниковъ, также провожавшихъ Ее до этого мѣста мурзъ; они всѣ отпущены были въ свои мѣста, также какъ и дивизіоны вольно вступившихъ въ службу татаръ, а на мѣсто ихъ явились провожать донскіе козаки подъ начальствомъ новопожалованнаго генерала Денисова. Отъѣхавъ 45 верстъ, остановились ночевать на станціи *Бабассанъ:* здѣсь приготовленъ былъ

ужинъ въ большой палаткѣ и приглашены были еще правитель Каховскій, генералъ Денисовъ, бригадиръ Горичъ, всѣхъ было 19 человѣкъ.

На другой день въ 9 ч. утра, проѣхавъ подставу *Ушунъ*, пріѣхали въ 1 часу въ Перекопъ при пальбѣ изъ пушекъ, поставленныхъ на крѣпостномъ валу.

У крѣпостныхъ воротъ встрѣтилъ комендантъ бригадиръ Фокъ съ штабъ и оберъ-офицерами, а у дома, принадлежавшаго надворному совѣтнику Свѣрбееву, гофмаршалъ и таврическій правитель Каховскій съ чиновниками. Послѣ обѣда въ 3-мъ часу, Императрица съ гр. Фалькенштейномъ выѣхали при пушечной пальбѣ къ ночлегу на станцію при *Каменномъ мосту*. Не доѣзжая до этого мѣста, встрѣтилъ генералъ-поручикъ А. И. Иловайскій съ старшинами донскаго войска и съ 3500 конныхъ козаковъ и калмыковъ. При приближеніи къ Каменному мосту произведена пальба изъ поставленныхъ въ правой сторонѣ дороги донскаго войска полковыхъ пушекъ.—Вечеръ кончился въ разговорахъ Императрицы съ гр. Фалькенштейномъ, посланниками и свитою; нѣкоторые играли въ шахматы и карты и въ 9 часовъ, по обыкновенію, разошлись.—Ужинъ для посланниковъ, Потемкина и свиты былъ приготовленъ въ поставленной передъ домомъ палаткѣ.

Встрѣча близъ Каменнаго моста козаками подъ начальствомъ Иловайскаго произвела впечатлѣніе на австрійскаго Императора:

При возвращеніи нашемъ въ Каменный мостъ (писалъ онъ къ своему фельдмаршалу) козаки явились опять со всѣми своими принадлежностями и съ гетманомъ (онъ состоитъ въ чинѣ генералъ-поручика) во главѣ, причемъ ихъ привилегіи были торжественно несены двумя старшинами. Они опять маневрировали передъ станціею, маршировали налѣво и направо въ шесть колоннъ и потомъ выстраиваясь въ линію. На этотъ разъ они были построены по два въ рядъ; прислуга при бывшихъ тутъ двухъ орудіяхъ состояла изъ козаковъ; но эти орудія все время не трогались съ мѣста. У нихъ множество офицеровъ и нѣкоторымъ не болѣе 14—16 лѣтъ. Былъ тутъ и

отрядъ калмыковъ, стрѣлявшихъ изъ лука, впрочемъ безъ особенной ловкости. (Р. Архивъ, 1880, кн. 1-я).

Не надолго къ вечеру стихло за Каменному мосту, а рано утромъ 1 іюня началась суета, бѣготня, запряжка лошадей въ экипажи и снаряженіе походнаго обоза; Императрица вышла къ собранію въ 7 часовъ утра, и какъ только пришелъ графъ Фалькенштейнъ, тотчасъ началось оффиціальное представленіе лицъ, съ которыми прощалась Императрица, отъѣзжая далѣе въ путь; началось съ „дамскихъ персонъ": статсъ-дама гр. Браницкая представляла жену и дочь Иловайскаго и жену Денисова, затѣмъ оберъ-камергеръ И. И. Шуваловъ представилъ Иловайскаго, Денисова и всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ донскаго войска. Пожалованье къ рукѣ продолжалось почти часъ, и наконецъ, въ 8 часовъ утра, при пушечной пальбѣ Императорскій поѣздъ двинулся отъ Каменнаго Моста. Передъ отъѣздомъ Императрица приказала выдать Потемкину разныхъ брилліантовыхъ и золотыхъ вещей для раздачи приказанныхъ ею подарковъ по оцѣнкѣ, сдѣланной кабинетомъ, слишкомъ на 17,000 рублей.

Иловайскій съ донскими козаками и калмыками проскакалъ 10 верстъ—возлѣ Императорской кареты, потомъ разставилъ все свое войско въ строевой порядокъ по правой сторонѣ дороги;—загремѣло ура и, отдавъ честь съ уклоненіемъ знаменъ, всѣ козаки помчались обратно къ Каменному мосту. Денисовъ съ своими козаками продолжалъ конвоировать до города Бериславля.

На берегу *Конскихъ водъ*, гдѣ таврическая область граничитъ съ екатеринославскимъ намѣстничествомъ, встрѣтили: правитель намѣстничества И. М. Синельниковъ и губернскій предводитель Лалошъ съ дворянами.—Здѣсь Императрица пересѣла въ шлюпку и, объѣхавъ островъ Тамонь, черезъ Конскіе воды и Днѣпръ прибыла къ обѣду въ 3-мъ часу въ Бериславль.

Въ этотъ день особенными рескриптами на имя кн. Потемкина Императрица изъявила свое особенное благоволеніе войску донскому и всѣмъ войскамъ, находившимся во время ея путешествія въ таврической области.

На другой день 2 іюня Императрица разсталась съ Іосифомъ II.

„Сегодня, (писала она гр. Брюсу:) мы съ графомъ Фалькенштейномъ разстанемся: онъ поѣдетъ въ лѣво, а я направо". (Письмо къ гр. Брюсу при К. Ф. Журналѣ 1787 г. № 43).

„Іосифъ II и Екатерина разстались, (записалъ въ своихъ запискахъ гр. Сегюръ) возобновивъ взаимныя увѣренія въ дружбѣ, скрѣпленной еще тверже этою долгою поѣздкою" (См. Записки Сегюра).

Императоръ отправился въ Херсонъ, Императрица по направленію къ Кременчугу. Опять знаменитая шестиместная карета Императрицы наполнилась близкими людьми: гр. Браницкая, А. С. Протасова, У. И. Шуваловъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Кобенцель. Проѣхавъ 51 версту, остановились для обѣда на станціи при Давидовскомъ Бродѣ, потомъ черезъ Блакитную на ночлегъ въ дер. Шестерню,—не доѣзжая этой станціи за версту, поѣздъ встрѣтили расположенные въ строю полки: драгунскій смоленскій и легкоконные: херсонскій, воронежскій, ольвіопольскій, елисаветградскій и александрійскій. — Дворца здѣсь не было, Императрица и свита ночевали въ походныхъ ставкахъ, которыя возились въ путевомъ поѣздѣ.

На слѣдующій день, 3 іюня, рано утромъ выѣхали черезъ *Кривой Рогъ*, гдѣ былъ обѣдъ, въ слободу Анновку, принадлежавшую гр. А. А. Безбородку. Жители слободы поднесли хлѣбъ и соль. Здѣсь ночевали.

4 іюня, послѣ обѣда въ селѣ *Анофріевкѣ*, въ 6 часу вечера Императрица прибыла въ Кременчугъ. Не переѣзжая моста, наведеннаго черезъ Днѣпръ, ее встрѣтилъ кн. Потемкинъ съ генералитетомъ, штабъ и оберъ-офицерами. Пребываніе Императрицы назначено было въ домѣ главнокомандующаго;—до самаго дома верхами провожали Императрицу Потемкинъ, генералъ-аншефъ кн. Долгоруковъ, генералъ-поручикъ Самойловъ, генералъ-маіоры: Дунинъ, Аршеневскій и кн. Ратіевъ. Вечеръ Императрица провела съ приближенными, „забавляясь въ карты". (К. Ф. Жур. 1787 г.).

Съ вечера передъ домомъ горѣла иллюминація, также и въ саду, который имѣлся при этомъ домѣ.

Императрица, по словамъ гр. Сегюра, (см. записки его) была очень довольна тѣмъ, что самая занимательная часть ея поѣздки была совершена благополучно.

„Меня всячески старались отклонить отъ этой поѣздки, говорила она,—всѣ увѣряли, что я встрѣчу на пути множество затрудненій и непріятностей, меня пугали тѣмъ, что дорога меня утомитъ, что степи несносны, что на югѣ вреденъ климатъ. Эти люди меня слишкомъ мало знаютъ; они не понимаютъ, что противорѣчить мнѣ—значитъ меня возбуждать, и что всякое затрудненіе, которое мнѣ представляютъ, придаетъ мнѣ болѣе рѣшимости".

Но сверхъ желанія окончить свое огромное путешествіе, которое, конечно, утомляло императрицу, она спѣшила въ Москву, и съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстій отъ Н. И. Салтыкова объ отъѣздѣ великихъ князей-внучатъ въ Москву къ ней на встрѣчу. На дорогѣ, при переѣздѣ изъ Бериславля въ Кременчугъ, она наконецъ получила ожидаемыя извѣстія, и изъ Кременчуга отвѣчала Салтыкову:

„Николай Ивановичъ! Вчерась и третьяго дня, ѣдучи отъ Бериславля сюда, я получила письма ваши съ Тосны и изъ Новогорода и съ большимъ удовольствіемъ увѣдомилась, что вы въ добромъ здоровьи выѣхали изъ Царскаго Села и продолжаете свой путь съ большой бодростію и весьма радостно. Разумно вы сдѣлали, что всѣмъ желающимъ видѣть Ихъ Высочества назначили мѣсто въ соборѣ, ибо ничего нѣтъ труднѣе въ дорогѣ, какъ великое людство на станціяхъ, гдѣ вмѣсто покоя найдешь духоту, что со мною разъ по пяти случится, то есть на каждой перемѣнѣ лошадей. Подробное описаніе вашей ѣзды мнѣ очень пріятно было читать, тѣмъ паче, что все такъ происходитъ, какъ мнѣ желалось и какъ предвидѣть можно было. Я сюды пріѣхала вчерась здорова и благополучна, сегодня остановимся здѣсь, а завтра поѣдимъ далѣе къ Полтавѣ. Сейчасъ принесли мнѣ ваше письмо отъ 29 маія изъ Крестицъ. Помню я, что Валдайскія горки казались высоки, но послѣ Таврической той, на которой мы подымались шесть верстъ и спускались столько же, чаю покажутся аки бородавки. Прощайте, Богъ

съ вами. Пребываю я къ вамъ доброжелательна". (См. Р. Архивъ 1864, стр. 972).

Всѣ ожидали на другой день оффиціальнаго придворнаго выхода въ собраніе, но Императрица, утомленная переѣздами, вышла только къ обѣду, къ которому, между прочими, были приглашены кн. Ю. В. Долгоруковъ, А. Суворовъ и М. Л. Голенищевъ-Кутузовъ. Вечеромъ былъ назначенъ при дворѣ балъ съ приглашеніемъ по повѣсткамъ. Передъ баломъ Императрицѣ представлены были и пожалованы къ рукѣ жены купцовъ кремечугскихъ, крыловскихъ и елисаветградскихъ. Во время бала Императрица играла въ карты съ посланниками.

Въ Кременчугѣ Императрица успокоила Сегюра дружескимъ съ нимъ объясненіемъ,—что очень обрадовало его,—такъ какъ онъ все еще продолжалъ бояться, что Императрица считаетъ его болѣе на сторонѣ Турціи, нежели Россіи. Сегюръ оставилъ намъ въ своемъ дневникѣ разсказъ объ этомъ объясненіи.

Я собирался погулять по окрестностямъ города, когда мнѣ сказали, что Императрица требуетъ меня къ себѣ. Тотчасъ-же я отправился къ Ней и засталъ Ее въ кабинетѣ съ принцемъ де-Линемъ.

„Я увидѣла васъ изъ моего окна, сказала мнѣ Императрица; мнѣ показалось, что вы грустите или скучаете. Надѣюсь, что я не обезпокою васъ, если постараюсь васъ разсѣять, такъ какъ, повидимому, вы не очень веселы".

„Да, прибавилъ, улыбаясь, принцъ де-Линь,—вы шагали такъ медленно и важно, точно вице-канцлеръ Ея Величества. Однако, не совѣтую вамъ очень разсчитывать на любезное вниманіе, которое вамъ оказываютъ, потому что я, какъ человѣкъ откровенный, долженъ сознаться вамъ, что мы только что наговорили много дурнаго на вашъ счетъ".

„Это правда, возразила Императрица;—я увѣряла, что, не смотря на все мое желаніе удержать васъ при себѣ, вы скоро насъ покинете, и навсегда. Впрочемъ, принцъ подшутилъ надъ вами и утаилъ истину: дѣло въ томъ, что онъ хвалилъ вашъ характеръ и способности, а я, совершенно съ нимъ соглаша-

ясь, прибавила съ своей стороны, судя о другихъ по себѣ, что король, безъ сомнѣнія, скоро дастъ вамъ мѣсто въ своемъ совѣтѣ, и потому мы, вѣроятно, не увидимъ васъ болѣе въ Россіи".

Разумѣется, я всячески старался выразить мою признательность:

„Я послѣдую примѣру Вашего Величества и тоже осмѣлюсь позлословить на вашъ счетъ. У Вашего Величества есть одинъ явный недостатокъ, который происходитъ отъ вашего превосходства и состоитъ въ томъ, что Вы слишкомъ добры, слишкомъ снисходительны и пристрастны къ тѣмъ, кого удостаиваете Вашею благосклонностію. Впрочемъ, я могу увѣрить Ваше Величество, что такая похвала, какъ Ваша, кажется мнѣ Высочайшей наградой, какой только можетъ желать благородно честолюбивый человѣкъ".

Во время путешествія своего Императрица въ воскресные дни обыкновенно посѣщала церковь и здѣсь 6 іюня она въ сопровожденіи всей свиты слушала литургію въ соборѣ Пресвятой Богородицы; передъ выѣздомъ въ церковь Императрицѣ представлены были армянскій архіепископъ Іосифъ и старшины бывшаго запорожскаго войска.

Обѣдъ въ этотъ день былъ въ присутствіи Императрицы съ приглашеніемъ, сверхъ свиты, 33 человѣкъ, во время стола „играла инструментальная и вокальная музыка". (К. Ф. Журналъ 1727.)

Обѣдъ былъ ранній, такъ что въ 2 часа, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, Императрица выѣхала изъ Кременчуга къ станціи *Кобыляки*, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ. При въѣздѣ въ это мѣстечко всѣ жители стояли по обѣ стороны улицы, какъ въ строю, священники при церквяхъ встрѣчали съ крестами при колокольномъ звонѣ; у Собора Успенія Пресвятой Богородицы Императрица вышла изъ экипажа и приложилась ко кресту, поднесенному священникомъ; у путеваго дворца встрѣтилъ Ее кн. Потемкинъ, который поскакалъ сюда впередъ, вмѣстѣ съ гофмаршаломъ кн. Барятинскимъ и правителемъ намѣстничества Синельниковымъ. У дворца поставленъ

былъ почетный караулъ отъ кирасирскаго екатеринославскаго полка.

Въ мѣстѣ *Кобыляках* были въ то время поселены отставные унтеръ-офицеры и рядовые, служившіе въ инженерныхъ полкахъ, отъѣзжая изъ Кобылякъ, на другой день 7 іюня, Императрица пожаловала ихъ щедро деньгами.

Когда Императорскій поѣздъ началъ приближаться къ городу Полтавѣ, началась съ крѣпости пушечная пальба, а въ церквяхъ колокольный звонъ; при въѣздѣ въ городъ передъ построенными тріумфальными воротами встрѣтили всѣ начальники легкоконныхъ полковъ и сопровождали Императрицу въ городъ верхами возлѣ кареты; у тріумфальныхъ воротъ комендантъ поднесъ Императрицѣ ключи отъ крѣпости, здѣсь же стояло полтавское купечество, мѣщане и ремесленники съ ихъ значками; у соборной церкви встрѣтилъ съ крестомъ и поднесъ его къ каретѣ Императрицы Амвросій, архіепископъ екатеринославскій и херсоно-таврическій.

Помѣщеніе для Императрицы приготовлено было въ домѣ черниговскаго губернатора Милорадовича. Здѣсь у подъѣзда встрѣтили Потемкинъ, гофмаршалъ кн. Барятинскій, правитель екатеринославскій Синельниковъ съ дворянствомъ.

Послѣ обѣда, къ которому было много приглашенныхъ, особенно военныхъ, Императрица нѣкорое время гуляла въ саду со своею любимицею камеръ-фрейлиною А. С. Протасовой. Вечеромъ къ карточной партіи съ Императрицею приглашены были А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ Кобенцель и графъ Сегюръ.

Вечеромъ около дома и въ саду была иллюминація плошками.

На слѣдующій день 8 іюня, въ 11 часу утра, Императрица въ двухмѣстной каретѣ, въ сопровожденіи всей свиты, выѣхала осмотрѣть мѣстность полтавскаго сраженія. За каретою слѣдовали всѣ военные начальники, штабъ и оберъ офицеры легкоконныхъ полковъ, въ Полтавѣ бывшихъ,—Императрица осмотрѣла, старые редуты и шведскую могилу, и прибыла къ Крестo-Воздвиженскому монастырю; у святыхъ воротъ ожидали Императрицу духовенство: Амвросій, архіепископъ екатеринослав-

скій, Серафимъ, митрополитъ Лакедемонскій, и Каллиникъ, епископъ Врестенскій; архіепископъ Амвросій сказалъ привѣтственную рѣчь, поднесъ животворящій крестъ—Императрица приложилась ко кресту, при пѣніи пѣвчихъ предшествуемая духовенствомъ взошла въ церковь къ литургіи, которую совершалъ архіепископъ Амвросій; по окончаніи литургіи возглашена была вѣчная память Императору Петру I,—потомъ Императрица, посѣтивъ архіепископа Амросія въ его кельѣ, возвратилась къ обѣду во дворецъ въ 1 часу.

Въ 6 часовъ графъ Безбородко представилъ Итператрицѣ пріѣхавшаго ко двору молдавскаго господаря Александра Мавркордато—послѣ чего Императрица выѣхала съ всей свитою за городъ смотрѣть на бывшіе въ лагеряхъ полки. Войскъ было—коннаго 70 экадроновъ, пѣхоты четыре баталіона гренадеръ и четыре баталіона егерей.

Объѣхавъ всѣ полки, которые отдавали честь съ музыкою и барабаннымъ боемъ, Императрица вышла изъ экипажа, и изъ палатки, для нея приготовленной, любовалась войскомъ, которое маршировало мимо палатки подъ предводительствомъ генералъ-аншефа князя Ю. В. Долгорукова—на послѣдокъ *„все войско, имѣя 40 орудій полевой артиллеріи, аттаковало непріятеля предъ собою представленнаго, причемъ во всѣхъ движеніяхъ доказало совершенное устройство и похвальную расторопность“*.—Такъ записано въ современномъ Камеръ-Фурьерскомъ Журналѣ.

„Полтавское сраженіе явилось передъ нами (писалъ гр. Сегюръ въ своемъ дневникѣ) въ живой, движущейся, одушевленной картинѣ, близкой къ дѣйствительности. Русская армія раздѣлилась на двѣ половины, изъ коихъ одна заняла русскіе окопы, другая шведскіе редуты. По распоряженію Потемкина, чрезвычайно согласно, отчетливо и скоро передъ взорами Царицы произведены были всѣ тѣ маневры, какіе могли изобразить намъ подобіе этой рѣшительной битвы. Движеніе впередъ кавалеріи, развернувшей фронтъ изъ четырехъ колоннъ, стремительная аттака, живой и сильный огонь пѣхоты въ то время, какъ лѣвое крыло вело фальшивую аттаку на лѣсъ и обходило

правый флангъ непріятеля,—все это чрезвычайно вѣрно изображало сраженіе.

Удовольствіемъ и гордостью горѣлъ взоръ Екатерины; казалось, кровь Петра Великаго струилась въ ея жилахъ. Это величественное и великолѣпное зрѣлище достойно увѣнчало наше романическое и вмѣстѣ историческое путешествіе. Князь Потемкинъ поднесъ Императрицѣ чудесное жемчужное ожерелье: она осыпала его подарками и щедро раздавала чины и ордена генераламъ и офицерамъ.

Императрица пробыла на полѣ полтавскаго сраженія до 8 часовъ вечера; а передъ отъѣздомъ въ городъ статсъ-дама гр. Браницкая, здѣсь же въ палаткѣ, представила ей съѣхавшихся женъ военныхъ начальниковъ и дворянъ—всѣ жалованы къ рукѣ и при пушечной пальбѣ Императрица возвратилась въ Полтаву.

Въ этотъ день Потемкину пожалованъ титулъ князя Таврическаго". Преосвященному Амвросію архіепископу екатеринославскому пожалованъ брилліантовый крестъ, съ повелѣніемъ носить его на черномъ клобукѣ, подобно какъ митрополиту. (К. Ф. журналъ). Губернскій предводитель дворянства, бригадиръ Лалошъ, произведенъ въ генералъ-маіоры и уволенъ съ пенсіею по 600 р. въ годъ.—Генералъ-поручикъ Чорба получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени; генералъ-маіоръ Алымовъ и бригадиръ Николай Адабани—Владиміра 3-й степени; затѣмъ болѣе 40 человѣкъ пожалованы 4-й степенью того же ордена.

Суворову пожалована табакерка съ вензелемъ въ 3000 руб. Гетману Браницкому табакерка съ портретомъ въ 2500 руб. Высшему духовенству и на монастыри 5000 руб.

На слѣдующій день, 9 іюня, всѣ съѣхались благодарить Императрицу—къ числу награжденныхъ совершенно неожиданно Императрица присоединила генералъ-аншефа преображенскаго полка премiеръ-маіора князя Ю. В. Долгорукова и генералъ-маіора дѣйствительнаго камергера А. М. Дмитріева-Мамонова; первый пожалованъ былъ въ подполковники, а второй въ премiеръ маіоры преображенскаго полка.

Передъ отъѣздомъ всѣ откланивались, жалованы были къ рукѣ, и между прочимъ простились съ Императрицею графъ Браницкій и жена его статсъ-дама Александра Васильевна.

При выходѣ на крыльцо, здѣсь полтавскіе купцы и мѣщане поднесли хлѣбъ и соль и разные фрукты. Въ шестимѣстную карету были приглашены: статсъ-дама гр. Скавронская, камеръ-фрейлина Протасова, Дмитрій Мамоновъ, гр. Кобенцель и гр. Сегюръ. Проѣхавъ крѣпость, Императрица, встрѣченная у собора Успенія Пресвятыя Богородицы преосвященнымъ Амвросіемъ, взошла въ церковь, отслужила молебенъ и потомъ въ 9 часовъ утра, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, въ сопровожденіи верхами генералитета и эскадрона острогожскаго легкоконнаго полка, Императорскій поѣздъ выѣхалъ изъ Полтавы къ обѣду на станцію *Карловку*.

Г. В. Есиповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поминки по А. А. Востоковѣ.

Въ послѣдніе мѣсяцы истекшаго 1891 г. нашъ журналъ понесъ большія потери въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ дѣятельныхъ сотрудниковъ; къ числу ихъ принадлежалъ и покойный *Александръ Александровичъ Востоковъ*, скончавшійся въ Москвѣ 13 ноября. Это былъ одинъ изъ трудолюбивыхъ и ревностныхъ подвижниковъ науки; поэтому вспомнить о немъ самомъ и его трудахъ на страницахъ „Кіев. Старины“, для которой онъ не мало поработалъ, мы считаемъ своимъ долгомъ передъ почившимъ собратомъ.

Жизнь А. А., какъ скромнаго, безкорыстнаго и неутомимаго труженника, представляетъ отрадное и поучительное явленіе въ наше время, время стремленія, не разбирая средствъ, къ богатству и почестямъ, при поверхностныхъ знаніяхъ и легкомъ отношеніи къ дѣлу. Ни того, ни другаго на своемъ короткомъ вѣку нашъ покойный сотрудникъ не искалъ и въ избраніи себѣ рода и цѣли дѣятельности руководствовался лишь желаніемъ „уразумѣть истину“.

А. А. родился 3 іюня 1857 года въ селѣ Воздвиженскомъ-Селикѣ, богородскаго уѣзда, московской губ. Происходя изъ небогатой семьи духовнаго званія, онъ, по установившемуся обычаю, долженъ былъ получить первоначальное образованіе въ духовныхъ училищахъ родной губерніи, а среднее—въ московской духовной семинаріи, этомъ лучшемъ изъ средне-учебныхъ

заведеній духовнаго вѣдомства, и притомъ въ такое время (1872 — 76 гг.), когда этого рода учрежденія становятся на высотѣ требованій современной педагогики и по программамъ своимъ не только почти приближаются къ классическимъ гимназіямъ, но имѣютъ то преимущество, что развиваютъ философское мышленіе въ учащихся. Основательно прошедшіе эту школу всегда отличаются сильной логикой; умъ ихъ обращается къ серьезнымъ и живымъ вопросамъ жизни и ищетъ отвѣта на нихъ внѣ той спеціальной науки, которая составляетъ главный предметъ занятій въ высшихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это же исканіе отвѣта на возникающіе вопросы побудило и покойнаго А. А. перемѣнить академію на университетъ, въ который онъ могъ поступить лишь по дополнительной домашней подготовкѣ; препятствія не ослабили энергіи А. А., и черезъ два года (въ 1878 г.) онъ былъ уже зачисленъ въ студенты С.-Петербургскаго университета по юридическому факультету. Выборъ факультета сдѣланъ былъ покойнымъ А. А. послѣ строгаго обдумыванія; онъ остановился на изученіи права не ради той широкой карьеры, которую открываетъ оно законовѣдамъ, а исключительно вслѣдствіе глубокаго и вѣрнаго убѣжденія, что только юридическая наука даетъ прочную основу для дальнѣйшаго изученія народной жизни, что „вся міровая исторія въ сущности сводится къ исторіи права, какъ высшему пункту цивилизаціи, заключающему въ себѣ сконцентрированно все ея содержаніе“, что только путемъ изученія права въ его послѣдовательномъ историческомъ развитіи могутъ быть поняты законы развитія народной жизни, что историкъ, не получившій юридической подготовки; обреченъ или блуждать, какъ въ лѣсу, среди безчисленныхъ фактовъ политической исторіи, или начать съ азбуки изученіе права, чтобы не доходить до всего своимъ умомъ. Отъ этой то печальной участи и обезпечилъ себя выборомъ юридическаго факультета покойный А. А. Еще будучи студентомъ, онъ предпринялъ подъ руководствомъ проф. Сергіевскаго большой трудъ изданія *„Проектовъ уголовнаго уложенія Императрицы. Елисаветы Петровны, 1754—1766 гг.“*, кото-

рый появился въ свѣтъ въ 1882 г., когда и самъ издатель вышелъ изъ университета со степенью кандидата правъ.

Съ окончаніемъ университета передъ А. А. открывался широкій путь къ судебной и административной службѣ; но онъ не пошелъ по этому пути, а избралъ узкіе врата и тѣсный путь, которыми идутъ немногіе къ истинѣ, путь разбора и изученія памятниковъ русской старины въ одномъ изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ въ Россіи архивовъ—въ архивѣ министерства юстиціи (въ Москвѣ). Переходъ А. А. къ новому труду совершился въ 1884 году; и съ этихъ поръ онъ отдался со всѣмъ горячимъ пыломъ молодости разбору старыхъ дѣлъ, столповъ, книгъ и вязокъ; онъ весь ушелъ въ прошедшее, въ нѣмую бесѣду съ историческими дѣятелями, которые въ своемъ простомъ языкѣ и крючковатомъ почеркѣ воскресали изъ праха полуистлѣвшей бумаги и „пыли вѣковъ“ въ живомъ воображеніи молодаго изслѣдователя. Особенно привлекла его вниманіе, а современемъ, можетъ быть, и вполнѣ его поглотила бы полная глубокаго драматизма и поэзіи южно-русская исторія, для которой неоцѣненный и неисчерпаемый, кажется, матеріалъ хранится въ московскихъ архивахъ. „Я такъ полюбилъ вашу козацкую исторію, что, кажется, займусь исключительно ею одной“, писалъ онъ намъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ маѣ 1890 г.; „во всей исторіи Европы козачество представляетъ собою едва-ли не единственный примѣръ каждодневной, неустанной трехвѣковой борьбы за вѣру и народность со своими гонителями.

Высказанные въ письмѣ слова А. А. подтверждалъ и на дѣлѣ: изъ 35 печатныхъ работъ его четвертая часть относится къ исторіи Южной Руси и, главнымъ образомъ, козачества; всѣ онѣ были помѣщены въ нашемъ журналѣ; напомнимъ только выдающіяся: „*Козелецкая рада*“ (1887 г. № 2), „*Нѣжинская рада*“ (1888 г. № 5), „*Первыя сношенія Богдана Хмельницкаго съ Москвой*“ (1887, № 8), „*Судъ и казнь Григорія Самойловича*“ (1889 г. № 1), „*Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ*“ (1889 г., № 9), „*Судьба Выговскихъ и полковника Ивана Нечая*“ (1890 г., № 1), „*Посольство Шакловитаго къ гетману Мазепѣ*“ (1890 г.,

№ 5) и друг. Всѣ труды А. А. отличаются важностью и новизною сообщаемыхъ фактовъ, изъ которыхъ каждый поставленъ въ связь съ общимъ ходомъ мѣстной исторіи въ то или другое время, и такимъ образомъ сама собою опредѣлялась его научная цѣнность. Восьмилѣтнія напряженныя работы въ Архивѣ подорвали силы А. А.; слабое здоровье его не выдержало ни тяжести самаго труда, ни тѣхъ условій, среди которыхъ приходится работать архивисту. Постоянное напряженіе зрѣнія и вниманія при чтеніи замысловатаго письма, чернила котораго уже выцвѣли, утомляетъ зрѣніе и вниманіе, а необходимость въ безпрестанныхъ справкахъ съ литературою вопроса не даютъ отдыха и въ послѣобѣденное время. Не говоримъ уже о томъ, какъ вредно дѣйствуетъ на грудь постоянное дышаніе пылью отъ гнилой бумаги; самая тщательная очистка ея не можетъ много помочь, если необходимо сохранить подгнившее мѣсто рукописи; катарры дыхательныхъ путей при чтеніи истлѣвшихъ рукописей—явленіе обыденное въ архивѣ; а какая масса хранится рукописей, пережившихъ всякіе „повѣтрія“ и „моры“ (чумные, холерные, оспенные и проч.); многіе изъ занимающихся въ архивахъ рѣшительно отказываются брать бумаги, которыя имѣютъ проколы и пропитаны повидимому какой-то жидкостью (ясный признакъ того, что они подвергались дезинфекціи и пережили эпидеміи), и за версту отходятъ отъ нихъ; такая предосторожность, пожалуй, можетъ быть, и не лишняя въ виду сильной живучести всякихъ тлетворныхъ микробовъ [1]). Эти условія могли повліять и на развитіе тяжкой грудной болѣзни у А. А., который продолжалъ работать и послѣ того, когда обнаружились явные признаки неблагопріятнаго исхода. А. А. умеръ въ самую лучшую пору жизни, когда мышленіе человѣка крѣпнетъ, а дѣятельность его бываетъ болѣе обильна и болѣе плодотворна. Много начинаній, много предположеній и надеждъ прекратила смерть. Потеря его тѣмъ болѣе тяжела

---

[1]) Намъ извѣстенъ одинъ загадочный случай внезапной смерти ученаго, работавшаго въ архивѣ; смерть его послѣдовала отъ болѣзни горла въ теченіи 4-хъ дней, и случилась въ половинѣ мая, при весьма теплой погодѣ.

для близкихъ и знавшихъ его людей, что кромѣ своихъ обширныхъ научныхъ познаній, которыми А. А. охотно дѣлился съ каждымъ, онъ обладалъ и высокими нравственными качествами: доброе сердце, чистая и честная жизнь, отзывчивость на всякое высоко-гуманное дѣло.... все влекло къ нему!

И. Каманинъ.

Памяти кн. В. Н. Репниной.

Имя княжны Варвары Николаевны Репниной такъ тѣсно связано со многими фактами культурной жизни нашего юга Россіи, что историческому мѣстному журналу нельзя пройти молчаніемъ смерти ея, не вспомнивши болѣе выдающихся моментовъ изъ ея жизни. Пока, впрочемъ, мы ограничиваемся маленькой перепечаткой изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ некролога ея, принадлежащаго автору, который, давши намъ право на эту перепечатку, вмѣстѣ съ тѣмъ пообѣщалъ въ ближайшихъ номерахъ нашего изданія подѣлиться съ читателями болѣе обстоятельной статьей, посвященной памяти покойной княжны В. Н. Репниной.

„28-го ноября опустили въ могилу тѣло княжны Варвары Николаевны Репниной, скончавшейся на 83 году своей жизни. Скорбно отзовется вѣсть объ ея смерти въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ ее и добрымъ словомъ помянутъ ее не въ одной Москвѣ, но и въ Полтавѣ, Одессѣ и родномъ Яготинѣ. Дочь бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора, незабвеннаго кн. Н. В. Репнина, В. Н. унаслѣдовала отъ отца гуманныя традиціи и посвятила всю свою жизнь служенію человѣчеству. Любовь къ народу сблизила ее въ сороковыхъ годахъ съ народнымъ украинскимъ поэтомъ Шевченко, который подолгу гостилъ въ помѣстьѣ кн. Репниныхъ, мѣстечкѣ Яготинѣ. В. Н. была не только другомъ и покровительницей, но добрымъ геніемъ и олицетворенной совѣстью поэта. Она поддерживала въ немъ вѣру въ его высокое призваніе и съ свойственной ей прямотой не разъ высказывала ему горькія истины, когда онъ сби-

вался съ истиннаго пути. Когда надъ Шевченко стряслась бѣда, и онъ, разжалованный въ солдаты, былъ сосланъ сначала въ въ Оренбургъ, а потомъ въ Киргизскую степь, В. Н. дѣятельно, хотя и безуспѣшно, хлопотала о смягченіи его участи и поддерживала его падающій духъ своими письмами. До самой смерти она свято хранила память о своемъ многострадальномъ другѣ, любила разсказывать о своемъ знакомствѣ съ нимъ и живо интересовалась всѣмъ, что писалось о Шевченкѣ въ нашихъ журналахъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ В. Н. переѣхала изъ Одессы въ Москву и съ тѣхъ поръ постоянно жила въ Москвѣ. Похоронивъ горячо любимую мать, она еще съ большимъ рвеніемъ предалась благотворительнымъ дѣламъ. Дверь ея была всегда открыта для бѣдныхъ и страждущихъ. Она не ограничивалась одной денежной помощью, но принимала горячее участіе въ своихъ кліентахъ, хлопотала, писала о нихъ письма, болѣла о нихъ душой. Хотя кругъ дѣятельности покойной В. Н. былъ довольно узокъ, но смерть ея есть во всякомъ случаѣ общественная потеря, и будущій историкъ русскаго общества безъ всякаго сомнѣнія причислитъ ее къ сонму тѣхъ чистыхъ и благородныхъ личностей, которыя оказывали благотворное вліяніе на общество самымъ фактомъ своего существованія. Не ихъ ли разумѣлъ поэтъ, когда убѣждалъ насъ не горевать о милыхъ спутникахъ, животворившихъ для насъ этотъ свѣтъ своимъ присутствіемъ, но благодарить судьбу за то, что они были? В. Н. похоронена, по ея собственному желанію, въ Алексѣевскомъ монастырѣ, рядомъ съ своимъ старымъ другомъ Г. И. Бурковской, которую она пережила нѣсколькими годами.

Н. С.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ вопросу о научномъ изданіи „Кобзаря“ Т. Г. Шевченко.

Давно пора уже подумать о томъ, чтобы исполнить обязательство и по отношенію къ памяти такого выдающагося поэта, какъ Т. Г. Шевченко, и по отношенію къ требованіямъ науки, заставляющей своихъ представителей, въ тотъ или иной срокъ, подвести итоги всей дѣятельности крупныхъ общественныхъ единицъ, опираясь въ этихъ итогахъ не на случайно извѣстные факты и не на субъективныя впечатлѣнія, а на кропотливо собранные и критически провѣренные матеріалы. Въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ въ виду ту работу надъ произведеніями покойнаго поэта, которая прежде всего должна выразиться въ приготовленіи изданія всѣхъ ихъ, изданія, достойнаго такого почетнаго имени. Изданію этому, конечно, нужно отличаться всѣми достоинствами вполнѣ научнаго труда, какъ-то: 1) текстъ произведеній долженъ быть критически провѣренъ и изслѣдованъ по многимъ варьянтамъ рукописей и печатныхъ изданій разныхъ годовъ; 2) каждое произведеніе должно быть обставлено всѣми необходимыми библіографическими, біографическими и историко-литературными справками и комментаріями. Только при выполненіи этого условія, можно разсчитывать на строго-научную разработку и оцѣнку дѣятельности и—главное—назнаніе поэта; только при такомъ обстоятельномъ освѣщеніи отдѣльныхъ произведеній писателя, можно составить и полную его біографію, которая въ то-же время будетъ служить характеристикой цѣлаго періода въ общественной жизни. Насколько трудна подобная задача,—это другой вопросъ; но въ необходимости разрѣшенія ея въ данномъ случаѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Много изданій выдержалъ уже Кобзарь Т. Г. Шевченка, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, но ни одно изъ нихъ, даже въ миниманъ-

ной долѣ, не удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ.—Не говоримъ уже объ отсутствіи комментаріевъ къ Кобзарю, но мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ колеблющимся текстомъ его и не знаемъ, какія существуютъ основанія для этихъ разночтеній; а при малѣйшей пробѣ приложить научный методъ къ провѣркѣ ихъ, весьма часто наталкиваемся на факты очевидной порчи авторскаго текста. Не останавливаясь теперь на подробномъ указаніи этихъ колебаній и порчи текста, я приведу на выдержку нѣсколько наиболѣе характерныхъ случаевъ такого разночтенія.

Извѣстное стихотвореніе Шевченка «Чы мы ще зійдемося знову», напечатанное впервые въ изданіи Кожанчикова (Спб. 1867 г.), вошло во всеобщее употребленіе съ такими стихами:

. . . . . Годить,
Смыритеся, молитесь Богу
И згадуйте одынъ другого,
Свою Украину любить.
Любить іи, *бо* время люте!
Въ остатню тяжкую мынуту
За неи Господа молить!

Намъ удалось это стихотвореніе свѣрить съ двумя рукописными варьянтами—автора Т. Шевченка, и въ обоихъ ихъ (не смотря на то, что писаны они съ промежуткомъ въ 11 лѣтъ) читаемъ:

Любить іи!... *Во* время люте,
Въ остатню тяжку мынуту
За неи Господа молить,

Мы готовы склониться къ тому, что въ этомъ послѣднемъ варьянтѣ и больше силы, и больше мысли, чѣмъ въ напечатанномъ стихотвореніи, разошедшемся широко въ публикѣ, особенно благодаря музыкальной композиціи его г. Лисенкомъ.

Или напримѣръ: извѣстная поэма «Видьма», впервые напечатанная въ изданіи Кожанчикова (Спб. 1867), правильно отнесена къ 1847-году, а въ изданіи пражскомъ (1876 г.) напечатана уже подъ 1858 годомъ безъ всякихъ поясненій, и въ такомъ видѣ повторяется она во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ въ Россіи. Между тѣмъ, провѣрка по рукописямъ показываетъ, что написана эта поэма первоначально въ 1847 году, а въ 1858 году переписана съ довольно значительными измѣненіями.

Въ пражскомъ-же изданіи, между прочимъ, читаемъ въ этой поэмѣ стихъ 19-й такъ: «Шукай соби брата *у поли* и въ хати». Свѣ-

ряя съ рукописью этотъ текстъ, я вижу, что слово *у поли* поставлено ошибочно: въ подлинникѣ стоитъ *въ палатахъ*, но написано съ пропускомъ слога *та* (*въ палахъ*); издатель, значитъ, по догадкѣ поставилъ не такъ, какъ слѣдуетъ, п. ч. теченіе всей мысли здѣсь построено на антитезѣ:

„Така моя рада, незнаемый брате!
Смырысь передъ Богомъ, людей не займай,
Шукай соби брата *въ палатахъ и въ хати*
И дбай домовыну, а славы не дбай!

До особенныхъ курьезовъ въ этомъ отношеніи дошло Львовское изданіе (Сушкевича 1867 г.), гдѣ можно встрѣтить такія искаженія: *я у прыбавкахъ* була... вмѣсто—*я у прыданкахъ* була...; кого-жъ *годуете, ськаете* (?) вмѣсто—*кого-жъ годуете есте* и пр. (Видьма).

Повторяю опять, что я теперь не имѣю намѣренія подробно указывать всѣ такія частности, касающіяся текста «Кобзаря» Шевченка,—я желаю только отрывочными фактами показать, въ какой мѣрѣ настоятельна нужда въ подготовкѣ изданія Кобзаря съ критически провѣренными текстами.

Но что-же нужно для этого сдѣлать раньше всего? Конечно, для работы по критической провѣркѣ текста является безусловно необходимо знать всю сохранившуюся наличность рукописей-автографовъ, которыя, насколько намъ извѣстно, имѣются у разныхъ лицъ иногда въ очень разнообразныхъ варьянтахъ. Это тотъ источникъ первой руки, который долженъ быть изученъ въ мелочахъ, такъ-какъ, главнымъ образомъ благодаря ему, мы можемъ установить основной текстъ каждаго произведенія и объяснить всѣ существующіе варьянты. Кромѣ того, очень цѣнны въ этомъ случаѣ будутъ и всѣ тѣ рукописи *не*—автографы, которыя переписывались современниками поэта съ подлинныхъ рукописей его самого, или писались подъ его диктовку, а въ существованіи такихъ текстовъ мы не сомнѣваемся. На послѣднемъ планѣ стоятъ всѣ печатныя изданія, какъ русскія, такъ и заграничныя, кромѣ изданій первыхъ (кончая изд. П. Симиренка, Спб. 1860 г.), т. к. многими изъ нихъ руководилъ самъ авторъ, напримѣръ—только-что упомянутымъ изданіемъ П. Симиренка. Впрочемъ, печатныя изданія, каковы-бы они ни были, не играютъ въ данномъ случаѣ роли, являясь достояніемъ каждаго интересующагося этимъ вопросомъ; мы-же имѣемъ въ виду настоящей замѣткой, насколько возможно, посодѣйствовать обнаруженію рукописнаго матеріала, для болѣе удобнаго пользованія имъ другихъ

лицъ. Въ виду этого я позволю себѣ обратиться ко всѣмъ, имѣющимъ у себя лично какія-либо рукописныя произведеній Т. Г. Шевченка, или только знакомымъ съ ними, съ предложеніемъ, во 1-хъ, опубликовать заглавія произведеній, составляющихъ автографы поэта, а также переписанныхъ съ несомнѣнныхъ списковъ, и во 2-хъ, указать, какія имѣются данныя объ этихъ рукописяхъ въ видѣ датъ, комментаріевъ, воспоминаній и пр.

Вполнѣ надѣясь на то, что, съ одной стороны, такой откликъ послѣдуетъ для интересовъ дѣла, а съ другой—что «Кіевская Старина» откроетъ свои страницы для помѣщенія всѣхъ этихъ данныхъ, я на первый разъ сообщу кратко тѣ свѣдѣнія, какія мнѣ удалось добыть изъ разсмотрѣнія двухъ книжечекъ-автографовъ покойнаго поэта, о которыхъ въ печати пока почти ничего, кромѣ неясныхъ упоминаній, не было сказано.

Хорошо, вѣроятно, всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что, когда въ 1847 г. постигла поэта тяжелая участь, когда онъ очутился вдали отъ родины и знакомыхъ, въ ссылкѣ въ Орской крѣпости и около Арала, ему не дозволено было даже рисовать и писать (кромѣ писемъ), особенно въ первое время, на что онъ самъ неоднократно жаловался въ своихъ письмахъ. Впрочемъ, не смотря даже иногда на строгости въ наблюденіи надъ нимъ, Шевченко успѣвалъ тайкомъ удѣлять время на любимое имъ занятіе-стихотворство, дававшее успокоеніе усталой душѣ поэта. Такъ, въ стихотвореніи, открывающемъ новый 1849-й годъ читаемъ:

„Якъ ци добродіи дознаютъ!...
Та вже жъ нехай хочъ розпнутъ,
А я безъ вирши не улежу:
Уже два годы промережавъ,
И третій въ добрый часъ почну".

И вотъ, для этого *тайнаго* творчества онъ завелъ маленькую тетрадку, которую, какъ онъ выражался потомъ, сохранять приходилось ему «въ халяви» (въ сапогѣ) [1]).

Эту-то тетрадочку, какъ гласитъ преданіе, впослѣдствіи переплетенную въ хорошенькій кожаный переплетъ, мы имѣли подъ руками одновременно съ другою, составляющею, собственно говоря, какъ бы переписку первой. Разница, впрочемъ, громадная. Эта вторая книжечка представляетъ собою довольно изящный кожаный альбомъ, величиною въ обыкновенный почтовый листъ in 8°. Альбомъ этотъ—подарокъ по-

[1]) См. воспоминанія И. С. Тургенева (Кобзарь, Прага. 1876 г.).

эту послѣ его возвращенія изъ ссылки въ 1858 г.; сюда онъ частію переписалъ свои стихотворенія изъ маленькой книжечки, иногда безъ измѣненій, но чаще—съ довольно значительными сокращеніями и передѣлками, частію-же тутъ помѣщены имъ и новыя произведенія.

Маленькая книжечка открывается 1847-мъ годомъ, именно—стихотвореніемъ.

„Думы мои, думы мои,
Вы мои единыи!
Не кыдайте хочъ вы мене
Пры лыхій годыни!“

а оканчивается 1850-мъ годомъ—стихотвореніемъ

„Заступыла чорна хмара
Та билую хмару“.

Тутъ сразу является вопросъ: заносились-ли въ эту книжечку только тѣ произведенія, какія создавались поэтомъ въ процессѣ его послѣдовательнаго творчества, или и тѣ, которыя вспоминались имъ на чужбинѣ изъ прежде сочиненныхъ? Вопросъ этотъ только и можетъ быть окончательно рѣшенъ послѣ собранія всѣхъ данныхъ о рукописяхъ поэта [1]). Всѣхъ стихотвореній, какъ большихъ, такъ и малыхъ, вошло сюда 126; изъ нихъ крупныя слѣдующія: Книжна, Вильма, Лилея, Сонъ, Иржавець, Чернець, Козачковскому, Москалева криныця, Варнакъ, Сотникъ, Марына, Петрусь, Тытаривна. Всѣ стихотворенія писаны самимъ поэтомъ и отличаются тѣмъ характернымъ мелкимъ Шевченковскимъ почеркомъ, котораго нельзя не узнать хоть разъ видѣвшему его рукопись. Въ текстѣ сдѣлано много исправленій, но въ общемъ книжечка носитъ очень чистенькій видъ, несмотря на кое-какія помарки.—Въ бо̀льшей книжечкѣ за тотъ-же періодъ находимъ меньшее количество стихотвореній—всего 85, причемъ есть среди нихъ нѣкоторыя новыя. Надо замѣтить, что въ этой книжечкѣ оказывается большой перерывъ въ писательствѣ поэта, а именно: съ 1850 г. по 1857 г. нѣтъ ничего, какъ почти нѣтъ ничего и въ печатныхъ изданіяхъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ творчество поэта въ эти годы застыло совсѣмъ? Или, можетъ быть, болѣе кропотливое разысканіе рукописей его обнаружитъ еще что нибудь, до сихъ поръ невѣдомое намъ?

Послѣ 1850 г. въ бо̀льшую книжечку входитъ рядъ стихотвореній, относящихся къ 1857—60 гг., причемъ обращаемъ вниманіе на

[1]) Вообще мы имѣемъ всѣ данныя сомнѣваться въ томъ, та-ли это самая „захалявная“ книжечка, но до окончательнаго выясненія оставляемъ вопросъ этотъ открытымъ.

ту путаницу датъ, какую встрѣчаемъ здѣсь при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, сравнительно съ датами при нихъ въ маленькой книжечкѣ; такъ напр.: «Москалева крыныця», отнесенная въ маленькой книжечкѣ къ 1847 г., тутъ помѣщена подъ 1857 г. Число стихотвореній за эти 4 года—53; изъ нихъ болѣе крупныя «Неофиты», «Марія», писанная, впрочемъ, не Шевченкомъ, равно какъ и нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній. Послѣднимъ въ 1860 году стоитъ маленькое стихотвореніе его «Зійшлысь, побралысь, поедналысь», послѣ котораго на слѣдующей страницѣ выставленъ синимъ карандашомъ 1861-й годъ, въ самомъ почти началѣ прекратившій жизнь поэта (26 февраля).

Пусть же въ эту 31-ую годовщину смерти Т. Г. Шевченка хоть только начнется серьезная разработка всѣхъ матеріаловъ, необходимыхъ для оцѣнки и познанія его. Надѣемся, что лица, имѣющія коекакіе матеріалы и свѣдѣнія по этому вопросу, не откажутъ въ своемъ просвѣщенномъ содѣйствіи полезному дѣлу и на первыхъ порахъ хоть помогутъ привести въ извѣстность все то, чѣмъ можетъ располагать будущій работникъ на этомъ полѣ. Мы же съ своей стороны, давая теперь краткія извѣстія о томъ, что у насъ было подъ руками, обѣщаемъ впредь сообщать обо всемъ, что намъ станетъ вѣдомо изъ рукописей поэта.

В. Науменко.

Письмо Ив. С. Тургенева къ А. Д. Оболонскому по поводу выкупа родичей Т. Г. Шевченка изъ крѣпостной зависимости. Хотя конецъ 1859 года и начало 1860-го были для Шевченка исключительными, благодаря тому неудавшемуся сватовству, которое онъ затѣялъ и о которомъ уже сообщено много подробностей, между прочимъ и на страницахъ «Кіевской Старины» (1890 г. № 2),—однако среди этихъ заботъ, а потомъ и огорченій, онъ не позабылъ давняго своего мечтанія видѣть всѣхъ ближайшихъ родственниковъ своихъ свободными отъ крѣпостной зависимости. Извѣстно, что владѣлецъ ихъ готовъ былъ дать волю всѣмъ имъ, но только *безъ земли*, что, конечно, не имѣло смысла. И вотъ, послѣ личныхъ попытокъ вести переговоры съ владѣльцемъ и послѣдовавшихъ неудачъ, пришлось Шевченку обратиться къ разнымъ лицамъ за содѣйствіемъ и помощью и, между прочимъ, привлечь къ этому дѣлу «Общество для пособія литераторамъ». Всѣ хлопоты увѣнчались успѣхомъ; въ 1860 году: за нѣсколько мѣсяцевъ до акта освобожденія крестьянъ вообще получили свободу родичи Т. Г. Шевченка, о чемъ подробно было сообщено

тогда-же въ «Народномъ Чтеніи» (1860 г. кн. 5-я). Среди лицъ, принимавшихъ въ этомъ горячее участіе, были—И. С. Тургеневъ и А. Д. Оболонскій, издатель журнала «Народное Чтеніе», который и обратился къ Тургеневу за содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ. Помѣщаемое ниже письмо Тургенева къ Оболонскому, еще нигдѣ не напечатанное и любезно доставленное намъ И. В. Лучицкимъ, составляетъ одинъ изъ моментовъ въ ходѣ этого дѣла, въ которомъ, какъ видно между прочимъ, принималъ участіе и Кавелинъ.

«Я пріѣзжалъ съ тѣмъ, чтобы сказать Вамъ, что комитетъ съ удовольствіемъ и готовностію принялъ на себя написать отъ своего имени письмо къ владѣльцу родственниковъ Шевченка; поручено доставить это письмо Кавелину, а я пріѣзжалъ узнать отъ Васъ имя это(го) помѣщика, его адресъ, имена Шевченковыхъ родственниковъ и т. д, чтобы передать все это Кавелину,—и потому покорно прошу передать мнѣ всѣ желаемыя свѣденія для того, чтобы я ихъ доставилъ Кавелину. Чѣмъ Вы скорѣе это сдѣлаете, тѣмъ скорѣе пойдетъ письмо. Дружески жму Вамъ руку преданный Вамъ Ив. Тургеневъ.

4 марта пятница

Былъ также Я. Полонскій. **В. Н—ко.**

Письмо Т. Г. Шевченко къ А. Д. Оболонскому. Хотя печатаемое ниже письмо или—лучше сказать—записочка Шевченка не датирована, но приблизительный моментъ написанія ея можно установить на основаніи слѣдующихъ соображеній.

А. Д. Оболонскій, издатель «Народнаго Чтенія», рѣшилъ знакомить своихъ читателей съ судьбою и дѣятельностью лицъ, самостоятельно, своими талантами проложившихъ себѣ путь въ жизни, а также помѣщать въ изданіи своемъ произведенія такихъ лицъ. Съ подобнымъ предложеніемъ обратился онъ и къ Шевченку. И вотъ—результатомъ перваго была извѣстная «Автобіографія» его, первоначально набросанная рукою самого поэта (см. Кіевская Старина 1885 г. № 11), а затѣмъ передѣланная и выправленная П. А. Кулишомъ, въ какомъ видѣ и напечатана въ Народномъ Чтеніи (1860 года, № 5), а откликъ второго видѣнъ въ помѣщенномъ тамъ-же стихотвореніи поэта (Огни горять, музыка грає) въ переводѣ на русскій языкъ Курочкина (1860 г. № 6) [1]). Вѣроятно, къ этому послѣднему мо-

[1]) Въ 1859 г. № 5 помѣщено было тамъ-же одно малорусское стихотвореніе поэта.

менту и относятся нижеслѣдующія строки Шевченка къ Оболонскому:

«Милостивый государь Александръ Демьяновичъ! Стихотворенія, которыя вамъ нравятся, выпишите изъ прилагаемой рукописи; я не имѣю времени. Рукопись оставьте у себя до будущей субботы. Вашъ покорный слуга Т. Шевченко.

Предложите перевести Курочкину то, что вы найдете удобопереводимое».

В. Н—ко.

Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ Е. Б. Піуновой (Шмидгофъ).

Эпизодъ одного изъ очень частыхъ увлеченій Шевченка женщинами, увлеченій, доводившихъ его до сватовства, давно извѣстно намъ, какъ изъ дневника поэта, такъ и со словъ самой той личности, къ которой относилось это увлеченіе. Екатерина Борисовна Піунова (въ замужествѣ Шмидгофъ) только что начала выступать на сценѣ нижегородскаго театра какъ разъ въ тотъ моментъ (1858 г.), когда Шевченко, возвращаясь изъ ссылки, долженъ былъ остановиться въ Нижнемъ, по предписанію полиціймейстера, и—какъ оказалось—надолго. Увлекшись этой талантливой актрисой, совсѣмъ еще дѣвочкой (15 лѣтъ), поэтъ, позабылъ то, что въ данныхъ случаяхъ прежде всего нужно помнить—разницу лѣтъ (ему было тогда 44 года)—и рѣшился сдѣлать ей предложеніе, въ результатѣ котораго получился, какъ и слѣдовало ожидать, отказъ. Несмотря, однако, на этотъ разрывъ, сама Екатерина Борисовна сохранила о поэтѣ самыя теплыя чувства, что прекрасно видно изъ воспоминаній ея, нашедшихъ себѣ мѣсто въ брошюрѣ Н. Ѳ. Юшкова, изданной въ 1890 году подъ заглавіемъ «Къ исторіи русской сцены» ко дню тридцатилѣтія артистической дѣятельности уважаемой артистки. Среди этихъ воспоминаній ея мы находимъ нѣсколько строкъ, удѣленныхъ и памяти нашего поэта. Считаемъ нелишнимъ перепечатать эти строки, извѣстныя, вѣроятно, немногимъ изъ нашихъ читателей.

В. Н—ко

«1856—1857 годъ я играла въ «Нижнемъ», уже во вновь отстроенномъ театрѣ.

«Къ этому времени относится и мое знакомство съ знаменитымъ поэтомъ Тарасомъ Григорьевичемъ Шевченкомъ, осчастливившимъ меня тогда своимъ вниманіемъ и даже сдѣлавшимъ мнѣ вели-

кую честь—предложеніе стать его супругой... Тогда, 15-лѣтняя дѣвченка, я, конечно, не могла оцѣнить этого великаго человѣка, но за то всю жизнь потомъ гордилась и горжусь тѣмъ, что обратила на себя его вниманіе. У барышенъ 40-хъ—50-хъ гг. всегда долженъ былъ быть альбомъ, куда вписывались стихи на память. Былъ такой альбомъ и у меня. И чего-то, чего въ немъ не было; напр.: «Прости, въ послѣдній часъ разлуки не ломай себѣ руки и не забудь такого-то» или: «На послѣднемъ на листочкѣ напишу четыре строчки». Такъ вотъ въ такой-то альбомъ написалъ мнѣ, глупой дѣвочкѣ, и Шевченко. Привожу написанное имъ на память, ибо альбомъ мой зачиталъ одинъ изъ «любителей» литературы, выпросившій его не надолго:

Утоптала стежечку черезъ яръ,
Черезъ горы, серденько, на базаръ,
Я два шаги—три шаги пронила,
За копійку дударя найняла.
Заграй мени, дударю, у дуду,
Нехай же я свое лышенько забуду![1]).

Тарасъ Григорьевичъ бывалъ у насъ каждый день, и его всѣ ужасно любили... Мои братья и сестры положительно, бывало, его облѣпятъ, и онъ съ ними по цѣлымъ часамъ забавляется, поетъ имъ малороссійскія пѣсни. Въ одно изъ такихъ обыденныхъ посѣщеній,—вдругъ Тарасъ Григорьевичъ заявляетъ, что ему нужно что-то сообщить важное. Слухайте-ка, батько и матко» (онъ часто такъ называлъ, любя, моихъ отца и мать, и, говоря, обыкновенно мѣшалъ русскія слова съ малороссійскими) «и ты Катруся» —(такъ онъ всегда звалъ меня),—прислухай. Вы давно меня знаете, видите: вотъ я какой есть, такой и буду. У васъ, батько й матко,—есть товаръ, а я купецъ—отдайте мнѣ Катрусю!». Какъ ни любили мы Тараса Григорьевича, но тутъ вся семья свѣту Божьяго не взвидѣла—вѣдь товару-то 15-ти лѣтъ еще полныхъ не было, а купцу-то подъ 50-тъ. Да и вообще, что въ немъ было жениховскаго?—Сапоги смазные, дегтярные, тулупъ чуть не нагольный, шапка самая простая, да та-

[1]) У насъ имѣется превосходно сдѣланная подъ руку Шевченка копія этого стихотворенія изъ альбома Е. Б. фонъ-Шмидгофъ. Копію эту списалъ въ 1862 г. въ Харьковѣ мужъ артистки М. К. Шмидгофъ, а намъ любезно передалъ ее А. М. Лазаревскій. Видно, что Е. Б. Шмидгофъ забыла это стихотвореніе, т. к. въ приведенномъ ею текстѣ пропущены нѣкоторые стихи, а иные передѣланы, сравнительно съ той копіей, какая имѣется у насъ.

кая страшная и въ патетическія минуты Тараса Григорьевича хлопающаяся на полъ въ день по сотнѣ разъ. Послѣ долгихъ, жаркихъ разговоровъ рѣшили—ждать годъ, а то и два... Уѣхалъ Тарасъ Григорьевичъ вскорѣ въ Питеръ, и кто же не помнитъ, что творилось во время его пріѣзда туда!... Много писемъ было получено моимъ отцомъ отъ Тараса Григорьевича,—а прямого отказа все не было, но.. пріѣхалъ изъ Екатеринбурга Максимильянъ Карловичъ Шмидгофъ и произвелъ на Катрусю сильное впечатлѣніе... Такъ что какъ-то на Пасхѣ послали Тарасу Григорьевичу отвѣтъ съ окончательнымъ отказомъ» ... Во время пребыванія Тараса Григорьевича въ Нижнемъ въ гости къ нему пріѣзжалъ *Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ* и, по желанію Шевченка и нижегородцевъ, узнавшихъ о пріѣздѣ великаго артиста, онъ сыгралъ нѣсколько спектаклей.

«Т. Г. а ему въ угоду и Михаилъ Семеновичъ,—продолжаетъ Е. Б.,—учили меня малороссійскому языку и вдолбили роль «Тетяны», въ оперетѣ «Москаль Чаривныкъ», такъ что и по сей часъ я ее, какъ «Отче нашъ», знаю. Въ «Москалѣ Чаривныкѣ» играла я «Тетяну» а въ «Мирондолинѣ»—заглавную роль. Обѣ эти роли проходилъ со мною геніальный артистъ, самъ М. С. Щепкинъ!...

Къ помѣщаемымъ двумъ рисункамъ Т. Г. Шевченка. Читателямъ, конечно, хорошо извѣстны разнообразные портреты Т. Г. Шевченка, бо́льшею частію приложенные къ его Кобзарю разныхъ изданій. Многіе изъ этихъ портретовъ рисованы самимъ поэтомъ въ разные годы его жизни и общественныхъ положеній. Большинство такихъ авто-портретовъ собрано въ послѣднемъ художественномъ изданіи В. В. Тарновскаго «Офорты Т. Г. Шевченка» (Кіевъ 1891 г.—сто экземпляровъ, не бывшихъ въ продажѣ); но въ коллекціи нашего уважаемаго любителя и собирателя мѣстной старины и достопримѣчательностей имѣется еще одинъ портретъ Шевченка, рисованный имъ самымъ въ молодые годы. Этотъ карандашный портретъ, благодаря любезности собственника его, предоставившаго намъ право издать его фототипіей при нашемъ журналѣ, мы и помѣщаемъ теперь, какъ очень характерный по простотѣ и выразительности физіономіи, рѣзко отличающихъ этотъ оригиналъ отъ другого, извѣстнаго уже раньше, гдѣ тоже поэтъ нашъ представленъ въ молодые годы.

Второй рисунокъ—хата, въ которой родился Шевченко, въ с. Кириловкѣ. Рисунки такой хаты были помѣщевы уже въ иллюстриро-

ванныхъ изданіяхъ, но не съ этого оригинала, достовѣрность котораго не подлежитъ сомнѣнію, такъ-какъ онъ находится въ альбомѣ рисунковъ Т. Г. Шевченка, принадлежащемъ тоже В. В. Тарновскому, и на немъ сдѣлана подпись со словъ самого художника [1]).

Воспоминанія о покойномъ А. А. Потебнѣ. Послѣ смерти выдающагося по умственнымъ силамъ человѣка получаютъ особую цѣну всякія воспоминанія объ особенностяхъ его нравственнаго и умственнаго содержанія: самостоятельно проявляться они уже не могутъ и становятся достояніемъ исторіи. Смерть извѣстнаго члена Академіи Наукъ и профессора Харьковскаго университета А. А. Потебни вызвала уже такого рода воспоминанія одного изъ бывшихъ его слушателей А. Горнфельда, помѣщенныя имъ въ «Харьковскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 332 отъ 29 декабря прошлаго года). Въ виду того сильнаго вліянія, какое имѣлъ покойный сотрудникъ «Кіевской Старины» на развитіе и направленіе не однихъ только филологовъ, но вообще всего учащагося юношества, перепечатываемъ эти воспоминанія, характеризующія А. А. Потебню, какъ профессора-учителя.

Лекціи А. А. Потебни.

(Изъ воспоминаній бывшаго слушателя).

Время, непосредственно слѣдующее за смертью выдающихся людей, чаще всего вызываетъ воспоминанія; острое чувство потери человѣка дѣлаетъ эти воспоминанія ярче и живѣе. Безвременная смерть А. А. Потебни пришла такъ неожиданно, что не сразу дала опомниться; теперь-же, когда непосредственное ощущеніе тяготы остыло, отстоялось, я позволяю себѣ подѣлиться съ другими нѣкоторыми воспоминаніями о лекціяхъ покойнаго профессора. Я не разсчитываю дать что нибудь цѣльное и законченное вродѣ характеристики профессора—я былъ у него только случайнымъ слушателемъ въ теченіе одного года, и центръ тяжести моихъ занятій лежалъ тогда въ другомъ мѣстѣ; я думалъ только почтить дорогую мнѣ память усопшаго—внести и свою долю въ матеріалы для его будущей біографіи и, если удастся, сообщить другимъ хоть незначительную частицу того настроенія, какое создавала для насъ его лекція.

Это было въ весеннемъ семестрѣ. Я скучалъ въ сборномъ залѣ въ ожиданіи лекцій, когда ко мнѣ подошелъ знакомый студентъ—ма-

[1]) Объ этомъ альбомѣ см. „Кіевская Старина“ 1886 г. № 2.

тематикъ: «Пойдемъ, послушаемъ Потебню».—«Вотъ охота,—какой нибудь перебой звуковъ? И такъ скучно.» — «Нѣтъ, теорія словесности—и, право, хорошо.» — «Пойдемъ пожалуй.» Съ тѣхъ поръ я не пропускалъ этихъ лекцій; впечатлѣніе, вынесенное мною изъ первой лекціи, только усиливалось въ теченіе послѣдующихъ; все показалось мнѣ здѣсь новымъ, необычнымъ и своеобразнымъ, все призывало къ иному отношенію къ дѣлу и къ словамъ профессора. Какъ теперь, помню эту маленькую аудиторію, десятокъ слушателей и серьезную, вдумчивую рѣчь учителя. Да, для насъ это былъ именно «учитель» въ наиболѣе возвышенномъ смыслѣ, учитель, принесшій сюда всего себя—всю многолѣтнюю работу мысли, всѣ свои неисчерпаемыя богатства знанія, всю горячую любовь къ истинѣ, философское міросозерцаніе и—самое дорогое въ немъ—чисто юношеское одушевленіе, сообщавшееся непосредственно слушателямъ.

Уже съ самаго начала васъ подкупала эта своеобразная манера изложенія: это былъ простой разговоръ о весьма сложныхъ вещахъ. Ничего, напоминающаго рѣчь съ каѳедры, приготовленную, плавную, искусственную. Точная, ясная, сжатая, какъ на мѣди гравированная, формула создавалась чаще всего здѣсь, на нашихъ глазахъ. Онъ останавливался, задумывался, рылся въ своей сѣренькой папкѣ, перебиралъ и перечитывалъ бумажки; мы ждали, пока онъ съ напряженіемъ, обличавшимъ сильную работу мысли, задумчиво, сосредоточенно, раздѣльно выставлялъ положеніе; затѣмъ переходилъ къ его развитію или обоснованію. Иногда онъ спрашивалъ: «Понимаете?» —и, несмотря на утвердительный отвѣтъ, посмотрѣвъ на студентовъ, говорилъ: «Нѣтъ, не понимаете» —и излагалъ мысль снова, въ другой связи, въ другомъ развитіи. Иногда лекція переходила въ діалогъ: онъ спрашивалъ, заставлялъ студентовъ самихъ задуматься, пользовался ихъ ошибками для дальнѣйшихъ выводовъ, указывая на характерность и психологическую необходимость этихъ ошибокъ. Несмотря на то, что въ его рѣчи не было ничего предвзятаго, подготовленнаго,—все было разсчитано на то, чтобъ будить и будить мысль, дѣлать ее ясной, послѣдовательной, самостоятельной. Процессъ мысли совершался въ немъ такъ наглядно, такъ выпукло, я сказалъ бы—такъ изящно, что ученика втягивало въ эту работу. Вы не были пассивнымъ слушателемъ, а какъ бы сотрудникомъ, потому-что эти идеи не усваивались легко: онѣ требовали самодѣятельности. Это не было гладкое изложеніе элементарной системы цеховой науки—наука создавалась здѣсь, и вы участвовали въ ея созданіи. Слушатель уходилъ изъ ауди-

торіи не съ готовыми общими мѣстами, а съ новыми мыслями, продолжавшими свое теченіе и на другой лекціи, и дома, и въ вечерней товарищеской бесѣдѣ. Вся система изложенія вела не къ удобству запоминанія, а къ возбужденію мышленія. Иногда, высыпавши цѣлую груду разнообразныхъ и на первый взглядъ несвязныхъ фактовъ, профессоръ вдругъ освѣщалъ ихъ такимъ захватывающимъ обобщеніемъ, что слушателя словно осѣняло. Иногда онъ вдругъ выставлялъ положеніе интересное и важное, но совсѣмъ не связанное съ предыдущимъ и послѣдующимъ, какъ будто онъ только что вспомнилъ это и, боясь позабыть, спѣшилъ подѣлиться съ нами. Помню—одинъ разъ онъ разбиралъ ученіе Аристотеля объ элементарныхъ формахъ поэтическаго творчества, читалъ много выписокъ, но не успѣлъ сдѣлать вывода; звонокъ прозвонилъ, онъ остановился, задумался и вдругъ сказалъ: «искусство всегда идетъ впереди науки: ну-да, такъ оно и должно быть. Въ вопросахъ соціологіи и психологіи это особенно очевидно». Связи съ предшествующимъ не было никакой, но такъ дѣятельна была его мысль, такимъ широкимъ путемъ шла, что для насъ ея теченіе было всегда какъ-то шире того, что непосредственно касалось излагаемаго предмета: факты, сообщаемые имъ, будили новыя отвлеченія въ другихъ областяхъ мысли, и онъ бросалъ ихъ мимоходомъ. Особенно часто это приходилось на долю психологіи, и его психологическіе выводы изъ филологическихъ фактовъ были чрезвычайно интересны; такъ, припоминаю для примѣра выясненіе путемъ исторіи языка того общеизвѣстнаго положенія, что врожденныхъ категорій времени, пространства и т. д. человѣкъ не имѣетъ, что онъ рождается только со способностью воспріятія. Къ истинѣ можно вести по глухой тропинкѣ и по широкой дорогѣ; онъ велъ насъ этимъ послѣднимъ путемъ, не забывая указывать на каждое встрѣчное явленіе, на каждый интересный фактъ. И вся эта масса фактовъ, разнообразныхъ и сложныхъ, свободно запоминалась, легко укладываясь въ обобщенія, которыя она иллюстрировала. На этихъ иллюстраціяхъ стоитъ особенно остановиться. Все вело профессора къ тому, чтобъ обставлять свою мысль множествомъ примѣровъ, дѣлать ее какъ можно болѣе конкретной—его строго положительный методъ изслѣдованія, его основные идеи о значеніи образа, его поэтическая натура, его обширныя знанія. Онъ легко, широкой рукой черпалъ груды доказательствъ изъ области сравнительнаго языкознанія, исторіи литературы, философіи, психологіи. Русское словечко только что выхваченное изъ нѣдръ народной жизни—и «Изре-

ченіе» Гете, «Гамлетъ» и «Египетскія ночи», новелла Боккачіо и фраза изъ «Копперфильда», книга Аристотеля и замѣчаніе Буслаева, Гейне и Ливій, Апулей и Мицкевичъ, поговорка и романъ, пѣсенька и поэма—проходили чредой предъ ученикомъ, разомъ вызывая, развивая и подкрѣпляя требуемую мысль. Безконечное разнообразіе и богатство отдѣльно, мимоходомъ, между прочимъ брошенныхъ цитатъ, сравненій, сопоставленій, замѣчаній дѣлали изъ этой простой тихой бесѣды блестящую, точную и остроумную causerïe. И затѣмъ, это художественное чтеніе образцовъ литературы, этотъ благородный складъ рѣчи, этотъ изящный, поэтическій, рельефный языкъ—все вело къ тому, чтобъ вполнѣ отдаться содержанію этой рѣчи.

И здѣсь мы встрѣтили нѣчто совершенно неожиданное. Новый міръ открывался предъ изумленными учениками. Изслѣдованію произведеній искусства давались такія точныя, истинно научныя основы, о какихъ еще мечтаетъ теорія искусства. Тѣ самые вопросы, которые по неясной постановкѣ, по партійнымъ вліяніямъ, по неумѣнію и незнанію служатъ яблокомъ раздора въ критической литературѣ, здѣсь получали, если не рѣшеніе, то путь къ нему, провѣренный и надежный. Иначе и быть не могло при данномъ методѣ: то, что рѣшалось у насъ исходя изъ предвзятыхъ произвольныхъ положеній, строилось здѣсь только изъ вѣрнаго, очищеннаго научной критикой матеріала. Этотъ позитивизмъ былъ особенно неожиданъ въ области, гдѣ такъ властно царятъ до сихъ поръ нѣмецкая метафизика «курсовъ» теоріи словесности и прогрессивные или консервативные «принципы» журнальныхъ критиковъ, равно безпочвенные, равно апріорные, равно оторванные отъ живыхъ явленій въ сферѣ искусства, равно занимающіеся не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, что имъ было-бы желательно. И эти разнообразныя литературныя мнѣнія примирялись здѣсь не путемъ натяжекъ и уступокъ, не вялымъ безразличіемъ, не той «широкостью», которую Достоевскій противополагалъ широтѣ: въ новомъ свѣтѣ основныхъ идей профессора объединялись эти противоположныя теоріи; въ его широкомъ взглядѣ на творчество и его законы было мѣсто всякимъ мнѣніямъ и, повторяю, не въ ущербъ категорической опредѣленности этого взгляда и не въ угоду эклектической формулѣ: «съ одной стороны нельзя не сознаться» и т. д. Надъ этой расплывчатостью онъ любилъ посмѣяться и, помню съ улыбкой объяснялъ, что значитъ выраженіе «пальцемъ въ небо». «Небо, говорилъ онъ, велико и попасть въ него не трудно—куда ни ткни, вездѣ будетъ небо; а вотъ опредѣленную точку въ небѣ ука-

зать...» И къ чужому мнѣнію онъ всегда умѣлъ отнестись съ тѣмъ высоко академическимъ тактомъ, который свойственъ лишь людямъ, стоящимъ на высотѣ знанія: чужая мысль отвергается неограниченно, рѣзко, непреклонно—и въ то же время такъ мягко и деликатно, какъ будто затрагивается душевная жизнь самаго близкаго человѣка.

Это, между прочимъ, особенно ярко и любопытно проявилось на отношеніяхъ профессора къ извѣстной диссертаціи «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», основной взглядъ которой (о превосходствѣ дѣйствительности надъ искусствомъ) былъ съ его точки зрѣнія только плодомъ печальнаго недоразумѣнія. Здѣсь не мѣсто, конечно, излагать тѣ воззрѣнія, которыя онъ ставилъ исходнымъ пунктомъ своей «теоріи словесности». Кой что онъ успѣлъ высказать въ своихъ печатныхъ трудахъ, кой что заключается, быть можетъ, въ его посмертныхъ произведеніяхъ, которыя, надо надѣяться будутъ изданы. Глубина, богатство и значеніе его взглядовъ въ этой области и, въ частности, въ вопросахъ психологіи творчества, достаточно ограждаютъ ихъ отъ изложенія въ скромныхъ воспоминаніяхъ случайнаго слушателя. Мнѣ хотѣлось только указать на одну характерную и, смѣю думать, многообѣщающую особенность его метода: на стремленіе вести изслѣдованіе отъ простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ. Опредѣляя искусство, какъ мышленіе въ образахъ, онъ излагалъ долгую и сложную исторію языка; слово являлось въ этой исторіи продуктомъ послѣдовательныхъ переходовъ мысли, гдѣ каждый переходъ былъ созданіемъ новаго образа: исторія языка становилась исторіей искусства и поэтическое выраженіе дѣлалось не матеріаломъ, не украшеніемъ рѣчи, а самостоятельной, элементарной, простѣйшей формой художественнаго творчества. И, какъ естественныя науки, разлагая сложныя явленія на простѣйшія или выбирая для изслѣдованія изъ системы явленій наименѣе сложныя, достигли громадныхъ результатовъ, такъ и въ этой области примѣненіе метода изслѣдованія элементарныхъ формъ, привело къ блестящему успѣху.

Я хотѣлъ бы теперь сказать нѣсколько словъ о томъ нравственномъ воздѣйствіи, какое оказывалъ профессоръ на слушателей, но я мало вращался въ кругу его профессіональныхъ, постоянныхъ учениковъ, студентовъ-филологовъ; позволяю себѣ поэтому разсказать кой-что о тѣхъ немногихъ, съ которыми я былъ близокъ. Духовное вліяніе профессора на мой кружокъ было громадно. Въ эти тяжелые дни смѣшенія понятій, отрицанія «забытыхъ словъ», мы неожиданно встрѣтились съ такимъ возвышеннымъ, поистинѣ «человѣческимъ» міро-

созерцаніемъ, какое знали только изъ книгъ, да и то едвали понимали по настоящему. Профессоръ наполнялъ своей личностью, своимъ содержаніемъ своими воззрѣніями; за ученымъ мы видѣли человѣка за теоретическимъ изложеніемъ спеціальной науки намъ видѣлась другая правда, которая передавалась намъ не доказательствами, а убѣжденіемъ, не логическимъ анализомъ, а настроеніемъ. Ни въ партійной узости, ни на распутьи оставаться было нельзя—насъ тянула эта широта взглядовъ, это проникновеніе въ суть явленій, это стремленіе индивидуализировать явленіе, не вгоняя его насильно въ прямолинейныя обобщенія; съ другой стороны, зарождалось убѣжденіе, что широта не есть индифферентизмъ, что даромъ она не дается—надо имѣть на нее право, что мало хотѣть—надо умѣть и смѣть быть широкимъ, что она, наконецъ,—тоже крестъ, ибо требуетъ жертвъ и приноситъ отвѣтственность.

Въ лекціяхъ по теоріи словесности не могли, конечно, имѣть мѣсто тѣ «вѣчные вопросы», которые составляютъ оффиціальный удѣлъ философа и теолога,—но именно эти вопросы составляли фонъ многихъ лекцій—и въ какой формѣ, въ какой обработкѣ!.. Съ горящими глазами, съ задумчивой улыбкой, съ волненіемъ человѣка, говорящаго о «самомъ важномъ», профессоръ дѣлился съ учениками продуманнымъ, пережитымъ, старался ввести ихъ въ свое міровоззрѣніе, въ свое пониманіе истины. Для насъ это было по истинѣ «новое слово»,—новое до неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительное по той быстротѣ, съ какой оно становилось близкимъ, своимъ, понятнымъ, по той пластичности, съ какой входило въ составъ міросозерцанія Стѣны маленькой аудиторіи раздвигались. Предъ взволнованнымъ слушателемъ вставалъ безконечный просторъ царства мысли, царства правды. Это было то, зачѣмъ мы шли въ университетъ...

Я вспоминаю рядъ лекцій, носившихъ неопредѣленное названіе «Обзора поэтическихъ произведеній». Профессоръ пытался объединить нѣсколько весьма далекихъ другъ отъ друга произведеній общей идеей: идеей одиночества личности въ «потокѣ событій» и—еще шире—идеей сопоставленія единицы съ безконечнымъ. «Мѣдный Всадникъ», «Германъ и Доротея», санскритская басня и «Пѣсня о Горѣ Злосчастьѣ» получали новое истолкованіе, оригинальное и глубокое, являлись въ новомъ свѣтѣ и, объединенныя въ этомъ широкомъ обобщеніи, пріобрѣтали особенное значеніе. Это былъ блестящій образецъ истинной критики—научнаго изслѣдованія произведенія искусства; ученый изслѣдователь не гнался за указаніемъ недо-

статковъ или внѣшнихъ достоинствъ, съ точки зрѣнія теорій «прикладнаго» или «чистаго искусства»; онъ не уходилъ въ библіографическія подробности, онъ, наконецъ, и не занимался здѣсь публицистикой, выясненіемъ общественнаго значенія произведенія—онъ захватывалъ глубже; поэтическое произведеніе, вновь перечувствованное и продуманное, вставало предъ ученикомъ въ новомъ пониманіи, во всей своей цѣлостности, красотѣ и глубинѣ, ученику сообщалось «настроеніе» произведенія, его внутренній міръ, его психика—отсюда и истинное пониманіе его значенія. Два критерія выставлялъ профессоръ для оцѣнки поэтическаго произведенія: новизну обобщенія и широту его. Съ одной стороны, произведеніе постольку важно, поскольку оно вноситъ что-нибудь новое; оно велико, если оно—дальнѣйшая ступень въ исторіи мышленія, если оно—дѣйствительный «переходъ мысли отъ извѣстнаго къ неизвѣстному»; съ другой стороны, поэтическій образъ тѣмъ выше, чѣмъ обобщеніе, заключенное въ немъ, шире, многостороннѣе, живучѣе, чѣмъ большій кругъ разнообразныхъ явленій дѣйствительности оно захватываетъ. Съ этой точки зрѣнія падала, конечно, общественно-партійная оцѣнка произведенія, но тѣмъ яснѣе выступало его истинное значеніе,—общественное въ самомъ высокомъ смыслѣ. Но это не все: тотъ смыслъ, который профессоръ придавалъ указаннымъ произведеніямъ, требовалъ уясненія самой идеи безконечнаго,—и онъ съумѣлъ это сдѣлать съ той душевной тонкостью, той поэтичной жизненностью, той недоказывающей убѣдительностью, которая давала не мертвое пониманіе сухой схемы, а вѣру—вѣру въ безконечное безъ логическаго построенія его идеи. Насъ охватывала эта атмосфера мышленія, это волненіе творчества, это мучительное счастье стремленія къ истинѣ, *той*, *настоящей*, *большой* истинѣ; намъ сообщалась эта невысказанная горячая вѣра въ будущее. Въ отвѣтъ на слова учителя нашъ внутренній міръ вибрировалъ въ томъ же тонѣ, томъ-же тембрѣ, въ томъ-же настрое, нін. Мы не апплодировали—*это* было важнѣе рукоплесканій,—но каждый уносилъ домой сознаніе, что съ нимъ произошло нѣчто хорошее, что сегодняшній день не потерянъ, что жить и работать еще можно—и должно... Такова была эта теорія словесности.

Предо мной лежитъ его портретъ. Не знаю, какъ для другихъ—для меня это лицо полно необычайной красоты. Этотъ громадный, сильный лобъ, эта тонкая, задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пытливый властный взглядъ, это «нездѣшнее» спокойствіе,—печать высшаго напряженія духа въ этомъ слабомъ старческомъ тѣлѣ.

И это слабое тѣло еще усиливало впечатлѣніе этой исключительной жизни духа, такъ часто напоминая слова Гегеля о Гете! «Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспрянуть во всей славѣ и спокойствіи».

И оно отпало, это слабое тѣло. Тяжело подумать, какъ много унесъ этотъ человѣкъ въ могилу, какъ много невысказаннаго, недоговореннаго ушло вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело людямъ науки терять такого мыслителя, но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ въ трудные минуты безвременья, еще тяжелѣе потерять человѣка, который зналъ и умѣлъ учить, «чѣмъ люди живы».

Берлинъ, 19/31 декабря 1891.

Выставка картинъ кіевскихъ художниковъ. Настоящая выставка — кажется четвертая съ тѣхъ поръ, какъ началась попытка мѣстныхъ художниковъ экспонировать свои произведенія въ Кіевѣ. Общимъ своимъ впечатлѣніемъ она довольно точно отражаетъ тотъ современный Кіевъ, стоящій на перепутьи этнографическихъ группъ, гдѣ не возьметъ преобладанія ни одинъ культурный типъ и не процвѣтетъ самобытнымъ цвѣтомъ, гдѣ разнородные элементы тянутъ каждый въ свою сторону, гдѣ въ псевдо образованномъ обществѣ такъ незначительна интеллигентная группа, гдѣ, при общемъ упадкѣ вкуса, такъ слабъ интересъ къ продуктамъ ума и воображенія Большинство картинъ какъ будто принаровлено къ неприхотливой мѣщанской обстановкѣ, а разнородныя вліянія, замѣтныя въ пріемахъ художниковъ, не даютъ никакой ясной, господствующей ноты.

По обыкновенію, включены картины художниковъ не кіевскихъ, но находящіяся въ Кіевѣ: Айвазовскаго, Крамского, Ковалевскаго и Клевера. О нихъ говорить нечего. Мѣстная производительность опять преимущественно сосредоточилась на пейзажѣ, причемъ общій уровень работъ очень, очень не высокъ. Кой-кто изъ прежнихъ участниковъ, подававшихъ надежды, присутствуетъ теперь только совершенно незначительными этюдами, какъ напр. г. Святославскій. Огромная картина г. Галимскаго «Лѣсная глушь» — вещь декоративная и явно навѣянная извѣстными работами Шишкина въ этомъ родѣ, но все же это заслуживающая поощренія попытка перехода отъ крошечныхъ эпизодовъ фотографическаго характера къ живописи въ собственномъ смыслѣ слова. Рѣшительно выдаются на выставкѣ только

три холста г. Рашевскаго: «Десна», «Dolce far niente» (прудъ въ саду и лягушки, грѣющіяся на солнцѣ) и «Къ экзамену». Въ пейзажахъ г. Рашевскаго есть несомнѣнное чувство природы, чувствуется талантливость.

Немного болѣе искренности, правды въ краскахъ и того, что французы обозначаютъ непереводимымъ словомъ abandon—и въ лицѣ «Рашевскаго мы будемъ имѣть пейзажиста, выходящаго изъ ряду. Его картина «Къ экзамену» задумана очень мило. Среди цвѣтущаго сада молодая дѣвушка растянулась на скамейкѣ, отбросивши прочь скучную книгу. Лицо ея разгорѣлось, и видно, что думы, не имѣющія ничего общаго съ школьнымъ міромъ, волнуютъ ее. Это выраженіе горячей молодости и даетъ интересъ картинѣ, и выгодно говоритъ о свободномъ вдохновеніи художника. По взгляду рутины, на подобную тему надо-бы изобразить благонравную гимназистку, да еще пожалуй въ очкахъ. Статуэтка изъ воска того же автора «Поприщинъ» болѣе чѣмъ прекрасная попытка, свидѣтельствующая разносторонность талантливой натуры художника.

Изъ кіевскихъ живописцевъ, пріобрѣтшихъ нѣкоторое имя, замѣтнѣе другихъ всегда работы г. Пимоненка. На этотъ разъ всѣ пять его картинъ довольно сѣренькаго уровня. Лучше другихъ «Сваты», съ удачными фигурами пьющихъ стариковъ и просватанной дѣвушки. Изъ жанровъ сравнительно лучшее впечатлѣніе производятъ еще этюды г. Глобы. Въ нихъ какъ будто есть присутствіе души, животворящей этотъ родъ живописи, между тѣмъ какъ ея совершенно лишены на выставкѣ всѣ другія попытки этого рода. Картины г. Платонова, постояннаго экспонента и преподавателя мѣстной школы рисованія, при неизмѣнности своихъ сюжетовъ («капризницы», «дурнушки», «замарашки» и т. п.), на этотъ разъ написаны крайне небрежно и обнаруживаютъ рѣшительный упадокъ въ работахъ этого автора, имѣющаго своихъ поклонниковъ. Еще печальнѣе въ этомъ смыслѣ пейзажи г. Вжеща. Это полная ремесленность, уже близкая къ той пачкотнѣ, образцами которой могутъ служить произведенія г. г. Будкевича, Попова, Мурашка, Эртеля, г-жи Дюлемды и другихъ, непонятно какъ допущенныя на выставку. Вкусомъ и хорошимъ рисункомъ, среди картинокъ начинающихъ авторовъ, отличаются двѣ вещицы г. Данилова, изображающія полевые цвѣты.

Особнякомъ въ этомъ царствѣ пейзажа (не лишенномъ въ общемъ нѣкотораго сходства съ зеленымъ соусомъ) стоитъ огромный холстъ г. Катарбинскаго «Оргія». Это одинъ изъ образцовъ между-

народнаго искусства, въ которомъ подвизаются Макартъ, Семирадскій и проч. Немного менѣе блеску и таланта—вотъ вся разница. Извѣстно, что художники этой группы чувствуютъ особенное влеченіе къ изображенію римской жизни временъ упадка. Г. Катарбинскій вѣренъ завѣтамъ этой космополитической группы. Картина его, быть можетъ и хорошо написанная, не имѣетъ впрочемъ ничего общаго съ попытками мѣстнаго искусства.

Въ концѣ концовъ, за исключеніемъ прекрасной индивидуальности г. Рашевскаго, кіевская выставка 1892 года не даетъ ничего, что можно было-бы записать въ активъ мѣстному искусству. Но искренно слѣдуетъ желать, чтобы эти ежегодныя выставки удержались, хотя покуда они остаются еще по большей части полемъ, ждущимъ своихъ дѣлателей.

Z.

Письмо В. Ганки къ министру нар. прос. гр. Уварову. Предлагаемое письмо, по всѣмъ видимымъ даннымъ, вѣроятнѣе всего писано извѣстнымъ чешскимъ славянолюбомъ и ученымъ Вячеславомъ Вячеславичемъ Ганкою къ тогдашнему русскому министру народнаго просвѣщенія гр. Уварову. Что письмо писано именно Ганкою, а не кѣмъ нибудь другимъ, это видно, во 1-хъ, изъ самаго содержанія и, такъ сказать, окраски этого письма, отмѣченнаго такимъ глубокимъ всеславянскимъ чувствомъ, какое могло быть тогда только у Ганки [1]), а во 2-хъ, изъ перваго примѣчанія къ этому письму, принадлежащаго самому писавшему его: «Мнѣ льстили, что былъ въ началѣ 18 столѣтія въ Силезіи какой то *Hancke* славнымъ поэтомъ; но я сказалъ профессору, что я не изъ Силезіи и что если человѣкъ самъ не прославится, имя другаго его не прославитъ».

А. С—чъ.

Ваше Высокопревосходительство Милостивѣйшій Государь.

Милостивое удовлетвореніе просьбы моей относительно продолженія пребыванія въ Прагѣ г. Иванишева для окончанія лекцій

---

[1]) Такова, напр., основная мысль письма—открытіе при русской Академіи Наукъ славянскаго отдѣленія съ шестью, какъ выражается Ганка, „мѣстами“, изъ коихъ одно должно быть предоставлено, между прочимъ, малороссамъ; эта мысль высказывалась имъ и прежде сего. Таковъ взглядъ на историческое и политическое значеніе нѣмецкаго разселенія среди славянъ и вообще стремленія нѣмцевъ на востокъ... „Этотъ (т. е. нѣмецкій) гибельный для насъ потокъ не токмо еще не остановился, но укрѣпляясь на занятыхъ имъ мѣстахъ, возрастаетъ и двигается далѣе и далѣе къ востоку Европы“.

древняго права чешскаго внушаетъ мнѣ смѣлость объявить Вашему Высокопревосходительству мысли, которыя въ настоящее время для всего славянства вообще, а для Россіи особенно полезными быть считаю, если онѣ удостоятся благосклоннаго вниманія и могущественнаго покровительства Вашего.

До сихъ поръ славянскіе народы безъ всякаго пособія правительства или частныхъ лицъ болѣе или менѣе удерживали единобразіе въ языкѣ и мысляхъ, и въ тѣхъ странахъ особенно, гдѣ православіе понынѣ господствуетъ, какъ на Востокѣ и на Западѣ, хотя жъ оно такъ рано и истреблено, однако жъ еще нѣкоторые корешки свои обнажаютъ. Конечно, что отъ средоточія исходящіе лучи чѣмъ болѣе отъ него расходятся, тѣмъ разнообразнѣйшій цвѣтъ показуютъ. Все это различіе дѣлалось въ нравахъ и въ языкѣ постепенно и почти незамѣтно; но нынѣ, когда просвѣщеніе съ такимъ успѣхомъ повсюду распространяется, начинаетъ болѣе, нежели когда либо, чувствовать необходимость точной славянской терминологіи относительно наукъ, основанной на живомъ народномъ словѣ, болѣе понятной и естественной, нежели заимствованной изъ иностранныхъ языковъ, потому еще необходимѣе, чтобъ каждая отрасль великаго народа нашего безъ потери времени и излишнихъ издержекъ, какъ для ученыхъ, такъ и для учащихся, желаемаго и всѣмъ нужнаго средоточія не чуждалась. Для сего только недостаетъ высокаго покровительства и пособія. Терминологія у такъ распространеннаго народа почти полна, но она разсѣянна: тотъ имѣетъ при морѣ морскіе, тотъ въ горахъ горные, тотъ опять въ равнинахъ хозяйственные и такъ далѣе слова; сіи слова должно только другъ у друга заимствовать, и только недостающихъ предоставлять, чтобъ ихъ искусный языкоиспытатель въ духѣ славянскаго языка возсѣдалъ и такія тотчасъ всѣмъ племенамъ сообщилъ.

Исторія хорошо знаетъ, какими средствами южная Панонія, западная Славянщизна на Санѣ, Эльбѣ и Одрѣ истреблена и другіе славянскіе племена истребляются. Честь и знаменитость ихъ, полагаю, въ нашъ вѣкъ требуютъ положить всему этому предѣлы. О! сколь много къ небу взывающаго сдѣлано съ нами... Не говоря о тысячи мѣрахъ и притѣсненіяхъ, устремленныхъ прямо для уничтоженія славянства на западѣ, упомяну о нѣкоторыхъ и еще не столь начительныхъ,—и такъ напр.: Австрія отчуждаетъ Славянства познаніями или богатствомъ отличающихся своихъ подданныхъ, возвышая ихъ въ дворянство съ прибавленіемъ къ ихъ славянскому прозванію нѣ-

мецкихъ проименованій (praedicati), напр., Звѣрина *von Rüchwald*, Колика *von Jäthenstan*, Новакъ Neuberg и т. п., какъ то въ вѣнскихъ придворныхъ вѣдомостяхъ ежедневно можно начитывать. Таковая суета льститъ этимъ добрымъ людямъ: они уже подписываются дарованнымъ своимъ проименованьемъ, отказываясь навсегда отъ первобытной своей фамиліи; такимъ образомъ дѣти и внуки ихъ, забывъ свое происхожденіе, дѣлаются не токмо вѣрными нѣмцами, но жесточайшими врагами всего славянскаго. Такимъ же образомъ и профессора заставляютъ студентовъ своихъ славянскія ихъ фамиліи переиначивать или искажать въ нѣмецкія, особенно если онѣ хотя нѣсколько похожи на какое-либо нѣмецкое слово, и мало найдется такихъ, которые бъ, какъ я, или Копытарь, такому переиначиванію воспротивились [1]). Такъ Клазарь долженъ быть *Plasel*, Заверталъ— *Śauerthal*, Пѣшица—*Beschützer* etc. etc. etc. и чрезъ сіе большая часть прославившихся нашихъ земляковъ къ нѣмцамъ причисляются. Нѣмцы, хотя-жъ бы въ концѣ свѣта были, имѣютъ безпрерывное сообщеніе между собою относительно сохраненія въ цѣли своей народности и врожденной имъ страсти господствовать, если же не такъ, то по крайней мѣрѣ въ литературныхъ и промышленныхъ отношеніяхъ и хотя-жъ бы и на славянской земли рождены были и языкъ славянскій изучили, доколѣ у нихъ нѣмецкое прозваніе, то находятся всегда, какъ на вѣсахъ, въ безпрерывной нерѣшимости, къ какому принадлежать народу, но при первомъ удобномъ случаѣ въ свою пользу измѣняютъ.

Мое политическое мнѣніе состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: «Славянъ прославитъ только познаніе самихъ себя, т. е. когда каждый славянскій народъ точнѣе узнаетъ самъ себя и своихъ братей, тогда и врата Адова не одолѣютъ ихъ».

Полагаясь на могущественное покровительство вашего высокопревосходительства, я увѣренъ, что Вамъ Божіимъ внушеніемъ великій Царь такое высокое мѣсто ввѣрилъ, и что Вы къ достиженію нижеслѣдующаго достохвальнаго и толико вожделеннаго всѣми славянскими народами учрежденія прочнаго начала положить не откажитесь, говорю, какъ на сердцу у меня оно состоитъ, въ учрежденіи при Императорской Россійской Академіи шести мѣстъ Славянскаго отдѣленія, которое бы завѣдывало языкознаніемъ и литературою остальныхъ славянскихъ народовъ. Оно должно состоять изъ шести Академиковъ,

[1]) Мнѣ льстили, что былъ въ началѣ XVIII столѣтія въ Силезіи какой-то *Hancke* славнымъ поэтомъ; но я сказалъ профессору: что я не изъ Силезіи и что если человѣкъ самъ не прославится, имя другаго его не прославитъ.

соотвѣтственно шести важнѣйшимъ нарѣчіямъ, и столько же Адъюнктовъ, которые бы вмѣстѣ работая, по выбытію изъ своей части Академика, могли занять его мѣсто. Таковой Академикъ и адъюнктъ должны непремѣнно быть уроженцами изъ тѣхъ славянъ, которыхъ языкъ и письменность они имѣютъ за предметъ и должны не только языкъ и литературу своего нарѣчія, но и нравы и обычаи и исторію своего народа знать въ совершенствѣ и по своей части съ новыми произведеніями литературы состоять въ безпрерывныхъ наблюденіи, связи и отношеніяхъ, какъ и доставлять изъ библіотеки Академіи важнѣйшія произведенія. Начальникъ сего отдѣленія, избранный изъ числа Академиковъ, долженъ знать совершенно всѣ Славянскія нарѣчія и смотрѣть на то, чтобъ по возможности были всегда 1) *для Малорусскаго*: одинъ изъ южной Россіи и другой изъ Галиціи или Бѣлой Руси, или изъ Закарпатскихъ Русняковъ; 2) *для Сербскаго*—одинъ изъ Сербіи или Черной Горы, а другой—изъ Босніи или Булгаріи; 3) *для Иллирійскаго*: одинъ изъ Кроаціи, а другой изъ Стиріи, Каринтіи, Карніоліи или Далмаціи; 4) *для Чешскаго*: одинъ изъ Чехъ, а другой изъ Карпатскихъ Словаковъ или изъ Моравіи; 5) *для Сербскаго*: одинъ изъ Горной, а другій изъ Нижней Лузаціи и 6) *для Польскаго*: одинъ изъ Королевства, а другій изъ Княжества Познанскаго или изъ Кракова. Таковое отдѣленіе приготовляло бы кандидатовъ уроженцевъ Русскихъ на Славянскія катедры при университетахъ, которыхъ въ послѣдствіи съ большимъ успѣхомъ возможно было посылать за границу для усовершенствованія на мѣстѣ; для чего потребовалось бы менѣе времени и издержекъ, нежели нынѣ необходимо. Сверхъ того, это отдѣленіе должно заниматься разборомъ славанскихъ литературныхъ произведеній, и такимъ образомъ возможно бы издавать при академіи давно желаемую литературную всеславянскую газету. На его же обязанности состоитъ сочинить грамматики, какъ по діалектамъ, такъ и всеобщую сравнительную и составить всеобщій словарь, который бы вмѣщалъ въ себѣ соединеніе богатства всѣхъ славянскихъ нарѣчій, безъ чего очень многое, какъ въ филологіи, такъ и въ исторіи и географіи остается непонятнымъ; и сіе же отдѣленіе, наконецъ, должно написать истинную исторію славянскихъ племенъ и вѣрную географію своихъ земель съ настоящими неискаженными прозвищами странъ, горъ, долинъ, рѣкъ, озеръ, обиталищъ, лицъ, чиновъ и сословій [1]).

[1]) Недавно я читалъ въ „Сѣвер. Пчелѣ“ извѣстіе о сочиненіи подъ заглавіемъ: „Топографія бунцлаверскаго, кенигграцкаго и крудимерскаго округовъ“

Изученіе исторіи славянъ, нѣкогда обитавшихъ или и нынѣ еще неисчезнувшихъ въ Пруссіи, Саксоніи и австрійской имперіи, занявшихъ пространство болѣе пятнадцати тысячъ географическихъ квадратныхъ миль, чрезвычайно важно для политика и философа: изъ нея онъ увидитъ, какимъ образомъ бурный потокъ нѣмецкихъ народовъ подавилъ славянскія племена, искони аборигеновъ Европы, кои по своему просвѣщенію нисколько не уступали и не уступаютъ своимъ притѣснителямъ. Весь недостатокъ славянъ состоитъ въ томъ, что они были, какъ и нынѣ, не соединены между собою никакими политическими узами и нерѣдко враждовали между собою, бывъ подстрекаемы нѣмецкими властями. Мы, западные славяне, остатки великаго знаменитаго племени, господствовавшаго отъ Балтійскаго до Адріатическаго морей, мы нынѣ въ униженіи горько оплакиваемъ неблагоразуміе отцовъ своихъ и молимъ Бога, да прекратитъ надъ нами свое попущеніе, и да не погибнемъ совершенно. Наши взоры невольно обращаются къ Россіи, и, утѣшая другъ друга, говоримъ: Великій Государь царства русскаго есть славянинъ; Господь напутитъего быть нашимъ заступникомъ и спасителемъ. Какъ велико наше утѣшеніе и какъ велика опасность вскорѣ увидѣть свою народность невозвратимо униженную, сіе довольно извѣстно вашему высокопревосходительству. Такъ, въ австрійской имперіи славянское дворянство чеховъ, иллирійцевъ и даже въ Галиціи скоро совершенно онѣмечается, если не будетъ противодѣйствія; тоже можно сказать о купцахъ, ремесленникахъ и мѣщанахъ, и гдѣ только лишній ступень земли находится у славянъ, то тотчасъ между ними поселятся нѣмецкіе колонисты. Частныхъ заведеній для славянскаго воспитанія совсѣмъ нѣтъ; во всѣхъ публичныхъ училищахъ исключительно употребляется нѣмецкій языкъ. Такимъ образомъ 16 милліоновъ австрійскихъ славянъ неумолимо германизируются. Изучая еще глубокомысленнѣе исторію порабощенія славянъ, можно удостовѣриться, что этотъ гибельный для насъ потокъ не только еще не остановился, но укрѣпляясь на занятыхъ ими мѣстахъ, возрастаетъ и подвигается далѣе и далѣе къ востоку Европы... Всѣ междоусобные раздоры славянъ, всѣ недоумѣнія между ними и ихъ правительствами вѣчно обращались въ пользу нѣмцевъ. Словомъ сказать, славяне сами работаютъ на свою погибель и своимъ

вмѣсто болеславскаго, гродецкаго и хрудимскаго—и сносно ли русскому уху москаверскій телеграфъ? Такъ нѣмцы сдѣлали изъ нашихъ великолѣпныхъ именъ Болеславъ—*Bunzel*, Вячеславъ—*Wenzel*; Станиславъ—*Stänzel*; Святославъ—*Schwänzel*, Святополкъ—*Schweinbold* etc., etc., ect.

потомъ и кровію возвеличиваютъ инородцевъ, завладѣвшихъ ихъ отечествомъ [1]). Что есть для испанцевъ и англичанъ Америка, то для германскихъ народовъ всѣ безъ исключенія славянскія земли— въ этомъ сознаются и самые нѣмцы! все различіе въ томъ, что нѣмецкія завоеванія болѣе мирны, и за то стократъ несправедливѣе и тягостнѣе. Чтобы не говорили о причинѣ вліянія нѣмцевъ на судьбу Россіи, какъ ея чиновниковъ, купечества, ремесленниковъ и колонистовъ и пр., но можно сказать, оно не зависитъ ни отъ особеннаго покровительства, ни отъ случая, но отъ того собственно, что, подчинивъ подъ свою власть двадцать милліоновъ славянъ, часть литовскихъ и финскихъ племенъ, они уже, по ничѣмъ отвратимому року мирнаго занятія странъ на востокѣ Европы, имѣютъ свою неотъемлемую долю, такъ сказать, напередъ ими уже расчитанную и отмежеванную. И такъ, они, не будучи въ Россіи господствующимъ народомъ, пользуются всѣми его выгодами, прикрывая нерѣдко эгидой мнимой пользы и просвѣщенія. Они не имѣютъ никакого стыда обогащаться не счетъ простодушныхъ славянъ. Для нихъ нѣтъ отечества, но подобно жидамъ одна выгода, и еще къ тому и страсть къ господству.

Познаніе славянской исторіи еще необходимѣе для русской дипломатіи. И сколько бъ избѣжали они въ XVIII вѣкѣ погрѣшностей при раздѣлѣ Польши. Мы безпристрастные наблюдатели славы и счастія Россіи весьма хорошо знаемъ, что если бы тогдашними дипломатами изучена была собственная русская исторія, то они бы недопустили милліону малороссійскихъ козаковъ, или иначе сродному сословію южной Россіи, обитавшему на правой сторонѣ Днѣпра, чтобъ ими овладѣла польская аристократія; они бы не допустили, чтобы также исчезло старорусское дворянство; чрезъ это западныя границы имперіи обезсилены, и имя великаго народа русскаго унижено на югѣ. Къ тому же вѣку принадлежитъ незнаніе, что въ Галиціи простой народъ есть малороссійскій, чрезъ сіе Россія осталась и къ ней холодною.

[1]) Уже въ среднихъ вѣкахъ Пясты принимали въ свои владѣнія нѣмецкихъ колонистовъ съ допущеніемъ и съ особеннымъ благопріятствованіемъ употреблять имъ тевтонское право; и такимъ образомъ сдѣлался исподволь statusin statu; на туземцахъ остались всѣ подати и повинности, которыя по мѣрѣ расширенія сихъ иноплеменныхъ колоній утѣснительнѣе и несноснѣе становились. Такими и еще далеко жесточайшими мѣрами, о которыхъ здѣсь умолчаю, исчезло славянство въ Нижней Силезіи и въ другихъ провинціяхъ нынѣшней Пруссіи, Саксоніи и Австріи.—См. Urkundeinsammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte in Schlesien von Tschoppe und Stanzel. Hamburg bei Perths 1832, особенно стр. 140: эта книга заслуживаетъ чтенія.

При учрежденіи вышеупомянутаго славянскаго отдѣленія невозможно сомнѣваться, что, при его средствахъ и пособіяхъ, прекрасный русскій языкъ, принявъ въ себя всѣ красоты и обиліе родныхъ братій своихъ, т. е. славянскихъ нарѣчій, развіется въ такую прелесть и силу, что съ сихъ поръ станетъ непремѣнно письменнымъ языкомъ семидесяти милліоновъ. О другихъ благопріятныхъ слѣдствіяхъ я совсѣмъ умалчиваю.

При семъ принимаю на себя смѣлость представить вашему высокопревосходительству выбитую чехами въ Прагѣ по случаю въ нашъ городъ прибытія нынѣ достославно царствующаго Императора Николая I серебряную медаль, покорнѣйше прошу милостиво оную принять и прилагаемыхъ пять таковыхъ же бронзовыхъ повелѣть доставить собраніямъ монетъ, находящихся при императорскихъ россійскихъ университетахъ. Равнымъ образомъ прилагаемый здѣсь *чешскій часопись* за 1838-й годъ.

При семъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.

Въ Прагѣ $^{1}/_{13}$ генваря 1839 г.

Къ исторіи г. Кіева и его окрестностей въ XV—XVI вв.

(Маленькое прибавленіе къ трудамъ В. Б. Антоновича: «Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст.» [1]) и М. Ф. Владимірскаго-Буданова: «Населеніе Юго-Западной Россіи») [2]).

Въ недавнее время глубокоуважаемому Александру Матвѣевичу Лазаревскому удалось пріобрѣсти остатки архива извѣстнаго польскаго государственнаго дѣятеля первой половины шестисотыхъ годовъ (1604—1646) и колонизатора Сѣверщины, Александра Пясочинскаго [3])—архива, который, два вѣка спустя, хранился у его потомка Валентина Росцишевскаго въ с. Липовкѣ, кіевскаго уѣзда, и которымъ въ сороковыхъ годахъ пользовались польскіе ученые: Юліанъ Бартошевичъ, Михаилъ Грабовскій, Александръ Пржездѣцкій, а также П. А. Кулишъ [4]). Нѣкоторые документы изъ архива Пясочинскаго

---

[1]) См. Монографіи. Т. I, Кіевъ 1885, стр. 221—264.

[2]) См. Архивъ Юго-Западной Россіи. Ч. VII, Т. I, 1886, стр. 1—85 и Т. II, 1890, стр. 1—210.

[3]) Библіографическія свѣдѣнія о Пясочинскомъ см. Zrzódła do dziejów polskich 1843, т. I, стр. 209—211.

[4]) См. Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, т. I, Кіевъ 1888, стр. 3—4.

были напечатаны въ Вильнѣ въ 1843—44 г. г. въ изданіи «Zrzódła do dziejów polskich» [1]). Къ А. М. Лазаревскому архивъ этотъ попалъ въ крайне жалкомъ видѣ. Многія кипы бумагъ настолько испорчены сыростью, что не поддаются прочтенію; документы о Сѣверщинѣ совсѣмъ исчезли, а уцѣлѣли только документы, относящіеся къ брацлавскимъ владѣніямъ Пясочинскаго, да и тѣ—разрознены и разбиты. Тщательная разборка и сортировка покажутъ въ будущемъ, что можно извлечь изъ нихъ для исторіи Брацлавщины. Кромѣ того попадаются отдѣльные акты, не имѣющіе связи между собою. Къ числу ихъ относится и актъ, любезно переданный намъ А. М. Лазаревскимъ и нынѣ предлагаемый нами вниманію читателей «Кіевской Старины». Это—выпись изъ книгъ Люблинскаго главнаго суда, въ которыя 2-го мая 1618 г., по желанію кіевскаго земскаго писаря Федора Сущанскаго-Проскуры, занесены были три акта, представленные въ судъ двумя тяжущимися сторонами: паномъ Василіемъ Максимовичемъ Панкевичемъ и паномъ Лавриномъ Васильевичемъ Лозкою [2]).

Первый изъ записанныхъ документовъ имѣетъ особенно важное значеніе, такъ какъ относится къ наиболѣе скудному свѣдѣніями въ исторіи южной Руси времени—къ княженію въ Кіевѣ Александра (Олелька) Владимировича изъ рода князей Ольгердовичей (1440—1455), отъ котораго извѣстна была до сихъ поръ одна только грамота, обезпечивающая неприкосновенность доходовъ кіевской митрополіи и освобождающая жителей митрополичьихъ имѣній отъ княжескаго суда [3]). Онъ представляетъ жалованную грамоту, по которой князь Александръ Владимировичъ отдаетъ огромныя пространства земли по обѣимъ сторонамъ Днѣпра во владѣніе своему боярину *Олехну Сожовичу*. Изъ нея видно, что еще до нашествія Менгли-Гирея въ 1482 году земли Кіевская и Переяславская были уже пусты и лишены населенія [4]). Въ предѣлахъ нынѣшняго переяславскаго уѣзда перечислено четыре мѣста бывшихъ укрѣпленій (городища: Старое, Бусурманское, Ярославское и Сальково) и четыре мѣста бывшихъ не укрѣп-

---

[1]) См. Zrzódła, стр. 25 и слѣд.

[2]) Этотъ Лозка, подчашій кіевскій съ 1590 г., по предположенію г. Голубева, былъ роднымъ братомъ Стефана Васильевича Лозки, мужа фундаторши кіево-братскаго монастыря Елисаветы Лозкиной. См. Голубевъ, Исторія Кіевской духовной академіи, вып. I, Кіевъ 1885, стр. 124—125.

[3]) См. Антоновичъ, Монографіи, стр. 237.

[4]) Маленькая поправка къ замѣчаніямъ о Переяславскомъ „повѣтѣ“ въ изслѣдованіи В. Б. Антоновича „Кіевскіе войты Ходыки“. См. Монографіи, стр. 296.

ленныхъ поселеній (селища: Булатчинъ, Круглое, Соминково и Процево). Въ предѣлахъ нынѣшней кіевской губерніи названо два мѣста бывшихъ укрѣпленій (городища: Полствинъ и Кузяковъ) и пять мѣстъ бывшихъ поселеній безъ крѣпостной защиты (селища: Бѣлки, Мохначи, Веприки, Островы и Махновщина). Остальныя даримыя урочища названы просто землями: земля Мелеховщина надъ Здвижью и земли Трудеевщина и Тригубовщина надъ Тетеревомъ. О существованіи какихъ-либо жителей въ границахъ жалуемыхъ помѣстій нѣтъ и намека; напротивъ, предполагается полное отсутствіе населенія, такъ какъ категорически заявляется, что если-бы на которомъ-нибудь «селищѣ» (мѣстѣ бывшаго поселенія) «осѣли» люди, то эти «люди» (крестьяне) безпрекословно обязаны быть «послушны» Олехну Сохновичу и его наслѣдникамъ, т. е. нести извѣстную долю натуральныхъ повинностей и давать опредѣленныя дани деньгами и натурою въ пользу владѣльцевъ земли, сообразно съ договоромъ и установившимся обычаемъ. Грамота Олехну Сохновичу относится по всему вѣроятію къ 1-му февраля 1455 года въ виду слѣдующихъ соображеній: Въ княженіе Александра Владимировича 3-й индиктъ приходился съ 1 сентября 1439 по 1 сентября 1440 г. и съ 1 сентября 1454 по 1 сентября 1455 г. Такъ какъ мы знаемъ, что Александръ вокняжился въ 1440 году, а въ 1455 году не умеръ, а только уступилъ свой престолъ сыну Симеону Александровичу, самъ-же удалился въ Печерскую Лавру, гдѣ окончилъ жизнь инокомъ въ 1484 г. [1]), то всего вѣроятнѣе полагать, что онъ наградилъ своего боярина не въ первые дни власти, а передъ отреченіемъ, которое могло послѣдовать и во второй половинѣ 1455 года. Въ такомъ случаѣ 1-мъ февраля 3-го индикта будетъ 1 февраля 1455 г.

Второй документъ представляетъ собою духовное завѣщаніе внука Олехна Сохновича—Ивана Юхновича (сынъ Олехна былъ Юхно Олехновичъ), по которому онъ распредѣляетъ все свое движимое и недвижимое имущество между 4-мя дѣтьми, другими близкими лицами и нѣкоторыми кіевскими церквами. Это завѣщаніе съ замѣчательною ясностью рисуетъ намъ кіевскаго пана начала XVI вѣка во всѣхъ подробностяхъ его бытовой обстановки—нужно добавить—поразительно бѣдной и простой. Такой бытъ могъ удовлетворять только пограничнаго жителя, постоянно угрожаемаго Ордынскимъ набѣгомъ. Кромѣ того, изъ него мы узнаемъ имена восьми кіевскихъ пановъ того вре-

[1]) См. Максимовичъ, Собраніе сочиненій. Т. II, Кіевъ 1877, стр. 229.

мени (вотъ они: Ивашко Стрыбыль, Антонъ и Ивашко Ельцовичи, Игнатъ Дедовичъ, Семенъ и Антонъ Путяшичи, Андрей Ласко и Михаилъ Половецъ), игумена Михайловскаго монастыря (о. Игнатій), священника Спасской церкви (о. Макарій) и двухъ дьячковъ (спасскій дьякъ Гришко и софійскій дьякъ Гаврило, который и писалъ завѣщаніе), также перечень четырехъ церквей, уцѣлѣвшихъ въ Кіевѣ въ эпоху найбольшаго его упадка (Святая Софія=Софійскій соборъ, святая Богородица=церковь Успенія Пресв. Богородицы на Подолѣ, святый Микола=пустынно-николаевскій монастырь, святый Спасъ=церковь Спаса на Берестовѣ въ нынѣшней крѣпости). Полагая на каждое человѣческое поколѣніе по 30 лѣтъ, мы относимъ завѣщаніе внука на 60 лѣтъ позднѣе времени пожалованія имѣніями дѣда, т. е. приблизительно къ 1513 году, на который падаетъ 1-й индиктъ.

Третій документъ—это раздѣльный листъ между двумя дочерьми предыдущаго завѣщателя, Маріей Ивановной Лозиной и Ириной Ивановной Сущанской-Проскуриной, получившими отцовское наслѣдство въ полномъ составѣ—вѣроятно, вслѣдствіе бездѣтной смерти на полѣ брани или въ Ордѣ обоихъ братьевъ Федора (Федка) и Василія (Васка) Ивановичей, внуковъ Юхна и правнуковъ Олехна Сохновича. Этотъ раздѣлъ относится приблизительно къ 4 іюля 1524 года (двѣнадцатаго индикта) и интересенъ, какъ доказательство, что и въ это время владѣнія потомковъ Олехна Сохновича оставались еще незаселенными. Такимъ образомъ подтверждается высказанный нами въ «Очеркахъ Переяславщины» взглядъ, что большинство селъ Переяславскаго уѣзда возникло между 1550 и 1650 г. г. [1]). Въ началѣ XVI вѣка все Переяславское побережье Днѣпра на протяженіи почти 40 верстъ, гдѣ теперь расположены села: Ерковцы, Сотниковъ (Ерковецкой волости), Старое (Рогозовской волости), Процевъ (Вороньковской волости), было еще невоздѣланною и дикою пустынею.—Независимо этого, мы находимъ въ раздѣльномъ листѣ имена трехъ пановъ (Юрій Скобейковичъ, Петръ Еловичъ и Юрій Богдановичъ) и Михайловскаго игумена (о. Кириллъ).

Составленный г. Ярмаховичемъ списокъ Михайловскихъ игуменовъ, напечатанный въ «Описаніи Кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря», пополняется, благодаря нашимъ актамъ, двумя именами: о. Игнатія и о. Кирилла.

---

[1]) См. Кіевская Старина, 1891, ноябрь, стр. 24.

Въ архивѣ Пясочинскаго сохранилась еще старинная копія печатаемой выписи польскими буквами, что дало намъ возможность провѣрить мѣстами плохо читаемый текстъ выписи сличеніемъ его съ польскою копіею. Текстъ печатается съ удержаніемъ всѣхъ особенностей правописанія; только знаки препинанія разставлены по современнымъ требованіямъ.

Отдѣльныя мѣста выписи, требующія поясненій, будутъ нами объяснены въ примѣчаніяхъ.

А. Стороженко.

Выпись съ книгъ головныхъ трыбуналскихъ воеводства киевъского.

Року Божого нароженя тисеча шестсотъ осмънадцатого м ца мая второго дня.

Передъ нами депутаты суду головного трибуналу любелского, на рокъ теперешний вышей менованый зо всихъ воеводствъ короны полское обраными и высажоными, при отправованю справы межи урожонымъ п-номъ Василемъ Максимовичомъ Панкевичомъ поводомъ, а урожонымъ его мл. п-номъ Лавриномъ Лозкою, подчашимъ земли киевъское позванымъ, о маетность въ земли Киевъской лежачую Труденевсчину [1]), прозываваемые Феневичи, въ которой, кгды стороны обедве титуломъ своихъ маетности тые и другие данины продкомъ своимъ и документа у суду показали, его мл. п-нъ Ѳедоръ Сусчанскій-Проскура, писаръ земский киевъский, у суду будучи, бачылъ то, ижъ въ тыхъ документахъ маетности его дедичные [2]), а которые теперъ самъ из братомъ своимъ трымаетъ [3]), и другие ему по продкахъ его мл. належачие,—суть означоны. Для того жадалъ, абы тые вси данины и документа, яко ему и маетности его належачие, были до книгъ одъ стороны до акътыкованя отданы, за чимъ и мы, судъ головний трибуналский, припатривъшись [4]) тому добре видѣчи речъ слушную, тые таковые данины и документа сторонамъ поменеными до акътыкованя подать росказалисмо, за которымъ поданемъ и пры-

[1]) Г. Похилевичъ по имѣвшимся у него даннымъ пріурочиваетъ землю труденевскую къ нынѣшнему мѣстечку *Иванкову* въ радомысльскомъ уѣздѣ кіевской губ., основанному на этой землѣ около 1589 г. кіевскимъ паномъ *Иваномъ* Проскурою, вѣроятно, потомкомъ, прибавимъ мы отъ себя, Оринки Ивановны Проскуриной, которая упоминается въ 3-мъ актѣ. См. уѣзды кіевскій и радомысльскій, Кіевъ 1887, стр. 243.

[2]) Наслѣдственныя.

[3]) Держитъ (во владѣніи своемъ).

[4]) Разсмотрѣвши.

нятемъ нашимъ першое данины, но пергаминне написаное тые суть слова рускимъ писмомъ:

Я Александръ Володымеровичъ, княжа киевское, Олехну Сохновичу далъ есми, боярину моему, городисче Старое надъ Днѣпромъ покалаурово [1]), селище Булачинъ [2]), селище Круглое [3]), селище Сошниково за Каранью зъ озерцемъ Белимъ [4]), и къ тому три городисча за Днепромъ: Бусурменское, Ярославское [5]), Сальково [6]) зъ озерцемъ Линовымъ [7]), а селисче Процево [8]); а другое именне [9]) селище Белки [10]), Мохначъ, селисче Веприки, селисче Островы надъ Ирпенемъ и Унавою, селисче Махновъщина; а землю надъ Здвиджею Мелеховъсчину, а надъ Тетеревъю Труденевъсчину и Тригубовъсчину; а на Расаве въ поли два городисча Полствинъ [11]) и Кузяковъ; а къ тому будетъ ему волъно на устью Припети два езы [12]) ставити. Того всего онъ и счадки [13]) его вечне и непорушно маетъ уживати. А пакъ ли бы на которомъ селисчы люде осели, то и тые люде мають быти послушни его и счадковъ его, не мовячи. Сю былъ данину далъ и писалъ у Киевѣ февраля перваго дня индикта третего (1455 ?) У того листу паркгаминового привесчитая печать одна.

Другий листъ такъ се въ собе маетъ:

Я Иванъ, Юхновъ сынъ Олехновича, будучи на постели Божой, пишу сюю духовницу мою своимъ целымъ розумомъ и зуполнымъ умомъ, счо которые именни мои у киевъской земли на име:

---

[1]) Городище Старое—это нынѣшнее село Старое переяславскаго уѣзда. Покалауровымъ оно названо, вѣроятно, потому, что раньше принадлежало какому-то Калауру. Земляные валы городища сохранились и въ настоящее время.

[2]) Селище Булачинъ—вѣроятно, теперешнее с. Ерковцы, расположенное у болотистаго протока *Булатецъ*.

[3]) Для опредѣленія топографіи селища Круглаго у насъ пока нѣтъ данныхъ.

[4]) Селище Сошниково—нынѣшнее село Сошниковъ переяславскаго у. Озеро Бѣлое существуетъ и теперь въ видѣ топкаго болота, расположеннаго въ правую сторону отъ дороги изъ Сошникова въ Гусинцы.

[5]) Гдѣ находились городища Бусурменское и Ярославское, мнѣ не извѣстно

[6]) Городище Салькова—нынѣшнее с. Салькова.

[7]) Озеро Линово и теперь существуетъ вблизи. с. Салькова подъ этимъ-же именемъ.

[8]) Селище Процево—нынѣшнее с. Процевъ переяслав. у.

[9]) Это имѣніе цѣликомъ лежитъ въ предѣлахъ нынѣшней кіевской губ.

[10]) См. Похилевичъ, стр. 205.

[11]) См. Похилевичъ, стр. 154.

[12]) Езы это загражденія для ловли рыбы.

[13]) Наслѣдники.

городисче Старое за Днепромъ и селисче Булатчинъ зъ озеромъ Белина за Каранью, за Днепромъ городисча: Бусурманское, Ярославское, Сальковъское, Линово озеро, Процево селисче, Круглое и Сошниково; а на Здвижденю Мелеховъсчина, а на Тетереви Труденевъсчина и Трыгубовъсчина, которые теперъ въ заставе у Михайла Половъца [1]), а городисче на реце Расаве у поли: одно Полстъвинъ, а другое Кузяковъ, и уходы [2]) на Ирпени: Белки, Мохначи, Веприки и Махновщина, а на Унаве Островы—тое все сыномъ моимъ Федку а Ваську, который теперъ седыть увъ Орде, ино сынъ мой Федко маетъ его окупить, окупивши, ровно зъ нимъ поделить. А дочки мои, Орынку и Марію, обыдва сыны мои замужъ выдать и вина имъ: по два друбли и по саяну [3]) утерфиновому [4]) и муслинскому [5]) зъ кшталтиками [6]) оксамитными [7]) по два волы и по двѣ коровы—имъ дати маютъ. А тѣло мое гришное маетъ поховати сынъ мой Федко у церкви светое Софеи. А що есть готовыхъ грошей пять копъ, оно чотыры копы на сорокоустъ и на памети по души моей, а рубль грошей и конь бурый на церковъ светое Софеи, а вороный конь на светую Богородицу, а гнедый конь светому Миколе, а духовнику моему Спаскому однорядка моя портяновая [8]) исъ кнафликами [9]) серебрыными, а дяку Гришку жупица [10]) моя синяя, ложечка моя серебрная на церковъ светого Спаса—отказую, а шубка моя медвежая ино слузе моему Ѳедку, а поплечъному другу моему пану Ивашку Стрыбылю лукъ мой стрелчий со всѣмъ, а пану Анътону Ельцевичу ино

---

[1]) Михаилъ Половецъ—это князь Михаилъ Юрьевичъ Половецъ со сквара Рожиновскій, о которомъ разсказываетъ В. Б. Антоновичъ. См. Монографіи стр. 209—210.

[2]) Уходы=мѣста охоты и рыбной ловли.

[3]) *Саянъ*, особаго покроя одежда, заимствованная изъ Италіи. Самое названіе происходитъ отъ латинскаго *sagum* черезъ италіанское *sajone*.

[4]) *Утерфиномъ* называлось тонкое сукно. Линда переводитъ нѣмецкимъ. feines Tuch.

[5]) *Муслиномъ* называлась тонкая кисейная матерія, заимствованная у арабовъ. Названіе происходитъ отъ имени города Моссула.

[6]) *Кшталтикъ*=нѣчто въ родѣ нынѣшняго корсета; одежда, охватывающая талію и придающая ей стройный видъ. Италіян. mamulare нѣм. weibermiedet Вѣроятно *кшталтики* подшивались изнутри къ саянамъ.

[7]) Бархатными.

[8]) Портяновая однорядка=вѣроятно, лѣтняя одежда изъ домашняго холста.

[9]) *Кнафликъ*=пуговица.

[10]) *Жупица*—одежда въ родѣ теперешняго *жилета*. Голембіовскій въ книгѣ „Ubiory w Polsce переводитъ: kitlik bez rękawow.

шаблю мою, а пану Игнату Дедвичу шоломъ мой зо двема знаками, панцырь мой пану Семену Путятичу. А счо ми былъ виненъ Андрей Ласко рубль грошей, ино я ему тое отпусчаю. Челядь мою дворную сынъ мой Федко, наделивши усихъ, волно пустить маетъ: нехай за мене Бога просятъ. А езовисча мое, што на устьи Припети, въ заставе у чоловека церковного Васка у двохъ копахъ грошей, ино тое сынъ мой Федко окупити маетъ. Ино тая духовница моя маетъ быти держала моцно и непорочно, да коли бы се хто хотелъ нарушить, и да буди проклятъ, и да розсудится зо мною передъ милостивымъ Господомъ Богомъ на страшномъ суде. А при писаню сее мое духовницы были ихъ мл. панове киевъские: панъ Ивашко Елъцовичъ, а панъ Анътонъ Путятичъ, а панъ Андърей Ласко, а игуменъ Михайловъскій отецъ Игнатій, а попъ Спаскій отецъ Макарій, ино ихъ мл. уси на мое чоломбите печати свое приложили. А писавъ сюю мою духовницу панъ Гаврило, дякъ Софейскій, а писавъ у Киеве индикта первого (1513 ?).

А третій листъ въ тые слова писанъ;

А се мы, я Марія Федковая Лозиная, и я Оринка Сенковая Сусчанская-Проскуриная, Иванины Олехновича Юхновича, сестры родныя, поделили есмо се именями своими, которые намъ достались по брати нашомъ рожономъ пану Федку и пану Васку. Я Марія узяла есми собе имене за Днепромъ городисче Старое и селисче Булатчинъ зъ озерцемъ Белимъ за Караню, надъ Днепромъ городисче Бесурменское, Ярославское, Салковъское, Линово озеро и Процево, селисче Круглое и Сошниково, у Здвижени Мелеховсчину, а на Тетереви Труденевсчина и Трыгубовсчина, што было въ заставе у пана Михайла Половъца, а я тое откупила своими грошми. А я Оринка узяла есми обедве городисче на реце Расове у поли: одно Полствинъ, а другое Козяковъ, уходы на Ирпени: Белки, Мохначи, Веприки, и Махновъсчина, а на Унаве—Островы, што усе было въ заставе у пана Михайла Половъца, а сестра моя пани Марія своими грошми выкупила и противъ того собе болшую часть узела. А моемъ мы сами и дѣти наши подле сего делу нашого тые имення вечне держати и одна другой перешкоды и упоминаня жадного не чинити подъ зарукою на Господаря[1]) его мл. двадцатма копами грошей. А при томъ были панове киевъские: панъ Юрей Скобейко-

[1]) *Господаремъ* называется великій князь литовскій. Имъ былъ съ 1506 внукъ Ягеллы Сигизмундъ II Старый, выбранный и королемъ польскимъ.

вичъ, панъ Петръ Еловичъ и панъ Юрей Богдановичъ, а игуменъ Михайловъский отецъ Кирилъ, а писанъ у Киеве іюля четвертого дня индикта двандцатого (1524?) У того делчого листу печате притиснены чотыры. Которые жъ то выше менованые листы вси, яко одно се въ собе маютъ, за розказанемъ суду нинешнего до книгъ суть уписаны, съ которыхъ и сей выпись подъ печатю земъскою воеводства киевъского естъ выданъ. Писанъ въ Люблине.

Мѣсто Печати.

Филонъ Стрыбыль, чашникъ и депутатъ воеводтсва киевъского.
Федоръ Сущанскій-Проскура, писаръ земскій киевъскій.

Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. 1) *Записка митрополита кіевскаго Іоасафа Кроковскаго.* Іоасафъ Кроковскій былъ кіевскимъ митрополитомъ съ 1707 г. по 1718 г., т. е. въ самую тяжкую для Украины эпоху властолюбивыхъ стремленій гетмана Мазепы и грознаго суда Петра Великаго надъ его сторонниками. Послѣдніе два года митрополичьяго служенія Кроковскаго совпали съ однимъ изъ самыхъ грустныхъ событій русской исторіи—дѣломъ Царевича Алексѣя Петровича. И коварный гетманъ, и непокорный Царевичъ, были, быть можетъ, невольными виновниками злосчастной судьбы Кроковскаго—грозный царь почему то заподозрилъ митрополита въ сочувствіи Мазепѣ, а уклоненіе Кроковскаго отъ участія въ духовномъ судѣ надъ царевичемъ было ближайшимъ поводомъ царской опалѣ. Митрополитъ былъ схваченъ по пути его въ Петербургъ, въ Твери, и заточенъ въ тверскомъ архангельскомъ монастырѣ 1-го іюля 1718 г. Трагическая судьба митрополита и недостаточно выясненныя причины ея побуждаютъ дорожить всякимъ археографическимъ матеріаломъ, могущимъ хотя нѣсколько выяснить личность митрополита и характеръ его отношеній къ своимъ современникамъ, равно какъ и личности этихъ послѣднихъ. Въ виду этого мы и помѣщаемъ здѣсь письмо митрополита, съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника, несмотря на малозначительность его содержанія:

«Благородная мосьцѣ панѣ Ялоцкая, мнѣ велце мосьцѣ панѣ и благодѣтелко. Присланный вельможной милости панскей даръ талярей сто на поминаніе въ Богу зешлого его милости пана Василія милого вельможней милости паней малжонка вдячне принявши, вельце вашмосьци паней благодарствую, готовъ будучи такъ о блаженномъ его успокоеніи, яко и о многолѣтномъ вельможной милости панской

здравіи и желаемомъ спасеніи при архіерейскихъ молитвахъ незабвенно Господа Бога благаимъ, яко есмь и навсегда пребываю, вашмосьци милостивей паней и благодѣтелки всѣхъ благъ желающій пастырь и богомолецъ Іоасафъ Кроковскій, митрополитъ кіевскій. З Кіева, декабря 16 дня 1712 р.».

На оборотѣ: «благороднѣй ей милости паней Маріи Васильевой Ялоцкой, мнѣ велце мосьцѣ паней и благодѣтелцѣ».

2) *Рынокъ въ г. Остеръ.* Въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія г. Остеръ, какъ «старое», такъ и «новое мѣсто»,—сгорѣлъ до основанія, «аж до щенту». Тогдашній кіевскій полковникъ, Григорій Карловичъ сталъ хлопотать о возстановленіи злосчастнаго города, вслѣдствіе чего 10 апрѣля 1690 года въ остерской городской ратушѣ состоялось засѣданіе, на которое явились всѣ остерскія власти—сотникъ Иванъ Васильевичъ Дворецкій, городовой атаманъ Иванъ Сидко, войтъ Гарасимъ Козловскій, рочный бурмистръ Василій Михайловичъ, старшій райца Матвѣй Михайловичъ, лавники и много козаковъ и мѣщанъ. Обсужденію этого многочисленнаго собранія подлежалъ вопросъ объ утвержденіи новаго плана города. Особенно занималъ всѣхъ выборъ мѣста для рынка, наиболѣе подходящей для этого была площадь на выѣздѣ къ г. Козельцу, «передъ брамою», близъ церкви Воскресенія Христова, но на этой площади находились частныя постройки, такъ, по срединѣ площади—стояла «свѣтлица» Филиппа Слусара. И вотъ въ засѣданіи 10 апрѣля былъ возбужденъ цехмистромъ шевскаго цеха, панамъ Григоріемъ, вопросъ объ отдачѣ Слусару взамѣнъ его грунта усадьбы Татьяны Стефаники и вообще объ обязательномъ отчужденіи на предполагаемой для городскаго рынка площади всѣхъ частныхъ владѣній. Шевскій цехъ былъ особенно заинтересованъ въ снесеніи построекъ Слусаря, такъ какъ «шевци» уже выстроили себѣ на новомъ рынкѣ «комору» для продажи «ботовъ», и «будинокъ» Слусаря «ихъ шевню тыломъ заступилъ». Было постановлено «овый пляцъ Филиппа Слусаря панамъ шевцомъ въ вѣчную поссесію подати? Въ обезпеченіе безспорнаго владѣнія грунтомъ Слусаря, остерскій урядъ положилъ въ кассу магистра «вино» въ размѣрѣ 100 злотыхъ отъ имени полковника кіевскаго и 50 злотыхъ отъ остерскаго уряда, самый же актъ мѣны занесенъ въ «книгу правъ мѣскихъ ратуша острицкого» и копія съ него, за подписью сотника, атамана, войта и писаря Симеона Гавриловича Плоскаго, выдана шевскому цеху и по счастливой случайности сохранилась до нашего времени.

Н. В. Стороженко.

Листъ Тимоѳея Цыцюры. Списокъ збелорускаго писма. Листъ Тимоѳея Цыцюры найденъ въ столбцахъ московскаго стола Разряда (Архивъ Министерства Юстиціи) не въ подлинникѣ, а въ спискѣ, сдѣланномъ въ Разрядѣ, при чемъ переписчикъ, по привычкѣ считать годы отъ сотворенія міра, сдѣлалъ ошибку, написавъ 7659 вмѣсто 1659. Листъ относится къ началу гетманства Юрія Хмельницкаго.

Тимоѳій Цецюра полковникъ войска его царьского величества запорожского *переяславской* паномъ полковникомъ, сотникомъ, атаманомъ, всей старшине и черни его царьского пресвѣтлого величества, и кому о томъ вѣдати потреба, до вѣдомости доноситъ: иже выпущены зъ замку чигиринского невольники, ратные люди его царьского величества, ѣдутъ въ свои кра(и) по указу и за универсаломъ его милости пана *Юрья Хмельницкого, гетмана* войскъ его царьского величества запорожского, за которыми невольниками и мы, яко людми честными его царьского величества, пильно упрашаемъ и жедаемъ, абысте онымъ, во всемъ вѣру давше, хлѣба, соли и всякой живности и подводъ не збороняли для ласки его пресвѣтлого царьского величества и его милости пана гетмана, скоро только дая, кого мѣста и села прибудутъ, того часу абы свѣжіе подводы давали.

Писанъ въ Переяславле дня шестаго ноября 7659 (описка вмѣсто 1659) году.

Припись у листа: вашимостемъ всего добра... пріятель Тимоѳѣй Цыцюра.

(Москов. стола. столб. № 307. л. 336).

Сообщ. **В. Сторожевъ.**

Необходимыя поправки. Въ началѣ статьи моей «Современная малорусская этнографія» (1892 г. № 1) оказались слѣдующія опечатки:

На стр. 3-ей, послѣдн. строка напечатано: «формальной *старины* языка»; должно быть: «формальной *стороны* языка».

На стр. 5-ой, 20-я строка сверху напечатано: «Петрѣ *Александровичъ* и братѣ его Ник. Ал. Лавровскихъ»; должно быть: «Петрѣ *Алексѣевичъ*». Эту опечатку (или неудачное раскрытіе сокращенія) спѣшу исправить, потому-что въ бытность студентомъ я слушалъ лекціи и пользовался просвѣщеннымъ руководствомъ глубокоуважаемаго Николая Алексѣевича Лавровскаго. **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

Библіографія.

Этнографическое обозрѣніе. Изданіе Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ. Подъ редакціей секретаря этнографическаго отдѣла. Н. А. Янчука. Москва. 1891. книги VIII, IX и X.

Въ рецензіи «Кіевской Старины» на предъидущія книги «Этнографическаго Обозрѣнія» уже отмѣченъ основной взглядъ этого изданія на задачи русской этнографіи. Не можемъ не взять его за исходную точку и настоящей замѣтки. Въ статьѣ *Д. Н. Анучина «О задачахъ русской этнографіи»*, помѣщенной въ 1 книгѣ «Этногр. Об.» за 1889 г., ясно выражено, что современная «этнографія не можетъ быть наукой чисто описательной, и ея конечныя задачи должны заключаться въ объясненіи и истолкованіи фактовъ народной жизни и взаимнаго отношенія и распредѣленія племенъ» (стр. 28). Вполнѣ соглашаясь, что таковы должны быть «конечныя» цѣли данной науки, нельзя однако не думать, что при настоящемъ хаотическомъ состояніи этнографическаго матеріала такія «конечныя» цѣли пока что своего рода pia desideria. Самъ г. Анучинъ утверждаетъ въ названной статьѣ, что этнографъ-изслѣдователь долженъ прилагать къ извѣстному факту народной жизни или частности быта сравнительный методъ, долженъ слѣдить за варіаціями этого факта у различныхъ народностей, долженъ стараться воспроизвести его въ первоначальномъ его видѣ, однимъ словомъ—долженъ пытаться прослѣдить его исторію, происхожденіе, развитіе, видоизмѣненіе и постепенное исчезаніе или забываніе! (стр. 28). Но утверждая это, указывая такой отвѣтственный способъ изслѣдованія, почтенный профессоръ какъ будто забываетъ, на сколько сомнительными могутъ ока-

заться при современномъ состояніи науки результаты подобныхъ изслѣдованій съ точки зрѣнія научной достовѣрности. Намъ кажется, что у вступающихъ на указанный путь изслѣдованія необходимо должно являться опасеніе возможности злоупотребить сравнительнымъ методомъ. Для пользованія послѣднимъ вѣдь необходимо оперировать надъ величинами соизмѣримыми, другими словами—надъ данными однихъ и тѣхъ же періодовъ развитія исторической и доисторической народной жизни. Между тѣмъ во многихъ ли случаяхъ можно теперь утверждать, что по видимому даже сходные факты въ области этнографіи однородны и одновременны въ смыслѣ принадлежности къ однимъ и тѣмъ же періодамъ исторической или до-исторической жизни? Не нужны ли для этого еще большія груды этнографическаго матеріала описательнаго характера, чѣмъ тѣ, какія уже накопились въ наукѣ? Конечно, на оба эти вопроса нельзя отвѣчать иначе, какъ утвердительно, а потому и указываемый профессоромъ широкій розмахъ въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ не можетъ не быть рискованнымъ. Для выхода же изъ грубаго эмпиризма въ наукѣ изслѣдователямъ этнографамъ, какъ кажется, можно пока ограничиваться осторожной постановкой гипотезъ. Только при такомъ условіи можно разсчитывать, что научный матеріалъ не будетъ заводимъ въ своего рода ноты, которыми онъ могъ бы искажаться.

Позволяя себѣ высказать приведенный взглядъ на отмѣченное воззрѣніе по поводу задачъ этнографіи и ея метода, мы далеки однако отъ мысли не признавать богатства содержанія въ статьяхъ разбираемаго нами изданія и притомъ не только въ тѣхъ, которыя ближе стоятъ къ работамъ описательнаго характера, но и въ тѣхъ, въ которыхъ опасный сравнительный методъ въ полномъ ходу. Признать большую цѣнность большинства научныхъ работъ въ разбираемыхъ трехъ книжкахъ «Этнограф. Обпзрѣнія» мы были бы обязаны и въ томъ случаѣ, если бы касались всего даваемаго ими матеріала, но мы, въ виду задачъ нашего изданія, сдѣлаемъ это, касаясь только тѣхъ работъ, которыя такъ или иначе относятся къ нашему малорусскому югу.

Много вниманія въ данныхъ книжкахъ «Этногр. Обоз.» удѣлено вопросу о русскихъ былинахъ. Прежде всего отмѣтимъ статью *Н. С. Тихонравова. Пять былинъ по рукописямъ XVIII в.* («Этногр. Обоз.» 1891. № 1). Текстъ былинъ въ рукописяхъ, которыми пользовался г. Тихонравовъ, написанъ въ сплошную строку, и стихъ большею частью разрушенъ, тѣмъ не менѣе старое содержаніе былинъ этими

рукописями донесено къ намъ въ большей чистотѣ, чѣмъ пѣснями, записанными изъ устъ народа въ позднѣйшее время (стр. 7). Какъ въ рукописяхъ, заимствованныхъ г. Тихонравовымъ изъ его собственной библіотеки, такъ и въ извлеченныхъ изъ сборника г. Буслаева, нерѣдко, по утвержденію автора, хранятся такія версіи народныхъ былинъ, которыя совершенно неизвѣстны по позднѣйшимъ записямъ, какъ напримѣръ—версія о борьбѣ кіевскихъ богатырей съ цареградскими. Временемъ записанія былинъ и занесенія ихъ въ особые сборники г. Тихонравовъ считаетъ не только XVIII в., когда въ помѣщичьей средѣ было не мало охотниковъ до «исторій», но и XVII. По словамъ автора, многія изъ записанныхъ въ сборникахъ сказаній, подъ каковымъ именемъ значатся тамъ и былины, носятъ на себѣ явные слѣды копированія съ болѣе древнихъ рукописныхъ текстовъ, вѣрояно относящихся къ XVII вѣку; кромѣ того, есть и прямое указаніе на то, что такое записываніе былинъ могло имѣть мѣсто въ XVII в., такъ какъ существуетъ рукопись XVII в., принадлежащая Е. В. Барсову, и въ рукописи этой помѣщено «сказаніе о кѣевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ и какъ побили цареградскихъ богатырей, учинили себѣ честь». Варіантъ этотъ былъ напечатанъ въ «Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ», въ томѣ XXVIII, въ № 3 подъ заглавіемъ «Богатырское слово». Нашъ же авторъ приводитъ теперь текстъ двухъ былинъ изъ сборника Буслаева («Ставръ Годеновичъ» и «Повѣсть о Ілье Муромце и о Соловье разбойнике») и три былины изъ собственныхъ сборниковъ (1) «Сказаніе о Ілие Муромце и о Соловие разбойнике», 2) «сказаніе о трехъ богатыряхъ о Илье Муромце и о Михаіле Потоке Ивановиче и Олеше поповиче киевскихъ и о похожденіи ихъ» и 3) «сказание о сильныхъ могучихъ богатыряхъ киевскихъ: о Илье Муромце и о Михаиле Потоке Ивановиче и Алеше Поповиче»). Для спеціальнаго изученія содержанія былинъ всѣ эти записи XVIII в. представляютъ немалый интересъ. Самъ же авторъ статьи къ такому изученію въ данной работѣ не приступилъ, и мы имѣемъ здѣсь дѣло съ сырымъ этнографическимъ матеріаламъ.

Обращаясь засимъ къ статьѣ Г. Н. Потанина «Ставръ Годиновичъ и Гэсеръ (кн. 3), мы сталкиваемся съ дальнѣйшей разработкой извѣстныхъ утвержденій г. Стасова о восточномъ происхожденіи нашихъ былинъ. Склоняясь къ тому же мнѣнію на основаніи сличенія нашего богатырскаго эпоса съ монгольскимъ, г. Потанинъ не указываетъ однако точныхъ отношеній между этими двумя эпосами; онъ

думаетъ, что согласно мнѣнію г. Стасова степной фольклоръ могъ быть и посредникомъ между нашимъ эпосомъ и какимъ-то невѣдомымъ, отъ котораго онъ произошелъ, и наконецъ, что этотъ степной фольклоръ, сходный съ нашимъ и индо-европейскимъ вообще, можетъ представлять собою и параллельную вѣтвь въ общемъ потокѣ распространенія эпическихъ темъ, какъ это высказано г. Веселовскимъ. Въ монгольскихъ былинахъ о Гесерѣ и Алу-Мергенъ или Аджу-Мергенъ, приводимыхъ въ параллель нашей былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ и Василисѣ Микулишнѣ, конечно, нѣкотораго сходства отрицать нельзя, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и такія крупныя отличія, которыя могутъ и исключать единство происхожденія данныхъ былинъ. Въ виду этого, быть можетъ, нѣсколько преждевременны и приводимыя г. Потанинымъ филологическія соображенія для объясненія имени Ставра и названія Гленской земли въ нашей былинѣ. Но во всякомъ случаѣ сообщаемое г. Потанинымъ содержаніе монгольскихъ сказокъ не можетъ не имѣть научнаго интереса.

Не менѣе интересна и другая статья г. *Потанина — «Пилигримъ въ былинахъ и сказкахъ»* (кн. 2), но при неменьшемъ интересѣ своемъ, она также заключаетъ въ себѣ параллели, быть можетъ нѣсколько рискованныя. Увлекшись идеей покаянія, которая приведена въ былинѣ о Буслаевѣ, о Потыкѣ-каличьемъ атаманѣ, и Потыкѣ-мужѣ Марьи Лебеди бѣлой, г. Потанинъ не только сближаетъ ихъ между собой, но и съ повѣстью о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ, откуда уже оказался совершенно нетруднымъ для него переходъ къ легендѣ о царѣ Асокѣ, жизнь котораго распадалась на двѣ части — на бурную, порочную и на покаянную, исполненную подвиговъ милосердія, т. е. оказался возможнымъ переходъ ни ближе, ни дальше, какъ къ извѣстному преданію о царевичѣ Буддѣ! Между тѣмъ едва-ли все это не слишкомъ широкое сближеніе. Общность темъ, даже общность нѣкоторыхъ подробностей въ народной эпической литературѣ можетъ не вытекать изъ заимствованія и не быть обусловлена единствомъ происхожденія произведеній: все можетъ быть объяснено часто тождествомъ людей, психическимъ и вообще природнымъ; всѣ люди могутъ грѣшить и затѣмъ каяться, равно всѣ могутъ пить, ѣсть, любить и защищать своихъ ближнихъ, а потому и всѣ могутъ объ этомъ вести рѣчь въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ. Затѣмъ и сопоставленіе нашихъ каликъ перехожихъ, бывающихъ часто богатырями, съ какимъ-то до-христіанскимъ Пилигримомъ въ восточныхъ сказкахъ, какъ кажется, тоже излишне. Образъ каликъ связанъ съ идеей и покаянія

внѣ такой связи у насъ не мыслимъ; пилигримъ же восточныхъ преданій не есть паломникъ, а какое то сказочное существо, живущее на дубѣ, летающее по воздуху, способное носить на себѣ человѣка и пр.; источникъ чудодѣйственной силы такого пилигрима иной, чѣмъ источникъ такой же силы у нашихъ былинныхъ каликъ.

О русскихъ же былинахъ идетъ рѣчь и въ статьѣ г. *Вс. Миллера «кавказско-русскія параллели»* (№ 3). Здѣсь проведено нѣсколько удачныхъ параллелей между сѣверо-кавказскими эпическими сказаніями и нашимъ эпосомъ. Приведенные разсказы о нартскихъ великанахъ во многомъ оказываются чуть не тождественными съ былинными повѣствованіями о Святогорѣ и проч., и авторъ статьи, какъ кажется, съ большимъ основаніемъ утверждаетъ, что, судя по его даннымъ, «между кавказскими и русскими сказаніями о великанахъ можетъ быть намѣчено спеціальное родство». Находитъ затѣмъ авторъ у нартовъ и ихъ Илью Муромца; таковымъ оказывается Урызмагъ, принадлежавшій къ *простому* сословію, и оказывающійся «стоятелемъ за народъ и защитникомъ вдовъ и сиротъ» и пр.

Удѣлено вниманіе въ одной изъ разбираемыхъ книжекъ и русскимъ сказкамъ. Статья, трактующая объ этомъ, принадлежитъ опять *Г. Н. Потанину* и носитъ заглавіе: *Восточныя параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ*. Здѣсь авторъ сближаетъ русскія сказки о злой мачихѣ, о женщинѣ, обращенной въ рысь или въ птицу, и о матери, брошенной вмѣстѣ съ сыномъ въ море,—со сказками Восточной Азіи, имѣющими сходное содержаніе. Натяжекъ въ этомъ сближеніи не чувствуется. Извѣстной великорусской сказкѣ, обработанной Пушкинымъ подъ заглавіемъ «Царь Салтанъ» и существующей какъ въ Малороссіи (см. у Рудченка въ «Народ. Южнорус. сказкахъ», II, стр. 89 сказку *Богатырь въ бочки*), такъ и въ Бѣлоруссіи (см. «Бѣлорусскій Сборникъ» Романова 1887, вып. 3), соотвѣтствуетъ рядъ сказокъ въ Монголіи; таковы сказки объ Эрдени Хараликѣ, являющемся воплощеніемъ буддійскаго бадисатвы Арья Бало, «могущество и святость котораго таковы, что произнести одинъ только разъ его имя равносильно по благимъ послѣдствіямъ тому, если бы вѣрующій постоянно поклонялся такому количеству буддъ, сколько песку въ 66 Гангахъ»; такова же и сказка тангутовъ объ Егъ-таму-нцо. Затѣмъ малорусской сказкѣ «Рысь-маты» (Рудченко. Вып. II, стр. 51. Чубинскій. Труды этногр.-статист. эксп. въ запад. русскій край. Т. II, №№ 138, 139, 140, 141, 142. Драгомановъ. Малорус. нар. преданія 361) и такимъ же сказкамъ великорусскимъ (Худяковъ. Великор. сказки

II, 71—75) и бѣлорусскимъ (Романовъ. Бѣлор. Сборн., в. 3, стр. 292) найдены соотвѣтственныя черты въ только что названныхъ монгольскихъ сказкахъ. Связь, указываемая авторомъ между названными сказками, въ данномъ случаѣ заключается не только въ общности темы и идеи, но въ одинаковости цѣлаго ряда подробностей, что дѣйствительно могло быть слѣдствіемъ или заимствованія, или общности происхожденія.

Существующимъ народнымъ повѣрьямъ, являющимся какъ переживанія древнихъ миѳическихъ вѣрованій и примыкающимъ къ нимъ сказкамъ удѣлено въ разбираемыхъ книжкахъ «Этногр. Обозрѣнія» не мало мѣста. Наиболѣе значительными являются статьи *Н. Ѳ. Сумцова—Мышь въ народной словесности* (№ 1) и *Заяцъ въ народной словесности* (№ 3). Обѣ статьи написаны по одному плану. Всѣ данныя народной словесности о названныхъ животныхъ г. Сумцовъ объясняетъ то при помощи миѳологической теоріи, то при помощи литературной, то наконецъ при помощи такъ называемой теоріи самозарожденія. Происхожденіе индо-европейскихъ миѳическихъ воззрѣній на мышь, напр., авторъ выводитъ изъ древнѣйшихъ восточныхъ культовъ; начало литературнымъ фабуламъ о мыши, по его мнѣнію, положено въ Индіи и Египтѣ, а также въ Греціи, и оттуда уже проникли онѣ къ намъ; наконецъ по теоріи самозарожденія авторъ объясняетъ тѣ повѣрья о мыши и зайцѣ, которыя возникли подъ вліяніемъ простыхъ наблюденій надъ природой, производимыхъ народомъ и по сей день. Не всѣ доводы автора представляются несомнѣнными въ виду отрывочности данныхъ, имѣющихся по настоящимъ сюжетамъ въ этнографич. литературѣ. При чтеніи статей, кромѣ того, невольно является желаніе имѣть повѣрья сгруппированными по народностямъ, которымъ они принадлежатъ; при такомъ условіи, казалось бы, легче было прослѣдить происхожденіе повѣрій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, представилось бы больше возможности судить о степени вѣроятности объясненій многоуважаемаго автора. Такимъ образомъ, какъ это ни странно, интереснымъ статьямъ его вредитъ широта плана при независящей отъ него отрывочности матеріяловъ. Малорусскія народныя повѣрья и сказки о Зайцѣ и Мыши приняты авторомъ въ разсчетъ въ ряду другихъ индо-европ. и даже монгольскихъ матеріаловъ.

О разныхъ обычаяхъ и понятіяхъ народныхъ, стоящихъ въ связи со старыми религіозными вѣрованіями и предразсудками, даетъ намъ свѣдѣнія въ 2 № «Этногр. Обозрѣнія» *Е. И. Якушкинъ* въ статьѣ

«Замѣтки о вліяніи религіозныхъ вѣрованій и предразсудковъ на народные юридическіе обычаи и понятія». Въ «замѣткахъ» этихъ идетъ рѣчь и о способахъ владѣнія землей, и о бракахъ вдовцовъ и вдовъ, и о кражѣ пчелъ, и о бозопасности для воровъ, и, наконецъ, о мнимыхъ преступленіяхъ. Замѣтки недостаточно снабжены фактами, особенно нѣкоторыя, напр.—о способахъ владѣнія землей и о кражѣ пчелъ, но все же въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ представляютъ интересныя научныя объясненія тѣхъ или другихъ народныхъ обычаевъ. Такъ повѣріе, будто воръ можетъ безопасно совершить кражу, имѣя при себѣ руку или даже палецъ мертвеца, по мнѣнію автора, стоитъ въ связи съ религіознымъ и военнымъ людоѣдствомъ первобытныхъ эпохъ. Съѣсть врага было дѣломъ угоднымъ богамъ, да и сообщалась пріятомъ побѣдителю храбрость съѣденнаго врага. Индѣйцы Южной Америки при нападеніи на враговъ показывали имъ для устрашенія кости побѣжденныхъ, которыхъ они съѣли. Такимъ же устрашеніемъ для обкрадываемыхъ долженъ быть теперь палецъ мертвеца или свѣча изъ человѣческаго сала, чѣмъ, по повѣрію, нагоняется на нихъ крѣпкій сонъ. Необходимостію добывать ворамъ то и др. объясняетъ авторъ преступленія раскрыванія могилъ, что имѣло мѣсто, между прочимъ, иногда и въ Малороссіи; случаи такого раскрытія могилъ были въ 1876 г. въ каневскомъ уѣздѣ, въ 1878 г. въ конотопскомъ и въ 1884 г. въ переяславскомъ. Извѣстны и случаи убійствъ беременныхъ женщинъ ради поглощенія сердецъ нерожденныхъ младенцевъ; подобное питаніе даетъ де разбойникамъ полное огражденіе отъ опасностей. Возможность для воровъ обращаться съ молитвами къ святымъ, къ св. Ивану Воину, по преимуществу, и къ Богу при совершеніи кражъ, г. Якушкинъ объясняетъ тѣмъ, что воровство и грабежъ въ первобытныя эпохи не считались грѣховными дѣяніями. Отмѣчая интересъ подобныхъ переживаній, г. Якушкинъ сѣтуетъ на недостатокъ въ нашей литературѣ фактическихъ свѣдѣній объ обычаяхъ, вытекающихъ изъ указанныхъ повѣрій.

Общность воззрѣній индо-европейскихъ народовъ по нѣкоторымъ философско-религіознымъ вопросамъ въ одномъ изъ разбираемыхъ номеровъ «Этнограф. Обозрѣнія» отчетливо демонстрирована въ небольшой статьѣ *г. Александра Веселовскаго—Нѣсколько данныхъ къ народнымъ представленіямъ о Долѣ (№ 1)*. Во вновь обрѣтенныхъ италіанскихъ сказкахъ съ олицетвореніемъ Доли проводится, какъ и въ сказкахъ о томъ же у сербовъ, албанцевъ и др. народовъ, идея непререкаемости судьбы, въ силу которой бездольному не въ прокъ

ни чужая помощь, ни находка, такъ что, значитъ, счастливцы и бѣдовики родятся. Но эта суровость Доли какъ будто бы иногда и смягчается: красавицамъ въ италіанскихъ сказкахъ удается умилостивить Долю дарами или молитвами къ Богородицѣ, а въ одной грузинской сказкѣ бѣдовикъ исправляетъ свою злую долю волей, трудомъ; но наиболѣе распространенное мнѣніе на счетъ улучшенія доли—это слiяніе крови. Кровь счастливаго, влитая въ кровь бездольнаго, дѣлаетъ послѣдняго счастливымъ. Того же можно достигать вкушеніемъ женскаго молока. Затѣмъ авторъ приводитъ малорусскую сказку, изъ которой видно, что счастье можно съѣсть. Это сказка—о несчастныхъ отъ роду супругахъ, жившихъ счастливо благодаря счастливой собакѣ; отецъ жены, зная причину ихъ счастья, для того, чтобы его упрочить, велѣлъ убить собаку, а когда затѣмъ внутренности собаки поклевалъ пѣтухъ, онъ велѣлъ дочери, ея мужу и сыну зарѣзать пѣтуха и съѣсть его. Военное людоѣдство, о которомъ рѣчь была выше, связано, по замѣчанію г. Веселовскаго, съ тѣмъ же представленіемъ о передачѣ доли, храбрости и пр. отъ врага побѣдителю.

Не мало интереснаго южно-русскій этнографъ найдетъ для себя и въ другихъ статьяхъ разбираемыхъ номеровъ «Этногр. Обозрѣнія»; обращаемъ вниманіе на слѣдующія работы: *Е. О. Шарко — Изъ области суевѣрій малороссовъ черниговск. губер. (№ 1); П. И. Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ (№ 2); Г. Коваленко—О народной медицинѣ въ переясл. уѣздѣ полтав. губ. (№ 2); М. Довнарь-Запольскій—Женская доля въ пѣсняхъ Пипчуковъ.*

Найдя такое количество подчасъ совершенно новыхъ этнографическихъ данныхъ въ разбираемыхъ книгахъ «Этногр. Обозрѣнія», нельзя не признать большой научной цѣнности этого изданія, независимо отъ допускаемыхъ имъ иногда слишкомъ широкихъ обобщеній, быть можетъ не оправдываемыхъ пока точною обслѣдованностью отдѣльныхъ этнографическихъ фактовъ, а потому и рискованныхъ.

Я. Ш.

Откликъ въ пользу голодающихъ. Одесса 1892 г. Съ эпиграфомъ: Съ міру по ниткѣ. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 20 к. Складъ изданія въ Одессѣ, въ редакціи «Одесскаго Листка».

Мысль объ изданіи литературнаго сборника, который продавался бы въ пользу голодающихъ, раньше чѣмъ гдѣ либо, въ началѣ

осени 1891 года, возникла среди сотрудниковъ газеты. «Одесскій Листокъ. Редакторъ этой газеты принялъ всѣ расходы на свой счетъ, чтобы весь валовой доходъ поступилъ въ пользу голодающихъ. Предполагалось сперва, что редакцію Сборника пріметъ на себя одесское общество помощи литераторамъ, но затѣмъ редакція Одесскаго Листка предпочла дѣйствовать самостоятельно, а Общество издаетъ собственный сборникъ, причемъ расходы приняли на себя редакторы иныхъ одесскихъ газеть и владѣльцы нѣкоторыхъ одесскихъ же типографій. Сборникъ общества, затѣянный значительно позднѣе, выйдетъ въ январѣ настоящаго года, Откликъ же Одесскаго Листка очень удачно успѣлъ выйти къ праздникамъ, когда спросъ на книги бываетъ вообще довольно значителенъ.

По содержанію Откликъ итересенъ тѣмъ, что въ немъ господствующее мѣсто принадлежитъ мѣстнымъ одесскимъ литературнымъ силамъ, но, конечно, здѣсь собрались онѣ не всѣ; многіе литераторы даютъ свои статьи въ Сборникъ общества. Мѣстный характеръ Отклика сказался, пожалуй, въ томъ, что въ немъ нѣтъ какихъ либо выдающихся произведеній, но все прилично, достаточно серьезно, всѣ статьи отличаются гуманнымъ направленіемъ; словомъ, если Откликъ и не оставитъ по себѣ слѣда въ литературѣ, то прочитанъ охотникомъ до легкаго чтенія можетъ быть не безъ интереса.

Статей, не говоря уже о стихотвореніяхъ, помѣщено въ Откликѣ много (Сборникъ имѣетъ 276 страницъ убористой печати), но мы укажемъ лишь тѣ, которыя касаются южной Руси, что для читателей «Кіевской Старины» представляетъ и спеціальный интересъ. Такихъ статей пять: «Побожески» разсказъ М. Фрейденберга изъ одесской жизни, въ которомъ, впрочемъ, почти нѣтъ спеціально одесскаго колорита; «Освобожденная душа», разсказъ М. Л. Моргулина, изъ быта крестьянъ волынской губерніи, тоже не колоритный; «Было да быльемъ поросло» очень интересный разсказъ М. Зозулина изъ прошлой жизни маленькаго южно-русскаго городка, входившаго въ составъ печальныя памяти военныхъ поселеній; «Заколдованный кладъ» малороссійская легенда, изъ цикла преданій о зарытыхъ запорожцами кладахъ, пересказанная Д. Ѳедоровымъ, причемъ къ сожалѣнію не видно, гдѣ она записана; и «Заурядное дѣло» — разсказъ В. Протопопова изъ жизни новороссійскаго крестьянства, тоже не имѣющій мѣстнаго характера. Во всякомъ случаѣ разсказъ г. Зозулина и легенда, напечатанная г. Ѳедоровымъ, вполнѣ заслуживаютъ вниманія со стороны южно-русскаго читателя Отклика.

Вообще же едвали не самою интересною вещью въ Откликѣ является сравнительно большая статья М. Шимановскаго: Мои профессора и мое студенчество 1863—1867 г. Авторъ и самъ довольно крупный одесскій общественный дѣятель, членъ судебной палаты бывшій преподаватель казанскаго и новороссійскаго университетовъ, поэтому разсказъ его о себѣ не лишенъ значенія; затѣмъ и время, когда онъ былъ студентомъ петербургскаго университета, очень любопытное; авторъ встрѣчалъ въ это время и такихъ лицъ, которыя имѣли и крупное историческое значеніе, и обо всемъ этомъ хотя и не художественно, но чрезвычайно точно разсказалъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Не вина автора, если ему пришлось быть студентомъ какъ разъ въ то печальное для с.-петербургскаго университета время, когда его только что покинули лучшіе профессора (достаточно назвать Костомарова, Кавелина, Спасовича, а новый подходящій составъ еще не сформировался; но все же воспоминанія автора о Рѣдкинѣ, Срезневскомъ, О. Миллерѣ должны быть отмѣчены.

Къ Отклику приложенъ листъ съ многочисленными автографами лицъ, къ которымъ повидимому, редакція обращалась съ просьбою объ участіи въ Откликѣ. Автографы же составляютъ цѣлую серію писемъ о голодѣ, содержаніе которыхъ ясно уже изъ ихъ заглавія. Важнѣе всего письмо бывшаго военнаго министра графа Д. А. Милютина, въ коемъ онъ опровергаетъ довольно распространенный слухъ, будто онъ занятъ въ настоящее время составленіемъ исторіи прошлаго царствованія. «Судите сами, пишетъ гр. Милютинъ, возможно ли писать исторію царствованія, живя уединенно въ деревенской глуши (въ Симензѣ, на южномъ берегу Крыма), безъ всякихъ матеріяловъ и не имѣя возможности работать въ архивахъ?»

А. Маркевичъ.

Щербановская волость елисаветградскаго уѣзда херсонской губ. Историко-этнографическое и хозяйственно-статистическое описаніе. Т. И. Осадчаю. Херсонъ. 1891.

Послѣ труда священника Г. И. Сорокина о м. Дмитровкѣ александрійскаго уѣзда, это—вторая, столь же почтенная работа, вызванная программой, изданной Херсонскимъ Земскимъ Сборникомъ. Планъ ея слѣдующій. Послѣ введенія, гдѣ авторъ указываетъ историко-этнографическія черты, которыя дѣлаютъ названную волость типическою и интересною для изученія, въ первой главѣ онъ говоритъ о топо-

графіи, рѣкахъ, водоснабженіи, почвѣ и климатѣ ея; вторую посвящаетъ историческому очерку Побужья; въ третьей занимается національнымъ составомъ, бытомъ и этнографическими особенностями каждой національности въ предѣлахъ волости; въ четвертой описываетъ семейныя отношенія, обычаи, игры, удовольствія и времяпрепровожденіе; въ пятой—вѣрованія и суевѣрія; шестую главу отводитъ общественнымъ отношеніямъ, народному образованію; въ седьмой изучаетъ населеніе въ отношеніи его состава и естественнаго прироста; въ восьмой касается земледѣлія, скотоводства и другихъ занятій населенія; въ девятой—платежей и кредита, и въ десятой—бюджета крестьянскаго хозяйства и распредѣленія хозяйствъ по степени состоятельности. Монографія г. Осадчаго отличается большимъ обиліемъ разнообразныхъ фактическихъ свѣдѣній о волости, почерпнутыхъ имъ лишь въ незначительной степени изъ литературы (въ первыхъ двухъ главахъ), въ которой, однако, онъ обнаруживаетъ значительную начитанность, большею же частію изъ личныхъ наблюденій и опросовъ жителей на мѣстѣ. Щербановская волость населена малороссами и молдаванами и, кромѣ того, въ ней живутъ въ небольшомъ числѣ великоруссы, цыгане и евреи. По словамъ автора, первыя двѣ, господствующія въ численномъ отношеніи, національности находятъ въ своихъ этническихъ особенностяхъ много точекъ соприкосновенія и постепенно, но неуклонно идутъ къ сліянію, вырабатывая, такимъ образомъ, общій типъ новоросса. Взаимное тяготѣніе ихъ выражается въ легкости заключенія браковъ малороссовъ и молдаванокъ, причемъ послѣднія охотно идутъ за малороссовъ, пріобрѣтая черезъ то большую свободу сравнительно съ той зависимостью, въ которой женщина находится въ молдаванской семьѣ, что, въ свою очередь, служитъ препятствіемъ къ выходу малороссокъ за молдаванъ; любопытно, что въ такихъ семьяхъ, гдѣ жена— молдаванка, обыкновенно дѣти, а за ними и отецъ выучивается молдаванскому языку и нерѣдко совсѣмъ омолдаваниваются.

Самый свадебный обрядъ повсюду—молдаванскій; молдаванское вліяніе наблюдается и въ убранствѣ жилищъ, и въ праздникахъ, и въ играхъ. Наряду съ этимъ, сохраняются нѣкоторые коренные малороссійскіе обычаи и вѣрованія: общественные обѣды для всей громады въ храмовой праздникъ, вечерницы, веснянки, колядки, побратимство и посестріе, гаданія и пр. Вліяніе города способствуетъ наблюдаемому сліянію народностей, уравнивая ихъ въ покроѣ костюма, въ пищѣ и пр. Къ сожалѣнію, о молдаванахъ въ трудѣ г. Осадчаго

мы нашли свѣдѣній гораздо менѣе, чѣмъ о малороссахъ, и потому не могли составить себѣ понятія, насколько сильно вліяніе послѣднихъ на первыхъ, а потому не могли и убѣдиться вполнѣ, дѣйствительно ли въ данной волости дѣло идетъ къ равноправному сліянію этихъ національностей, а не къ утерѣ малороссами своихъ особенностей и къ подчиненію молдаванамъ въ бытовомъ отношеніи.

Во всякомъ случаѣ, искренно привѣтствуемъ любопытный трудъ г. Осадчаго и пожелаемъ, чтобы и другіе представители сельской интеллигенціи столь же ревностно трудились надъ изученіемъ и описаніемъ роднаго края.

В. Ястребовъ.

Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ саратовской губ.—Члена Импер. Географич. Общества А. Н. Минха. СПБ. 1890 г. (2 вып. XIX т. «Записокъ Геогр. Общ.»).

Обращаемъ вниманіе читателей «Кіевской Старины» на книгу, заглавіе которой мы выписали, потому, что въ ней находимъ свѣдѣнія о жизни малороссовъ въ саратовской губ. Жизнь эта, сколько можно судить на основаніи сообщенныхъ г. Минхомъ данныхъ, не отличается какимъ либо особымъ складомъ въ сравненіи съ жизнью всего южнорусскаго племени. «Малороссы тѣхъ селеній, въ которыхъ они живутъ отдѣльно отъ русскихъ—говоритъ авторъ—удержали свой говоръ, нравы, обычаи и въ нѣкоторой степени свою одежду; тамъ же, гдѣ они поселены съ русскими, они усвоили много изъ ихъ одѣянія: даже будничная родная плахта стала замѣняться юбкой; но говоръ и типъ не поддается еще обрусѣнію» (стр. 8). Малороссы по численности составляютъ въ саратовской губ. вторую народность: ихъ больше, чѣмъ нѣмцевъ колонистовъ. Къ сожалѣнію, не сообщены болѣе подробныя статистическія данныя. Живутъ они въ южной части губерніи (въ уѣздахъ: саратовск., аткарск., балашевскомъ, камышинскомъ и царицинскомъ). Переселяться въ саратов. губ. малороссы начали съ XVIII в. Это были или искатели новыхъ мѣстъ (изъ Украины, изъ воронежской губ.), или крѣпостные переведенцы графовъ Воронцовыхъ и другихъ (стр. 2),

Авторъ названной книги не даетъ намъ полной картины жизни населенія края. Его трудъ есть сводъ добытыхъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени матеріаловъ. Только нѣкоторыя части обработаны подробнѣе; но и во всей книгѣ мы находимъ не мало любо-

пытныхъ замѣчаній о жизни великороссовъ, малороссовъ, нѣмцевъ, мордвы въ саратовской губ. Мы укажемъ на болѣе важныя замѣчанія о малороссахъ. Они, по словамъ г. Минха, «народъ красивый, и между дѣвушками встрѣчаются очень хорошенькія съ бойкими черными и карими глазами... Разсматривая каждое селеніе, въ которомъ русскіе сидятъ съ малороссами, мы непремѣнно видимъ, что эти двѣ народности не сближаются, а живутъ отдѣльными частями поселенія, часто раздѣленными рѣкой или овражкомъ. Эти двѣ части села ведутъ всегда отдѣльныя хозяйства, снимаютъ врозь участки земли, и смѣшанные браки вообще встрѣчаются очень рѣдко». (стр. 8). Малороссы отличаются и своими «опрятными хатами», въ которыхъ никогда нѣтъ черной топки, и кушаньями; наконецъ, они сохранили въ чистотѣ и многіе родные обычаи. Конечно, вѣра въ лѣшихъ, русалокъ, чаровниковъ и т. д. обща у нихъ съ великоруссами. У г. Минха переданы нѣкоторые разсказы малороссовъ о чаровникахъ, русалкахъ (стр. 18—22), вѣдьмахъ (27). Описаніе обычаевъ рождественскихъ вполнѣ напоминаетъ общеизвѣстное провожденіе этого времени у малороссовъ. Г. Минхъ записалъ нѣсколько мѣстныхъ колядокъ и щедривокъ (94—99). Изъ другихъ обычаевъ находимъ свѣдѣнія о пасхальныхъ (101), о купальскихъ пѣсняхъ (105), вечерницахъ (110), свадьбѣ (120—124). Упоминается, между прочимъ, пьяная пирушка женщинъ, имѣющая мѣсто на Ѳоминой недѣлѣ у крестьянъ сл. Покровской (самарской губ., противъ Саратова, основан. въ 1763 г.), сопровождаемая процессіей, извѣстной подъ именемъ «ловли Хомы» (стр. 102).

Авторъ, повидимому, склоненъ въ нравственномъ отношеніи поставить выше великороссовъ. Малороссы, говоритъ онъ, не такъ цѣнятъ цѣломудріе дѣвушки, какъ русскіе: не только не зазорно, но изстари ведется обычаемъ «жениханіе дѣвушекъ съ парубками» (стр. 120). Но самъ авторъ сообщаетъ о жениханіи слѣдующее: «Бываетъ, конечно, не безъ грѣха, но не было случая, чтобы согрѣшившіе нарушили клятвенное обѣщаніе о бракѣ. Опрошенныя мною пожилыя малороссіанки утверждаютъ, что дѣвушки, женихаясь съ парубками, дозволяютъ лишь цѣловаться; до грѣха же допускаютъ очень рѣдкія. Тоже самое я слышалъ въ другихъ мѣстахъ» (стр. 110).

Въ общемъ малороссы очень мало заимствовали отъ великороссовъ. Измѣненію иногда подверглась одежда, вообще теряющая національный оттѣнокъ и въ другихъ мѣстахъ Ю. Россіи; да въ свадебномъ обрядѣ прибавился грубый обычай осмотра рубашки и подача вина въ дырявой чашкѣ (стр. 124).

Мы прочитали книгу г. Минха съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ. Жаль только, что свѣдѣнія, собранныя имъ, кратки и не исчерпываютъ быта населенія вполнѣ. **Арх. Л—нко.**

В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. С.-Петербургъ 1891.

Незачѣмъ, думаемъ, пояснять, какое важное значеніе вообще, а для историка литературы въ особенности, имѣетъ раскрытіе псевдонимовъ. Понятны, съ другой стороны, и трудности, встрѣчающіяся при работахъ такого рода: только большое знакомство съ разными изданіями, аналогіи и остроумныя соображенія позволяютъ опытному библіографу достигнуть, повидимому, весьма умѣренныхъ результатовъ: опредѣленія имени автора, не подписавшаго полностію или измѣнившаго свою фамилію. Таковы, напр., въ нашей литературѣ работы В. И. Саитова, Л. Н. Майкова. Но скромная цѣль, поставленная и достигнутая такимъ изысканіемъ, даетъ потомъ историку литературы возможность говорить болѣе полно и увѣренно о произведеніяхъ того или другаго писателя, въ силу какихъ либо обстоятельствъ скрывшаго свое имя. Вотъ почему въ з. Европѣ мы можемъ насчитать нѣсколько капитальныхъ работъ по раскрытію псевдонимовъ (см. «Энцик. Словарь» подъ редакц. проф. И. Е. Андреевскаго Ш, 779—780). У насъ также были попытки подобнаго рода, напр.—гг. Пономарева, Быкова, Геннади. «Опытъ» гг. Карцова и Мазаева превосходитъ всѣ прочія: у нихъ собрано до 4000 указаній.

Въ нашей краткой замѣткѣ, назначенной для журнала, посвященнаго преимущественно прошлому юга Россіи, мы не можемъ поставить себѣ цѣлью дать значительныя дополненія къ «Опыту». Этого нужно ожидатьотъ спеціальныхъ библіографическихъ изданій. Мы поэтому ограничимся замѣчаніями о планѣ изданія и о задачахъ его, какъ мы ихъ понимаемъ. Намъ кажется, что «Словарь псевдонимовъ» преимущественно долженъ преслѣдовать цѣли научныя, т. е. быть не только справочной книжкой. Между тѣмъ, если бы вы пожелали при помощи «Опыта» сразу отвѣтить на вопросъ, подъ какими псевдонимами писалъ, напр., г. Мордовцевъ, то сдѣлать этого вы не могли бы, такъ какъ нужно просмотрѣть всю книгу. Необходимо поэтому, думаемъ, кромѣ алфавита псевдонимовъ приложить алфавитъ авторовъ. Въ послѣднемъ случаѣ можно указать и на анонимныя сочиненія того или другаго писателя.

«Библіографъ—не критикъ,—говорятъ гг. Карцовъ и Мазаевъ, и потому здѣсь помѣщены псевдонимы писателей, быть можетъ, слишкомъ

мелкихъ; разъ есть возможность сохранить ихъ настоящую фамилію, почему бы этого не сдѣлать?» Замѣчаніе это справедливо только отчасти, но не вполнѣ. Едва ли имѣетъ какое нибудь значеніе раскрытіе псевдонимовъ разныхъ Арлекиновъ, Базилей Лелечкиныхъ и весьма многихъ другихъ сотрудниковъ разныхъ сатирическихъ и юмористическихъ изданій, внесенныхъ однако въ разсматриваемый словарь.— Необходимо, по нашему мнѣнію, также указывать на источники, откуда взяты составителями тѣ или другія свѣдѣнія. Относительно псевдонимовъ писателей прошлаго вѣка источники, конечно, ясны, и едва ли въ «Опытѣ» есть дополненія сравнительно съ прежними работами. Что касается раскрытія псевдонимовъ писателей новѣйшихъ, то тутъ помогли, конечно, указатели къ журналамъ (напр. къ «Историч. Вѣстнику», «Вѣстнику Европы), иногда догадки, напр., о псевдонимахъ сотрудниковъ нашего журнала. Но все-таки желательно при каждомъ отдѣльномъ случаѣ указаніе источника.

Въ заключеніе нѣсколько дополненій, сознаемся—дополненій случайныхъ. Не указаны псевдонимы (8) перваго редактора «Кіев. Стар.» Ѳ. Г. Лебединцева (о нихъ см. «Кіев. Стар.» 1888 № [illegible]. *Волынецъ* (г. Липранди) участвуетъ также въ «Москов. Вѣдом.», «Р лыни» и «Новомъ времени». Подъ псевдонимомъ *Ребровскій Н.* гр. А. Д. Блудова писала и въ «Волын. Епарх. Вѣдомост.». Не указаны 1) *С. Д.*—Дудышкинъ въ «Отеч. Зап.» 60-хъ головъ. 2) *Н. О.*—Осиповъ, авторъ «Виргиліевой Энеиды, вывороченной на изнанку» 3) *Ходаковскій*—Адамъ Чарноцкій. См. Пыпинъ «Истор. рус. этногр.» Ш 4) *Слипченко Мордовець—Мордовцевъ* «За крашанку писанка» Спб. 1882. 5) *В.*—Л. Боровиковскій. См. Дашкевичъ въ «Отчетѣ о 29 присужденіи наградъ гр. Уварова» 264 стр. 6) *М. М-исъ*—Моргулисъ въ «Волын. Губ. Вѣдомост.» 1865 г. (раскрыто г. Братчиковымъ) 7) *В. О.*—Омелянскій. Ibid. 70-ые годы (раскр. г. Братчиковымъ).—Невсегда выдержаны принципы при расположеніи; напр.—псевдонимъ Митро Олельковичъ нужно бы поставить подъ Олельковичъ, а не Митро. **Арк. Л—нло.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЫЙДЕТЪ ВЪ ФЕВРАЛѢ

„КІЕВСКІЙ СБОРНИКЪ“

ВЪ ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

Подъ редакціей И. В. Лучицкаго.

Томъ отъ 22 до 25 л., составленный изъ произведеній иностранныхъ и русскихъ беллетристовъ и статей научнаго содержанія.

Въ распоряженіи редакціи имѣются: 1) произведенія иностранныхъ писателей, присланныя спеціально для „Сборника“, **Леффлеръ, герцогини ди Кайянелло,** „изъ воспоминаній о совмѣстной жизни въ Стокгольмѣ съ Софьей Ковалевской“, стихотворенія и разсказы: **Берты фонъ Суттнеръ, Поля Гейзе, Арне Гарборга, Пьера Лоти, Б Бьернсона, Эберса, Виктора Делагеро, Іонаса Ли, Стриндберга** и др; 2) статьи профессоровъ: **Максима Ковалевскаго** („Кромвель“), **И. А. Сикорскаго** („Голодъ и его спутники“), **П. И. Броунова,** („Погода и ея предсказаніе“), **В. Б. Антоновича** („Каменный періодъ въ Ю. З. Россіи“). **В. П. Ермакова** („Преподаваніе алгебры“) **В. Н. Малинина** („Надсонъ какъ поэтъ“, съ приложеніемъ неизданнаго письма Надсона), **И. В. Лучицкаго** („Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи“), **А. Абрагамсона** („въ Средней Азіи“ съ фототипическими снимками) и др. 3) разсказы **М. Альбова, Вас. И. Немировича-Данченко, Н. Араджи, В. Бибикова, А. Любича, М. Бертина** и др. Сверхъ того, редакціи обѣщаны произведенія **В. Высоцкаго, Гейерстама, Сигурда, проф. П. Д. Флоринскаго.** и др.

Къ сборнику будутъ приложены фототипическіе снимки съ картинъ **профес. В. Орловскаго, В. Васнецова** и **П. Свѣдомскаго.**

Цѣна сборника 2 рубля (безъ пересылки).

Пересылка заказной бандеролью и наложеннымъ платежемъ.

Подписка принимается въ Кіевѣ: въ редакціи (Левашевская, 14, И. В. Лучицкому) и въ книжныхъ магазинахъ Н. Оглоблина, И. А. Розова, Б. Корейво, Ф. А. Іогансона и др.

Объявленія для помѣщенія въ сборникѣ принимаются въ редакціи; плата 30 руб за страницу, за полъ страницы 15 руб., за четверть страницы 8 руб.

Съ требованіями можно обращаться въ редакцію „Кіевской Старины".

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

Газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая. Выходитъ ежедневно, не исключая и понедѣльниковъ (около 330 нумеровъ въ годъ и во всякомъ случаѣ не менѣе того количества, какое выпустятъ другія одесскія газеты).

Въ 1892 году газета „ОДЕССКІЯ НОВОСТИ" будетъ печататься на спеціально заказанной въ Парижѣ у Маринони ротаціонной машинѣ, способной выдавать 20.000 оттисковъ въ часъ, въ 8-ми столбцовомъ форматѣ и такимъ образомъ сдѣлается самой большой изъ южныхъ газетъ и притомъ самой дешевой. Вмѣстѣ съ тѣмъ огромное распространеніе газеты дало возможность пригласить новыя литературныя силы и спеціальныхъ корреспондентовъ за границей.

Въ 1892 году въ газетѣ «Одесскія Новости» будутъ помѣщаться ПОРТРЕТЫ и ИЛЛЮСТРАЦІИ.

Подписная цѣна на 1892 г. остается т а ж е, а именно:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и перес. въ др. города:	
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ	1 р. — к.
„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 6 „	4 „ 50 „	„ 6 „	5 „ — „
„ годъ	7 „ 20 „	„ годъ	8 „ — „

За-границу доплачивается къ подписной цѣнѣ по 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы.

Новые подписчики на 1892 годъ получаютъ газету со дня подписки безъ всякой особой приплаты.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ Одессѣ: Въ Главной Конторѣ, Ланжероновская ул. (въ Пале-Роялѣ) собств. д.
Въ отдѣленіи конторы—Пушкинская ул., № 11.
Въ отдѣленіи конторы на Молдаванкѣ—Прохоровская ул., домъ № 11.
Въ отдѣленіи конторы на Пересыпи—Московская, домъ № 37.

Вышли изъ печати и разосланы подписчикамъ

39 и 40 ВЫПУСКИ

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

изданія Т-ва А. ГАРБЕЛЬ и К° въ Москвѣ, Тверская, Б. Гнѣздниковскій пер домъ Мартыновой.

Объясненіе словъ: Зульцеръ—Истоминъ.

Подписка продолжается только до выхода 50 выпуска. Отдѣльные выпуски продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ конторѣ имѣются для продажи еще слѣдующія изданія: Завоеваніе Алжира, Изъ жизни животныхъ, 30 коп. Программы для среднихъ учебныхъ заведеній сост. Горбуновъ и Временныя правила для волостныхъ судей, гдѣ введены Земскіе Начальники по 50 к. и папки для I-го и II-го томовъ.

Лицъ, желающихъ выписать словарь наложеннымъ платежъ. контора покорнѣйше проситъ высылать на почтовые расходы на 1 р. почтовыми марками, или зачтутся въ счетъ уплаты.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

1892 годъ.

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,

подъ редакціей секретаря отдѣла Н. А. ЯНЧУКА,

при участіи проф. В. Б. Антоновича, проф. Д. Н. Анучина, проф. Д. И. Багалѣя, Е. В. Барсова, акад. Александра Н. Веселовскаго, проф. Алексѣя Н. Веселовскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. М. Ковалевскаго, проф. В. Ѳ. Миллера, П. Н. Милюкова, А. Н. Минха, В. М. Михайловскаго, Г. Н. Потанина, Е. Р. Романова, проф. И. Н. Смирнова, проф. А. И. Соболевскаго, проф. М. И. Соколова, проф. Н. Ѳ. Сумцова, акад. Н. С. Тихонравова, А. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, П. В. Шейна, проф. И. В. Ягича, Н. М. Ядринцева, Е. И. Якушкина и другихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ.

Изданіе посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи.

„Этнографическое Обозрѣніе“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ (около 15 листовъ каждая).

Цѣна годовому изданію безъ перес. 4 р. 50 к. съ перес. 5 р. заграницу 6 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ при канцеляріи Общества и въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. 50 к. съ перес.

Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка 40%. Допускается разсрочка по соглашенію.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (Москва Политехническій Музей) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (Москва и Петерб.), Н. П. Карбасникова (Москва, Петерб. и Варшава), А. А. Карцева (Москва), Н. И. Мамонтова (Москва) и А. Ланга (Москва). Адресъ редакціи: Москва, Политехническій Музей.

Распоряженіемъ г. Министра Народнаго просвѣщенія изданія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи рекомендованы для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднеучебныхъ заведеній.

Дозволено цензъ. Кіевъ, 27-го января 1892 г.

26. Гротъ, полковникъ Ямбурского полку, рушилъ зъ Ромна рано. Сторожъ лубенскій посланъ въ Глуховъ зъ доношеніями двома: въ канцелярію, о великой компанѣйцамъ дачѣ, тоесть по копѣ грошей на зимніе мѣсяци на коня, и о присилкѣ реестровъ нового полку лубенского ревизѣи, а съ третимъ въ колегію, что необискался закупщикъ цыганского атаманства, писанними; да зъ письмомъ до Василя и срѣбра полтори цѣвки и шовку чорного 3 лоти, на зроблення потребъ до кунтиша. Сторожъ чорнускій посланъ въ Лохвицю, до Григорія Остапенка зъ листомъ и 100 зол., жеби оніе Рубашному далъ, ежели доводятся. Черезъ его жъ до Ороновского писалемъ о рознихъ домовихъ рѣчахъ и грошей, на покупку лѣса до футора, послалемъ 100 зол. Да черезъ его жъ писалемъ до сотника лубенского о приуготовленіи его въ Гилянъ, а до чигириндубровского о присилкѣ писемъ родителскихъ. Маляреви тутейшому, бывшого покровского попа, далемъ книжку симболя для перерисованія нѣкоторыхъ лицъ и гусли маліовать. Прапорщикъ Волжинъ, бувши у мене, предлагалъ скаргу на сотника наказного здешнего, что онъ ему подводъ и козаковъ не отдаетъ. Сотникъ здешній зъ войтомъ перемовлялись передъ мною. 5 рублей далемъ своихъ Якову Дубровѣ, въ доплатку позиченнихъ имъ же грошей зол. 100, Рубашному отложеннихъ.

27. Блядки въ Несторовичевомъ шинку будучіе, осажени, скарани и пущени. Зарудній старій отехалъ въ Глинскъ, которому кафанъ старій отласовій далемъ зелен. Писалемъ до Орановского и Звѣраки о рознихъ інтересахъ домовихъ. Отъ лубенской старшини получилемъ вѣденіе о маетностяхъ державскихъ и о томъ отвѣтъ, что въ зборщики до магазейну нѣкого тамъ вибрать. Ярошенко, повернувшійся зъ Криму, сказалъ, что Адамъ продалъ масло по 7 окъ, а тютюнъ по 17 за лева[1]). Волжинъ прапорщикъ писмо прислалъ ко мнѣ о противности здешней старшини, будто показуючойся. Получилъ отъ Шишкевича вѣдомость о походѣ. Уже килка денъ, якъ дочь моя Настуся захоровала на куръ. У вечеру Стол-

[1]) Левъ—турецкая монета.

повскій бувъ и читали житіе Ксаверія по полску. Купилемъ у сотника тутейшого меду прѣсного неповную кухву, а въ оной вѣдерокъ 10 и квартъ 10. Зъ другой кухви, другого меду показалось полъ куфи, а того доклавши, учинили повную кухву и забили, якая заважила 26 каменей сороковихъ.

28. Презентъ, посиланний въ колегію за баранами, повернулся безъ отвѣту, якого не дано. Отъ Троцкого канцеляристи получисти получилемъ вѣдомость о повторно засланномъ зъ правителствующого сенату указѣ, на имя старшини енералной написанномъ, чтобъ зъ бунчуковими вислать 2000 козаковъ въ Гилянъ, въ пріидучомъ мартѣ мѣсяцѣ. Отъ Василя, господаря, получилъ писмо, въ якомъ пишетъ, что Степану Солодовнику далъ грошей 30 зол., а онъ въ годъ по 5 р. 4 рази давать мѣтъ, и что грошей 50 рублей отъ его презента принялъ. Зъ Глухова, отъ правителей, о Грому и Гавриленку 2 писмѣ получилемъ, жеби ихъ росправить. Панѣ Іванова, бившая сотникова луб., пріехала. Козакъ отъ Івана Новѣцкого привезлъ сказку, почому они владѣютъ своими селами.

29. Неделя. Послѣ службѣ Божой, були здешніе всѣ въ насъ и войтъ сина своего представилъ. У вечеру отецъ Савѣцкій зъ п. Столповскимъ бували, просилъ къ себѣ на завтрее. Пилипу Римареви далъ Тарасъ зол. 2. Алексѣйцеви казалемъ, отобравши за сѣно, взять зъ онихъ себѣ зал. 10.

30. П. Булюбашъ, сотникъ чигириндубровскій, пріехалъ въ Роменъ и подалъ писма отъ родителя и брата п. Семена, зъ которихъ въ послѣднѣйшомъ пишется, что Гаврило зъ 4 барилами горѣлки пріѣхалъ въ Сулакъ. П. Якимъ Кулябка пріѣхалъ же и просилъ инстанцѣй за собою писменнихъ въ Лубнѣ до тамошнихъ ктиторанъ. Указъ данъ старшинѣ роменской по доношеніи отца Савѣцкого, чтобъ безчинія, такъ въ городѣ, яко и по селахъ, заборонени были.

Декабр. 1. Романа за пянство, а Войтенка за побѣгъ и разбои по шинкахъ, наказалъ. Обѣдали у насъ Булюбашъ и Якимъ Кулябка. Григорій Манжосъ пріехалъ и привезлъ росписки отъ бунчуковихъ, что они готови въ походъ до Гиляни, опрочъ нѣкоторихъ. Зъ Глинска привезенъ реестръ козаковъ до Гиляни опре-

дѣленнихъ и денги за бѣглого драгуна 22 рублѣ зълишнимъ. Зъ вой. енер. канцел. принесени два укази: 1, о присилкѣ новихъ зборщиковъ, въ Глуховъ, до коллегіи, а другій—о переписѣ всѣхъ въ полку козаковъ отъ болшого до меншого и бунчуковихъ, хто, где и когда въ походахъ бувалъ. Третій указъ зъ колегіи о подрадѣ вина простого на питейніе двори въ С. П. Бурху.

2. Козакъ сотнѣ глинской присланній зъ грошми за бѣглого драгуна зъ села Гудимъ, посланъ при листѣ моемъ до правителей въ Глуховъ, а оттоль въ Ахтирку. Укази: 1, о перемѣнѣ зборщиковъ, 2, о подрадѣ роговъ килкохъ тисячъ, 3, о подрадѣ вина простого на питейніе двори Сп.-бурскіе подписани и дани писаревѣ пѣратинскому, для розсилки въ сотнѣ. Булюбашъ, сотникъ чигиринъ-дубровскій, отехалъ по службѣ. Писма отъ братовъ зъ Кіева получилемъ. Млинокъ одинъ робыти, а два направляти далемъ. Дочерѣ моей Настусѣ захоровавшой уже тому дней зъ десятокъ на горло, cataplasma прикладана: гнѣздо ластовинее, корень фіялковій и калъ собачій варили въ молоцѣ и тимъ горло обкладали, зъ совѣту Полторацкого. Медвежую шкуру стрѣлецъ смѣловскій привезлъ.

3. Листи и купчіе въ скринцѣ своей пересмотрѣлемъ. Послалемъ листи до п. Федора о присланню ко мнѣ контерфекту (портрета) панского, а до п. судіиной зъ визнанемъ моей зичливости отвѣтъ. Якимъ Кулябка отехалъ зъ Ромна. Прадка, бившій зборщикъ, приходилъ за подорожною себѣ въ Литву намѣрившому ити. Ездилемъ до Ярошенка вина кримского гледѣти, якого бутку за 200, а буту болшую за 400 зол. продавалъ. Тогда жъ и въ своемъ шинку билъ, где всякій билъ напитокъ. Дочерь моя Анастасія, въ 1722 году родившаяся, преставилася 5 години зъ четвертю по полудни, зъ хороби, якую зовутъ медики angina, которая носля кору показавшогося на тѣлѣ и якъби доспѣвшого и злущившогося по обоихъ сторонахъ горла, показалась; болѣла дній 12.

4. Павлу ключнику на розніе обрадки, до погребу оной дочери, моей далемъ 40 зол. Ілку Важниченку на покупку табаку далемъ 50 зол. Тишко сторожъ, повернувшись, далъ карту отъ Орановского о принятихъ 20 зол., а отъ Григорія Остапенка писмо

о данних Рубашному тожъ 100 зол. зъ росписко отъ его данною, подъ кондиціею написанною. Сотникъ лубенскій отвѣтствуетъ, же за слабостію здоровя въ походъ ити не можетъ. Вчора преставлшойся дочерѣ моей, сегодня погребеніе чинилисмо, которая погребена въ церквѣ Успенія пресвятой Богородици на правомъ боку, передъ формами, межи Петромъ братомъ и Іоанномъ синомъ (которій 1722 году, въ юнѣ мѣсяцѣ, преставился) моими, положенна. Григорашъ розискъ о спаленню дому сотницкого въ Городищу справивши, прислалъ, по якомъ на Саганку явного нѣтъ доводу.

5 Іванъ Перехристъ, повернувшися зъ Криму, сказалъ объ уже также виехавшомъ и оставленномъ отъ его Адамовѣ около Таванѣ, которій масло попродалъ по 6 окъ, тютюнъ по 14, 17 и 20 окъ за лева, и везетъ мусулесу да простого вина по кухвѣ, сафяну бунтувъ 30, да заполочи 10 окъ; а онъ Іванъ продававъ футра простіе заячіе. лапковіе, по 6 зол., а хребтовіе по 12, также кошечіе лапковіе по 12, сѣбирковіе брушковіе по 22 зол. Укази о переписѣ старшини и всѣхъ радовихъ зъ описаннемъ служби ихъ, хто въ якихъ и когда бивалъ походахъ, послани. Другіе укази, о томъ, чтобъ старшина зборщикамъ денги за медъ давали. До чорнуской старшини указъ посланъ о присланню Леонтія Янковского въ надзирателѣ надъ магазейномъ, а до Жуковского Якова послани укази и листъ, чтобъ онъ поехавши въ Лубнѣ, оттуду двохъ целовалниковъ къ магазейну вибравши, сюда прислалъ, а зъ Лукомля Лаврѣна Кодинченка въ щетчики вибравши, прислалъ же. Указъ зъ канцеляріи енер. присланъ, чтобъ дать въ оную вѣдать почому четверть муки всякой и крупъ продается, также и пудъ сѣна. А зъ колегіи о взяттю штрафа зъ сотниковъ за невисланнихъ козаковъ прошлого году въ походъ, за всякого козака по 3 руб., а всѣхъ невисланнихъ зъ полковъ показалось 178 козаковъ, а въ лубенскомъ зъ городиского сотника взять за двохъ, 6 р. Кодинецъ, сотникъ лукомскій, пріѣхавъ въ Роменъ и обѣдалъ у насъ и зъ нимъ челобитчики на Кузму, асауду арматного, лукомцѣ.

6. Неделя. Сторожъ лубенскій, повернувшися зъ Глухова, привезлъ отвѣтніе писма отъ правителей: два указа, 1) о непре-

мѣнномъ вистатченню плати на компанѣйцовъ по прежнему, 2) о нарадѣ козаковъ въ Гилянъ и о допросѣ Самойловича и Худолѣя зъ товарищи—суть ли въ ихъ гетманскіе унѣверсали или они значковіе?—Лаврѣну Кодинцеви дано доношеніе въ канцеллярію быть ему щетчикомъ. Іванъ принюсь, Перехристъ, шербету вишневого, якого глечикъ мнѣ дано. Писмо п. Нестеровича до п. Нестеровичевой писаное, читали, въ якомъ дата положена октовр. 9. и что надѣются родителя въ Астраханъ къ запустамъ филиповимъ. Орановскій пишетъ, что купили лѣса до вийницѣ въ Сухоносовцѣ, на зрубъ, за 10 копъ. Звѣрака, писаръ чорнускій, писалъ о млинкахъ въ селѣ будучихъ, о церковномъ, также зъдавна оній бувъ Яковця Захарченка, а потимъ достался отцу Якиму, попови тамошнему, а попъ въ заставу отдалъ Іѵану Колотенку, 1717 року, за 160 зол., а отъ его въ замѣну нижше собою занятого млинка отданъ до церкви. Нелидовъ, у вечеру бувши у мене, обявилъ указъ зъ колегіи присланній къ нему о слѣдованіи козаковъ и посполитихъ, которіе бы чиншъ платили на чинъ полковничій. Черезъ Джикгиля въ Глуховъ отправили доношеніе о Петру лукомскомъ и лубенскомъ женоубійцѣ.

7. П. Василь глинскій пріехалъ и по обѣдѣ отехалъ. Казановъ два зроблено и 6 трубъ новихъ; одинъ казанъ безъ полфунта, а другій безъ полъ 3 фунта; въ трохъ трубахъ полъ 8 фунта, а въ другихъ трохъ 10 фунтовъ, итого всей мѣди въ 2 казанахъ а въ 6 трубахъ, 94 фунта и пол. До Орановского писалемъ о многихъ господарскихъ рѣчахъ. Вина кухву Андрѣй зборщикъ виторговалъ, намъ зъ родителкою, за 30 р. Атаманъ городовій роменскій, бувши у мене, сказалъ, что будто я виноватъ ему 150 зол., якіе давалъ Хведчунови и Якову Дубровѣ. Отецъ Савѣцкій просидѣлъ вчора зо мною у вечеру и розговаровали.

8. Степана Уманца, присланного зъ вой. снер. канцеллярії за спискомъ козаковъ зъ полку 375 и росписками бунчуковихъ о пріуготовленіи въ Гилянъ, отправилемъ зо всѣмъ тимъ и зъ доношеніемъ моимъ въ Глуховъ. Вина кухву, зборщикомъ сторгованную, зъ родителкою передѣлили и всего вина коновъ болшихъ 7, въ которихъ

окъ по 29, а меншихъ 2, итого всѣхъ окъ—. Зъ Глинска привезено казановъ 2 и 6 трубъ, въ одномъ важитъ 40 фунтовъ, а въ другомъ 35 и полъ фунта, въ 6 трубахъ 17 фунт. До Шереметева писмо отвѣтное послалемъ и до комисаровъ. Прапорщикъ Волжинъ писалъ ко мнѣ о указѣ, къ ему присланномъ, розискать утѣкачовъ, зъ походу отъ Милорадовича утекшихъ, полку лубенского. Дѣвокъ наказовано за заліоти и Романа чуть не споткало тоежъ. У вечеру били у мене всѣ и атаманъ калиновскій привозилъ карла сина своего. У лазнѣ мился. Романа раховали сотникъ наказній Савуско и писаръ пѣратинскій и по ихъ рахубѣ показалось данного всякого напитку шинкамъ роменскому за Михайла шинкара за 74 зол., а за Дениса за 1026 зол., и шаг. 5. лохвиц. Семену за 46 зол., и 5 копѣекъ, Василеви за 334 зол., лубенскому Пилипови за 283 зол., Артемови за 819 зол., итого summ. 2582 зол., и пол. 8 шаг. Казанъ зъ 3 трубами послани въ Сухоносовку.

9. Указъ послалемъ въ сотнѣ о присланню вѣдомости почому пашня и сѣно въ сотняхъ продается. Микола трембачъ зъ указомъ колежскимъ и зъ инструкцѣею посланъ доправить у городиского сотника 6 р. за двохъ козаковъ, въ походъ невисланнихъ. Именини родителки отправлялисмо зъ шумомъ пянственнимъ.

10. Юско, молодикъ брата п. Андрѣя, посиланній въ Астраханъ, повернулся вчорайшого дня, а сего явился у мене и сказовалъ, что тамъ сперва горѣлку Демянъ продавалъ: гор. вѣд. по 6 и по 5 коп. и что тютюну моего, якого было болшъ 30 каменей, продали камень по полъ 7 зол, а барилъ 4 гор. Гаврило въ Сулакъ возилъ и тютюну бочку, якого тамъ не спродавши, назадъ привезлъ. Полторацкій реестръ медикаментовъ въ моей аптецѣ содержуемихъ, составилъ, якъ и нащо онихъ уживати, и оному за то червонца далемъ. Панѣ сотникова глинская сливянику обѣщала прислать. Алексѣецъ вчора заболѣвши и теперъ лежитъ. До Сенчи писано о присланню сюда писара тамошнего, якій мѣетъ въ Глуховъ ѣхать и переписивать компутъ полку лубенского. Указъ канцеляріи енер. зъ інструкцѣею моею черезъ Козенка посланъ до Худолѣя,

Самойловичовъ и Константія Лисевича допросить—ихъ до бунчука ли или до знаку полкового належатъ. Вино пересипали зъ кухви въ бочку и барило; въ бочцѣ вѣдерокъ роменской мѣри—10 безъ 4 кварть, въ барилѣ—3 вѣдерки, въ барилцѣ—5 кварть. Гайдаеви, ходившему до Царичина зъ Гавриломъ, четвертому, заплатилемъ 7 зол. Всего вина 263 кварти. Глинскіе гостѣ розехались, иннїи рано, а инніе у вечеру. Полторацкій залѣцалъ книгу медическую Paol Sarbeidi anglicani.

11. За 4 кухви меду прѣсного зборного черезъ Алексѣйця, а за пятую черезъ Мартина, заплатилемъ 424 зол., и 4 шаги, зачисляючи сѣннія, а вѣдерокъ въ нихъ 53 и една кварта. За вино, взятое у Ярошенка, заплатилемъ черезъ Павла ключника, Андрѣеви зборщикови зол. 75. Черезъ его жъ далемъ Якови еще на покупку табаку и тютюну зол. 50. Асаулъ арматній Кузьма бувъ рано, черезъ которого послани писма до атамана лубенского и чигириндубр. и Григорія Котляренка о розиску на жалобу лукомцовъ, скаржачихся на его, асаула. А другое писмо до его жъ атамана лубенского съ товарищи, якъ окончити заводъ Ламехи и Горба. Рѣпчанского шинкара моего, бившого роменского, батко продалъ господареви дворовому лѣсъ за 17 копъ, якій въ 50 зол., за мой долгъ заарештованъ. Днѣстрови (?) рано кравцови 2 копи сцѣлнихъ далемъ (?). Золотаръ приносилъ бляхи мосіенжніе подѣланніе до шоръ моихъ, въ якихъ ваги фунт. 2 и 5 лот., а передомъ виробилъ до тихъ же шоръ въ пряжкакъ полъ 5 фунт., а еще около 2 фунт. осталось, бо взялъ всей мосіенджи фунт. 9. Меду теперъ моего на лице есть куховъ 2 и полдѣжки прѣсного. Въ Сухоносовку послали вовни рунъ 100 на тамошніе росходи, а осталось на Засуллю всей вовни 264 рунъ. Зъ тихъ куховъ една заважила 26, а другая 27 каменей 5 фунтовъ, а каменей сороковихъ.

12. Янковскій чорнускій пріехалъ зъ доношеніемъ поручнимъ, даннимъ въ вой. канцелляр., у надсмотрщики надъ магазейномъ. Алексѣецъ принюсъ ко мнѣ квѣтацію отъ старшими тутейшой о заплаченню меду 330 зол., за подписомъ руки атаманской. Поруччикъ и прапорщикъ полку Троецкого пріехали передомъ полку, ко-

торій маршируетъ зъ слободъ въ полкъ Чернѣговскій. Микола трембачъ повернулся отъ сотника городиского зъ 6 рублями штрафними за двохъ козаковъ, въ походъ невисланнихъ. Занковскій зъ Чигириндуброви пріехалъ. Хоружій Бутурлимъ пріехалъ зъ Коржовъ и явился ко мнѣ, которого за его зухвалство словесно упоминалемъ. Писаръ пѣратинскій Петрановскій поехалъ въ Пѣратинъ, отпущенній зъ поворотомъ сюда между святами, а всѣ дѣла зъ роспискою отдалъ Петру Верещацѣ. Алексѣецъ посланъ въ Кривую Руду, которому въ 14 пунктахъ наказъ данъ. Зъ Тарандинецъ козаки жаловались на атамана своего, которого розискать писалемъ до Звѣраки, въ Чорнухи. Петро Верещака и Петро Чернѣцкій раховали Дениса шинкара моего роменского и по порахунку показалось доводячихся денегъ: за гор. 4 кухви 350 зол., за медъ 580 зол., и 5 шаг., за пиво 248 зол., итого всѣхъ 1178 зол., и 5 шаг. Романъ взялъ зол. 314 зол. и шаг. 2, въ розніе руки отдалъ, 474 зол. безъ шага, итого въ отдачѣ 792 зол. и шагъ а доводятся еще отъ Дениса намъ грошей 386 зол. и шаг. 4 за весь напитокъ. Алексѣйцеви, посланному въ Кривую Руду, данъ облѣкгъ Петра Свѣтового зятя, жеби доправилъ на немъ по тому облѣкгу 120 зол. Ему жъ данъ и рецептъ взять въ аптецѣ пѣлулъ, у Лубняхъ.

13. Неделя. Тарасъ молодикъ отправленъ въ Глуховъ зъ сторожемъ чорнускимъ Тишкомъ. Черезъ сторожа чорнуского послани 2 доношеній въ колегію; одно, о поправленномъ магазейну у Веремѣевцѣ, миргородскимъ полкомъ построенномъ, сотникомъ багацкимъ, о чомъ Іосифъ Шимко мене репортовалъ; другое, о доправленнихъ 6 рубляхъ на сотнику городискомъ, за невисилку двохъ козаковъ въ походъ низовій и тіе денги черезъ его жъ послани въ коллегію. А черезъ Тараса писма: 1, до ясневельможной, взглядомъ Гилянского походу, 2, до сотника глух. Мануйловича о томъ же, 3, до швакгра, о томъ же, 4, до Кондзеровского о томъ же, 5, до Василя господара, о поведеніяхъ господарскихъ. Да ему жъ Тарасу дана інструкцѣя въ 33 пунктахъ, о рознихъ домашнихъ дѣлѣхъ. Романъ донеслъ мнѣ у вечеру, что вимѣрали кухву, данную шин-

кареви здешнему Денисови на вишинкъ зъ горѣлкою, въ якой показалось вѣдерокъ тутейшихъ 22, а квартъ 460, кварта по 4 шаги, итого грошей 184 зол. а десятину отложивши, приходитъ намъ 165 зол. и 6 шаг. Пилипъ римаръ принюсъ четверню шоръ новихъ зробленную. Обѣдали у насъ протопопъ отецъ Іоанъ Столповскій и Занковскій. Сожителница моя, еще захоровавшая позавчорайшго дня на колку и боль у боку правомъ, исцѣлѣлася прошкомъ краснимъ називаючимся specificum cephalicum (?), взявши въ чаю. Зъ Лохвицѣ писмо отъ старшини и сказки отъ державцовъ, почому хто владѣетъ селами, подани. Яковъ Жуковскій, посиланній въ Лубнѣ и Лукомле за целовалниками до магазейну и за щетчикомъ въ колегію, повернулся управившись. Отъ брата п. Андрѣя слуга его Руднѣцкій и посиланній Матвѣй повернулись. Сторожъ лохвицкій, бившій въ Астраханѣ при Гамалѣи, повернулся, отъ котораго получилемъ писмо Демяна до Кирила Житнянского писанное, о стіонжцѣ, московкою ему заставленной.

14. Въ колегію Янковского и двохъ цѣловалниковъ до магазейну лубенской сотнѣ послалемъ, зъ доношеніемъ въ канцелларію, въ Глуховъ. П. Сотникова глинская прислала мнѣ барило сливянника. Городниченко Юско, пріехавшій зъ Астрахани, говорилъ о тютюну проданномъ тамже моемъ, братовомъ и Юска, а доводится моего на 40 каменей, бо братового було 40 безъ одного, Юскового—20, а всего було 100, такъ решта 41 камень. Отцу Савѣцкому протопопѣ позичилемъ книги латинской Василія вел. Зъ Глинска отъ тамошнего сотника получилъ писмо, въ которомъ о зловленномъ хоминскомъ ковалю, о которого воровствѣ отписалемъ розискать. До Григорія Остапенка, въ Лохвицю, писалемъ, строфуючи его, что неналежне 100 зол. далъ Рубашному, а до тамошней старшини упоминаючи, что безъ подпису именъ своихъ листъ прислали. Вѣденія о селахъ державскихъ,—хто почому держитъ, зъ Лохвицѣ присланніе для сохраненія, далемъ Верещацѣ. Пересмотровалемъ писемъ и обискались до записки потребніе именно: доношеніе Івана Остапенка роменского, въ якомъ доноситъ, что вѣдерку меду патоки заважило 76 фунт., а свѣжого меду вѣдерко 74 фунт.

Посилитель Дубовки, близъ Царицина, зовется Яковъ Ивановичъ Жидковъ. Суплѣка Григорія Андрѣевича, попа чеплѣевского, въ якой выражаетъ, что за футоръ Тулиголовскій Бутурлиновскій приговорено ему дати 1000 зол., а будто недодано 200 зол. Копія суплѣки попа тулиголовского за футоръ Тулиголовскій, будто купчую его, данную ему отъ Михайла, родитель взялъ у его, а при томъ билъ Рихловского монастира іеромонахъ Силвестръ. Реестръ компанѣйцовъ въ сотняхъ полку лубенского мисячное взимаючихъ, въ якомъ оказалось онихъ: въ сотнѣ смѣлянской 16, ромен. 41, лохвиц. 23, сенецкой 15, а въ Сулаку будучихъ въ чорнуской 30, пѣрат. 36, лубенск. 49, лукомской 14, чигир. 25, итого тутъ будучихъ 95, а терковскихъ 154. Опрочъ сотнѣ глинской, въ которой на трембачовъ вибирается 14 паіокъ.

15. Родителка рано, передъ службою, отехала зъ Ромна въ Андрѣевку. Романъ молодикъ въ Лохвицю и Лубнѣ отехалъ, до шинковъ. Гусли обмаліованніе принесла жонка молярова. Исти шарую рибу самъ готовалемъ. Отецъ Савѣцкій поумедлѣлъ зде, у насъ. Зъ Чигиридуброви, отъ тамошнего сотника, пріѣхалъ сторожъ зъ писмомъ, въ якомъ ускаржается на комисаровъ полковихъ, нехотячихъ облегченя учинить оной сотнѣ въ сустентацѣи дракгунской. Отъ глинского сотника листъ поданъ о Горуновичу, ухиляючомся отъ зборщицтва и поехавшомъ въ Лохвицю, а оттуду въ Кіевъ на попи. П. Василь Дяченко зъ старшиною тутейшою бывши зде, сказали, что приговорили, жеби Андрѣй зборщикъ за грунтъ рѣпчанского чловѣка (которого синъ прошинковался у мене) заплатилъ мнѣ 50 зол., а особливе часть тихъ грошей, якіе далъ билъ господаръ Андрѣй за вирубъ лѣска тому жъ чловѣкови, якій онъ бувъ продалъ, хочай мнѣ и въ арештъ былъ отданъ.

16. До Глинского отписали о Горуновичу, жеби писалъ до отца протопопи лохвицкого, ижъ бы онъ не удержовалъ его у себе. Онъ же отписалъ о ковалю хоминскомъ, же учинится інквизиція и что казанъ мой здѣланъ будетъ на прійдучую пятницю. Отецъ Павелъ бубновскій бувъ и городничій хмѣловскій, ускаржаючись на мужиковъ противнихъ, у козацтво потиснувшихся. Василецъ

Нижникъ скаржился на Комаровского за побитте его. Бутурлимъ бувъ и отойшолъ у вечеру. Составилемъ табулу господарскую на аркушѣ многихъ рѣчій. Інтерлѣкгатору далемъ 10 листковъ злота (за якое Сеглаю заплатилемъ зол. 1) для оправи тестаменту; ему жъ казалемъ оправить на прійдучій годъ протоколъ [1]). Лютенъ двѣ и третую бандуру далемъ маляреви помаліовать.

17. Проносное лѣкарство принималемъ pulv. purg. uj. Sedes било 11. Писмо отъ полуполковника полку Сѣбирского Арапова получилемъ, въ которомъ обявляетъ, что ротѣ его четвертой стоять въ полку лубенскомъ, и жеби на половинное число декабря присилать провіянтъ и фуражъ въ Городище полку миргород. зъ полку лубенского на оную роту. Также отъ комисаровъ полковихъ полученъ листъ о томъ, что ротѣ Сибирского полку опредѣлили кватеру въ лубенской сотнѣ и чтобъ ищислить двори въ сотняхъ глинской, роменской и смѣловской, а въ прочіихъ они сами мѣютъ ищислить. Джикгилъ, сторожъ сенецкій, повернулся зъ Глухова зъ писмами ясневел., швакгровъ обоихъ, въ которихъ сожалѣніе о преставлшойся дочерѣ моей Анастасіи вираженно. А отъ господара Василя о господарскихъ поведеніяхъ, именно: что риба не продана, свѣтелка цеглою вимощена и гребля въ Ясманѣ порвалася. Отъ правителей онъ же далъ указъ о присланню сентенцѣи, якъ казнить колодниковъ здо держимихъ и листъ о принятіи въ козаки мужиковъ монастира, а незнать якого и въ якомъ селѣ назначено. Заплатинъ секретарь померъ въ Глуховѣ.

18. Занемощѣлъ на болѣзнь на кшталтъ диссентерѣи, и столчаковъ 10 имѣлъ. Отписалемъ до полуполковника Сѣбирского полку Арапова, что ротѣ ихъ опредѣлена квартера у лубенской сотнѣ; до комисаровъ пол. писалемъ о томъ, же листѣ его подполковника и что сотнѣ глинск., ром, и смѣлов. зревѣдовать значковимъ. Грошей 50 зол. еще Илкови далъ Мартинъ на покупку табаку, и того 50 зол. Рокгѣнского человѣка уговорили на колѣсъ 20 по золотому и задатокъ далъ 10 золот. Отца Петра Лукомского синъ, бувши у

[1]) Т. е. приготовить тетрадь для продолженія дневника въ 1725 г.

мене, зъ суплѣкою отца своего о томъ, чтоби я за нимъ интерцедовалъ до архиерея, даби ему бить попомъ на его мѣстѣ написанною, получилъ отъ мене такое писмо. До лукомской старшини, о роздачѣ и остатнего числа регламентовъ, писалемъ. Отъ Адама прійшли паробки зъ Переволочной и сказуютъ, что онъ нѣчого болшъ не везетъ кромѣ, двохъ куховъ, одной мусулесу, а другой ..... (?), 30 бунтовъ сафяну, куль заполочи, поясовъ шовковихъ десятокъ. Полторацкій бувши у мене просидѣлъ. Василь старий пріехалъ отъ панеи зъ писмомъ до мене, о моемъ приездѣ на свята въ Луку, писанномъ. Мартинъ взялъ грошей 29 зол. и полъ 7 шаг. у атамана, якіе онъ отобралъ отъ рѣпчанского человѣка, продавшого грунтъ мною заарештованный господареви на зрубъ.

19. Григорій Антоновъ, житель горошинскій, значковій товаришъ, подписался на писмѣ, данномъ мнѣ отъ горошинцювъ на степъ криворудскій, где футоръ мой. Отъ Исаии Ивановича, аптекара, получилемъ писмо о доводячихся отъ мене грошахъ въ аптеку 101 зол. и 8 шаг. П. Василь глинскій и судденко пріехали въ Ромонъ и обѣдали. Комисаръ Черняховскій, пріехавши сюда, показовалъ два указа зъ колегіи къ нему присланніе: одинъ, о взиманіи офѣцерамъ половину раціоновъ и порціоновъ, а другій о недаваніи на отлучки и на комендерованнихъ на день по 5 копѣекъ. Василця старого отпустилемъ до родителки зъ листомъ моимъ: тутъ ли въ Ромнѣ, албо въ Луцѣ праздникъ отправлять, на волю полагаючи ея. Селецкій пріехалъ зъ требованіемъ, абы спалню (зимній возокъ) въ Луку санную посилать. Спалню послалемъ до родителки на всю ночъ зъ сторожемъ Джикгилемъ и листомъ обявляючимъ тое, что п. сотниковая глуховская мѣетъ завтрійшого дня зъ Гудимъ пріехать на службу сюда, въ Ромонъ.

20. Неделя. Послани 4 подводи въ Глуховъ (зъ межи которихъ 2 моихъ 4 волами) и на онихъ послани рѣчи, именно: кухва меду у два каменей, бочка вина кримского, 3 барилѣ сливянику, казановъ 3 винничнихъ и трубъ 10, хмелю мѣшковъ 2, завѣсковъ зъ кручками 48, тарадайка, и писано черезъ нихъ же до Василя о рознихъ интерессахъ домашнихъ, а притомъ, жеби на тіе подводи

зложилъ 5 пуд. штабъ у Камене, кухву горѣлки, каретку спалню, колеса и шоръ пару. Денегъ, доводячихся отъ мене въ аптеку полевую, 101 зол. и полъ 9 шаг. отдалемъ присланному за тимъ нарочно ученику аптекарскому Якову Обернибѣсову, которій и росписался на томъ. Зъ Глинска котляръ глинскій привезлъ казанъ и 3 труби у 50 фунт., а мѣди еще доводится отъ его полъ 7 фунта, якую мѣдь и казанъ зъ тими трубами взявши, знову, п. Василь глинскій мѣлъ переслать до Сухоносовки оттуду, а ему, котляреви, за труби далемъ кожухъ бѣлій и гривню грошей. Указовъ 4 зъ вой. енер. канцелляріи получилемъ о присланню зборщиковъ; 2, о взяттю сказокъ у Андрѣяша и Якима Кулябки, о ихъ пріуготовленіи въ походъ до Гилянѣ; 3, о присланню вѣдомостей, о градскихъ артилеріяхъ, мѣскіе ли суть или сотенніе; 4, о присланню вѣдомостей о сторожахъ полевихъ, сколко где есть. Писмо до отца протопопи о Горуновичу глинскомъ, жеби его не укривалъ отъ зборщицтва глинского, писалемъ. Полковникъ Троецкого полку іноземецъ Heydenreych пріехалъ въ Засулле и сталъ тамъ у ктитора, где и я вечоромъ бувъ и гостивъ у его. П. Василь глинскій и Зарудній Федоръ отехали въ Глинскъ. Промеморію отъ князя Голѣцина въ вой. енер. канцелляр. писанную, послалемъ черезъ козака того, которій въ Глуховъ при возкахъ поехалъ. Костирку, третего комисара, тутъ въ Ромнѣ устроилисмо.

21. Мартинови далемъ 80 зол., жеби оніе Ілкови на покупку тютюну отдалъ, оставивши у себе на росходи рубль. Маляреви за гуслѣ и лютнѣ заплатилемъ рубля. Полковникъ полку Троецкого нѣмецъ Heydenreych былъ у мене и долго просидѣлъ. Отъ глинского п. Василя козакъ привюзъ замочокъ.

22. Родителка пріехала зъ Луки рано. Полковникъ Троецкого полку переехалъ Роменъ къ Бубнамъ. Андрѣй зборщикъ за рѣпчанскій лѣсъ принюсъ грошей мнѣ 40 зол. Зъ Селецкимъ, въ дорогу полскую, сани наложили тютюну, каменей 45, по сказцѣ Мартина молодика, а папушъ вѣхъ числомъ 1650. Гайдай подъ тіе жъ сани нанятъ засулскій, на тижденъ по 5 алтинъ. Гусенко, посиланній до Самойловичовъ и прочіихъ, повернулся и отъ меншого Са-

мойловича толко росписку привезлъ, а болшого и Лесевича въ дому не засталъ. Федору Зарудному послалемъ на его болѣнь дизурію (?) балсамовъ два: balsam. sulphur. terebinthinat., также balsam. de capaive. Послани укази въ сотнѣ повторніе о присланню зборщиковъ, о присланю вѣдомостей о сторожахъ поліовихъ, сколко ихъ есть, о пушкахъ, где и сколко ихъ есть, и оніе сотенніе или мѣскіе суть. Посланъ листъ до Самойловича старшого листъ мой, жеби листовне отвѣтствовалъ о себѣ бунчуковій ли есть или значковій? Посланъ указъ до Остапенка, Пештича, Іосифа Василченка, Григораша Шаргородского, жебы были въ походъ готовіе. Зъ Глухова листи принесени: 1, отъ ясневел., сотника глух., швакгровъ и Гурковского. Секретаръ Терентій Онисимовъ Заплатинъ померъ 17 сего декабр.

23. Горуновичъ глинскій зъ листомъ явился отца протопопи лохвицкого, жебы его отъ зборщицтва уволнить, яко причетника церковного, которого зъ листомъ въ Глинскъ до п. Василя отправилемъ, намѣнивши и о другихъ многихъ таковихъ же людехъ способнихъ до того дѣла, въ чомъ жебы по самой слушности учинили, предложилемъ. Петро, слуга бригадира, Вельяминова, былъ у мене и отехалъ. Укази до Андріяша и Якима Кулябки, о росписцѣ отъ нихъ мѣючой взятись, что мѣютъ готови быти въ походъ до Гиляни; 2, до значковичъ, Пестича, Остапенка, Василченка и Григораша, о поготовости ихъ въ тотъ же походъ, черезъ Джикгиля послалемъ. Інструкцѣю о зборщикахъ зъ сотенъ нѣкоторихъ дано Манжосу, жеби по оной вибрани и вислани были. Тарасъ молодикъ повернулся зъ Глухова, а между иншими рѣчами донеслъ о томъ именно: 1, что за поле Солодовниково заплатилъ господаръ 130 зол., еще 100 зол. отложилъ до весни; 2, ячменю на солодъ 18 четвериковъ купилъ онъ же; 3, въ саду сварковскомъ посажено теперъ, въ осени, сливъ венкгерскихъ 204, яблучнихъ дичокъ 188, грушовихъ 178, черешенъ 63, вишенъ 63; 4, тютюну складеного въ Сварковѣ 5000, а еще некладеного столко жъ; 5, тютюну въ Тулиголовахъ складеного 500, а еще некладеного столко жъ будетъ папушъ; 6, горѣлки тамъ, въ імбарѣ, куфъ 4 повнихъ, а пятая неповная, а всѣхъ носатокъ въ нихъ 49 и кварть 106. Мар-

тинъ гайдая въ Полщу подъ возъ нанялъ, по 5 алт. на тиждень, и уже давъ ему задатку на 3 неделѣ. Казанне на Рождество Христово компоновалемъ.

24. Черезъ чорнуского сторожа писалемъ до Орановского, жебы на 4 казани у винницѣ робилося и щобъ казалъ на конѣ купити овса наши, въ Засуллѣ стоячіе, особливе жебы вѣдавъ, что заплатилемъ въ аптеку должніе денги 20 руб и 39 копѣекъ. Далемъ грошей 3 зол. слюсареви, на прошеніе его и на отробленне, тому що зъ Астраханѣ пріехалъ. Такъ же и Данилови татаринови копу. Комуниковалемся. Слово о Рождествѣ Христовомъ окончилемъ у вечеру.

25. Комаровскій отъ служ(ителей) говорячи орацію, недокончилъ оной. Днѣстру кравцю, до первого рубля, еще другого рубля далемъ. Леонтій Янковскій зъ целовалниками повернулся, нѣчого нескуравши, бо еденъ зъ тихъ целовалниковъ писменний въ Конотопѣ захоровалъ. Указовъ два привезлъ зъ канцелляріи: 1, о присланню другихъ вмѣсто тихъ писменнихъ; 2, другій, о учиненіи приговору, якъ всякого зъ колодниковъ карать, чего ради и реестръ колодниковъ присланъ оттуду назадъ.

26. Посланъ листъ до старшини лубенской о Якиму Кулябцѣ, жебы онъ сказку далъ о себѣ инакшую, то есть, что онъ готовъ будетъ въ походъ до Гилянѣ, а если якъ слишно, поехалъ онъ въ Кіевъ для поповства, то жебы навздогонъ послали за нимъ, чтобъ онъ того не дерзалъ чинити. Тогда жъ писалемъ до Романа молодика о рознихъ приватнихъ дѣлехъ, и до Славѣнского о фурману, палубу и о 60 колесахъ. Особливе писалемъ до смѣлов., глин , сенец., луком. и чигир. о дичинѣ. Отъ полковника Троецкого полку Гейденрейха пріехалъ слуга офѣцера Подимова вишукувать лошади, збѣгшой его. Трактовани были люде здешніе у насъ.

27. Неделя. Каптенармусъ Інгермолонского полку, бувши у мене, требовалъ отсилки атаманнѣ селской сотнѣ роменской до полку, справитись зъ комисаромъ, тамъ подъ карауломъ держимимъ за провіянтъ и фуражъ. Обѣдалъ прапорщикъ и коптенармусъ; тутъ и глинскіе гостѣ. Отъ аптекара Іохемса зъ Лубенъ поданъ листъ и пѣкгулки. Остапенко и Михайло Перехристъ дали доношеніе, что

зборщики не хотятъ брати денегъ за медъ наложнихъ. Сказали глинскіе о п. Василевѣ глинскомъ, что на ногу захорувалъ.

28. Указъ до лубенской старшини посланъ о присланню еще двохъ посполитихъ чловѣка грамотнихъ, для пріему провіянту у магазейна. Писалемъ до Петрановского о его прибытіи сюда. Ілкови черезъ Мартина еще далемъ грошей зол. 100 на покупку табаку. Глинскій п. Василь пріехалъ сюда и того жъ вечора отехалъ, черезъ которого также и черезъ старого Зарудного, наказовалемъ, жебы молодий Зарудний да Яковъ Жуковскій пріехали сюда— ехать зо мною въ Ахтирку. Бѣляевъ драгунъ Інгермоланского полку подалъ чолобитную о своемъ долгу на якомсь Солодусѣ, уже якоби давно въ Черкасскомъ за злодѣйство повѣшенномъ, доводячомся, якую далемъ слѣдовать. По прошенію тутейшой старшини писалемъ до Орановского, а въ небытности его до Алексѣйця, и продажѣ сѣна скиртъ нѣсколко, але дорогшою нѣжъ прежде ценою. Подводи, посиланніе въ Глуховъ, повернулись позно у вечеру, а що привезли зъ собою того не смотрѣли, але до завтрого отложили. Толко по сказкамъ видно, что кухву горѣлки, шори да желѣза штабъ 4 привезли, а въ нихъ пудовъ 5 и 15 фунтовъ. Черезъ сторожа лохвицкой сотнѣ послали въ Глуховъ: 1, доношеніе въ колегію о присланню указовъ до зборщиковъ, дабы они приняли денги за продажу зборного меду; 2, до ясневелможной; 3, до Скоропадского, зъ повиншованнемъ святъ писалемъ. Заборовскій бувъ зъ панею и Яковъ Дуброва. Увечеру бувъ Полторацкій и просилъ о виданне зъ церкви его скринки, которую видать изнову когды рѣчи тамъ найдуючіеся висушаться, отобрать приказалемъ атаманови Гѣнѣ. Мартинъ и Тарасъ за ночную прохадзку наказани. Авраамъ кушнѣръ, вичинивши вовна, принюсъ.

29. Кровъ зъ руки правой, головной жили, пускалемъ. Горуновичъ глинскій бувъ у мене и отправленъ зъ листомъ до п. Василя, до которого тогдажъ цедулою писалемъ о коню воронемъ его. Намѣстникъ Красногорской пустинки зъ ктиторами Колотомъ и проч. бувъ у мене и отправилемъ его зъ листомъ о нихъ до старшини чорнуской писаннимъ. Сторожъ лохвицкій ажъ теперъ отправ-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVI.

1892 ..

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
I.	ТЕОРБАНИСТЫ ГРЕГОРЪ, КАЭТАНЪ И ФРАНЦЪ ВИДОРТЫ. **А. А. Русова.**	336—380
II.	О ТОРБАНѢ И МУЗЫКѢ ПѢСЕНЪ ВИДОРТА *(съ нотами)* **Н. В. Лысенка.**	381—387
III.	МАЛОРУССКІЯ ВИРШИ НРАВОУЧИТЕЛЬНАГО СОДЕРЖАНІЯ. **П. И. Житецкаго.**	388—408
IV.	СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. *(Продолженіе)*. **Н. Ѳ. Сумцова.**	
V.	ВОЗСОЕДИНЕНІЕ УНІАТОВЪ ВЪ М. РАТНОМЪ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1838 г. **Ѳ. Кудринскаго.**	409—438
VI.	КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО. **Б. С. Познанскаго.**	439—457
VII.	ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕР. ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ ВЪ 1787 ГОДУ. Х. **Г. В. Есипова.**	458—477
VIII.	ПАРАЛЛЕЛИ КЪ ПОВѢСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ВІЙ». **Проф. Н. Ѳ. Сумцова.**	472—477
IX.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ біографическому матеріалу объ А. А. Котляревскомъ. **А. Степовича.** б) Южнорусскій громникъ. **Мирона.** г) Памятники старины въ селѣ Субботовѣ. **В. П.** д) Переписка кіевскаго генералъ-губернатора М. И. Леонтьева по поводу назначенія ему жалованья (1743 г.). **Сообщ. А. Андр.** е) Народныя пѣсни про мужей пьяницъ. **Сообщилъ Хр. Ящуржинскій.** ж) Забытый уголокъ Приворсклія. **А. Т.** з) Изъ фамильныхъ преданій и архивовъ. **Н. В. Стороженка.** и) Современное дѣло о знахарствѣ. Сообщ. **М. Давнаръ-Запольскій.** і) Къ статьѣ г. Боцяновскаго о Житомирской публичной библіотекѣ. **Арк. Лященка.** 131—154, 314—349.	478—503
X.	БИБЛІОГРАФІЯ: а) В. Е. Постниковъ. Южно-русское крестьянское хозяйство. **А. Русова.** б) Бернардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году. **И. Каманина.** в) Сборникъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ IX. **Р.** г) А. Г. Брикнеръ. — Потемкинъ. — Съ 2 портретами. **Z.** д) Опытъ изслѣдованія украинскихъ крестьянскихъ ярмарокъ. **Р.** е) Херсонскія Губернскія Вѣдомости 1839 — 1888 г. **В. Ястребова.** ж) Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшія въ концѣ 1890 и въ 1891 г.	504—536
	ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Изображеніе торбана и кобзы. 2) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.	
	ОБЪЯВЛЕНІЕ	1—2